

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. — профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Бекбатыров Н.Ж. — начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 1 (17)
Вологда 2012

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.Ю. ПИДЖАКОВ, Ю.В. МИШАЛЬЧЕНКО

Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на универсальном уровне 4

Б.А. СПАСЕННИКОВ

К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера 12

В.Г. ЛЕЩЕНКО

Пути совершенствования правовой регламентации религиозной деятельности, осуществляемой в местах лишения свободы 17

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Я.Г. СТАХОВ

Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы 21

А.И. АБАТУРОВ

Критерии диагностики личности злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания (в контексте реализации современной уголовно-исполнительной политики) 24

П.Н. КРАСОТКИН

Поощрение и взыскание как парные меры воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде исправительных работ, по законодательству Российской Федерации 27

Р.В. КОМБАРОВ

Законные интересы осужденных к наказанию в виде ограничения свободы 31

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Н.В. ГРЯЗЕВА

К вопросу о криминалистической характеристике побегов осужденных из исправительных учреждений 35

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 42

О.Н. РАКИТСКАЯ

О проблеме формирования конструктивного профессионального мышления сотрудника уголовно-исполнительной системы 42

О.Б. ПАНОВА

Педагогические факторы правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений 47

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 54

Е.Е. СЕРЕБРЯКОВА

Правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации 54

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 59

МАРТИН ШМИД, Е.А. ОГРОХИНА

О новой реформе уголовного и уголовно-процессуального законодательства в Швейцарии 59

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 64

С.А. КУТЯКИН

Проблемы противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: научная значимость и задачи исследования 64

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 69

Л.И. БЕЛЯЕВА

Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей 69

В.Б. ЛЕБЕДЕВ, Е.В. СТЕПАНОВ

В.А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов 82

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 88

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Научная школа «Военный плен, интернирование и депортация в годы Второй мировой войны и послевоенный период» 88

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 95

РЕЦЕНЗИИ 97

З.С. ЗАРИПОВ

Рецензия на монографию Смеловой С.В. «Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий» 97

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 97

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 99

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 100

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION 4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Y.V. MISHALCHENKO , A.U. PIDZHAKOV
International legal regulation of fight against corruption at universal level 4

B.A. SPAENNIKOV
To the question on the purposes of forced measures of medical character. 12

V.G. LESHENKO
The ways of perfection law regulation of church activity in places of imprisonment. 17

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Y.G. STAHOV
Some ways to solve the problem of social adaptation of discharged from imprisonment. 21

A.I. ABATUROV
Criteria for diagnosis of a malicious intruder of the established order of punishment personality (in the context of modern penal policy) 24

P.N. KRASOTKIN
Encouragement and penalties as the interrelated measures of educational influence on convicts, serving criminal sentences in the form of corrective labour, according to the legislation of the Russian Federation 27

R.V. KOMBAROV
Legitimate interests condemned to punishment in the form of freedom restriction 31

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

N.V. GRYAZEVA
To the question of criminalistics characteristic of escaping from penal institution. 35

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 42

O.N. RAKITSKAYA
About the problem of formation of constructive professional thinking of the employee of criminal and executive system 42

O.B. PANOVA
The Pedagogical Factors of Infant Prisoners Legal Desocialization 47

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY. 54

E.E. SEREBRYAKOVA
Legal regulation of public-private partnerships in the Russian Federation. 54

FOREIGN EXPERIENCE 59

MARTIN SCHMID, E.A. OGROKHINA
About the new reform of criminal and criminal procedure legislation in Switzerland 59

DISCUSSION IS WELCOME 64

S.A. KUTYAKIN
Scientific relevance and research issues of criminal opposition counteracting of the Russian Federal Penal System. 64

HISTORY PAGES 69

L.I. BELYAEVA
The international penal congresses and the development of study on juvenile delinquent upbringing. 69

V.B. LEBEDEV, E.V. STEPANOVA
V.A. Sollogub and his experiments in the field of the convict labour organization 82

OUR RESEARCHES 88

A.L. KUZMINYKH
Scientific school «war captivity, internment and deportations during the second world war and post-war period». 88

DISSERTATIONS-REVIEW. 95

REVIEWS 97

Z.S. ZARIPOV
Review of Smelova S. V. monograph of a subject «Criminal liability for excess of powers of office» 97

NOVELTIES OF LITERATURE 97

INFORMATION, ADVERTISEMENTS. 99

INFOMATION ABOUT THE AUTORS 100

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на универсальном уровне

А.Ю. ПИДЖАКОВ – заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Ю.В. МИШАЛЬЧЕНКО – генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор

В статье значительное внимание уделяется деятельности ООН по борьбе с коррупцией. Делается акцент на анализе Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., резолюции Организации Объединенных Наций «Коррупция против чиновников» и других документов, принятых данной международной организацией в этом направлении.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; коррупция; конвенция; резолюция; международный договор; публичное должностное лицо; международное сотрудничество.

International legal regulation of fight against corruption at universal level

A.U. PIDZHAKOV – Chief of the International Law Department at St. Petersburg State University of Civil Aviation, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Higher Education Worker of the Russian Federation, Professor, Dr. of International Law, Dr. of Historical Science, Professor;

Y.V. MISHALCHENKO – General Adviser of the CIS Economic Court, he professor of chair of the European researches of St.-Petersburg state university, Professor, Dr. of International Law, Dr. of International Economics

The article highlights the UNO anticorruption activity. The emphasis is on the analysis of the UNO Anticorruption Convention, 2003; the UNO resolution “Corruption versus public officers”, and others.

Key words: the United Nations Organization; corruption; convention; resolution; international treaty; public officer; international cooperation.

Значительное внимание проблеме коррупции уделяет Организация Объединенных Наций. В поле зрения ООН проблема корруп-

ции находится уже более трех десятилетий. Об актуальности этой темы и необходимости противостояния коррупции упоминается

еще в материалах V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1975). В дальнейшем на форумах ООН данная проблема обсуждалась неоднократно¹. В то же время коррупция рассматривалась в документах тех лет как проблема национальная, во многом зависящая от культурных особенностей и традиций той или иной страны. Понимание международного, глобального характера феномена коррупции пришло несколько позже, с интенсификацией интеграционных процессов в мировой экономике.

Реагируя на проблемы, которые вызывает коррупция, ООН принимает соответствующие документы в этой сфере. В резолюции VIII Конгресса ООН (Гавана, 1990) «Коррупция в сфере государственного управления» отмечалось, что «проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и что, хотя они оказывают особенно пагубное влияние на страны с уязвимой экономикой, это влияние ощущается во всем мире»². В 1996 г. появилась резолюция «Борьба с коррупцией», которая призвала внимательно рассмотреть проблемы, связанные с международными аспектами коррупции, особенно в отношении международной экономической деятельности, осуществляемой корпоративными организациями. В этой связи также известна декларация ООН «О борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях» 1996 г.³ В рамках ООН был принят «Международный кодекс поведения государственных должностных лиц» (приложение к резолюции 1996 г.), который предусматривает принципы деятельности государственных должностных лиц⁴. Многие важные вопросы борьбы с коррупцией затрагивались на Восьмой международной конференции по борьбе с коррупцией, состоявшейся в Лиме с 7 по 11 сентября 1997 г., где была принята Декларация о борьбе с коррупцией. Проблема коррупции являлась предметом рассмотрения X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшегося в Вене с 10 по 17 апреля 2000 г. Этот вопрос поднимался на первом и втором глобальных форумах по борьбе с коррупцией, состоявшихся в Вашингтоне в 1999 и 2001 гг.⁵

Таким образом, ООН признала международный характер проблемы коррупции и пытается найти общеприемлемые формы и методы борьбы с этим явлением. Важно отметить при этом, что, с одной стороны, все вышеперечисленные документы носят рекомендательный характер и фактически

не влияют на решение проблемы, с другой – они играют важную роль в формировании норм международного права относительно рассматриваемого вопроса, а также способны влиять на нормы внутреннего права государств.

Особое внимание противодействию этому общественно опасному явлению уделяется в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.⁶ Конвенция вступила в силу 29 сентября 2003 г., Россия подписала ее в 2000 г., а ратифицировала в 2004 г.⁷

Конвенция явилась ответным шагом мирового сообщества на глобализацию организованной преступности и коррупции. Данный документ охватывает широкий спектр проблем, в том числе и коррупцию как преступление, имеющее транснациональное значение. На стадии обсуждения специальный комитет поднимал вопрос о том, должна ли конвенция затрагивать проблему коррупции. Возобладало мнение, согласно которому, хотя вопрос о коррупции ввиду его особой сложности и широты невозможно охватить в конвенции, касающейся транснациональной организованной преступности, однако этот документ был бы неполон без исходных положений о коррупции, поскольку коррупция является как преступной деятельностью, часто осуществляемой организованными преступными группами, так и методом, используемым этими группами для совершения других преступных деяний. В связи с этим было принято решение о включении в конвенцию лишь ряда положений по коррупции с учетом того, что для охвата этой проблемы будет рассмотрена возможность разработки отдельного документа против коррупции⁸.

Таким образом, в ходе работы над Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности впервые возник вопрос о разработке проекта Конвенции против коррупции. В своей резолюции 55/61 от 4 декабря 2000 г.⁹ Генеральная Ассамблея ООН признала целесообразность разработки эффективного международно-правового документа против коррупции, независимого от Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, и постановила учредить специальный комитет по разработке такого документа в Вене в штаб-квартире Центра по международному предупреждению преступности и предупреждению преступности. В этой же резолюции Генеральная Ассамблея просила специальный комитет при разработке проекта конвенции

применять всеобъемлющий и многодисциплинарный подход¹⁰.

Работа специального комитета была начата в январе 2002 г. Всего было проведено семь его сессий. При обсуждении проекта конвенции на сессиях постоянного комитета наибольшие дискуссии вызвали следующие вопросы:

1. Определение «публичного должностного лица». Обсуждение велось вокруг вопросов о том, насколько широким должно быть такое определение и должна ли конвенция содержать свое «автономное» определение или же данное понятие должно быть определено исключительно национальным правом.

2. Определение понятия «коррупция». В результате дискуссии возобладала точка зрения о том, что конвенция не должна предлагать свое определение, а содержать отсылку к перечню подлежащих криминализации деяний.

3. Вопрос о том, должна ли конвенция охватывать коррупцию в частном секторе. Большинство государств решительно высказались в поддержку того, чтобы конвенция охватывала коррупцию в частном секторе. По мнению ряда других государств, этот вопрос является очень сложным и сопряжен со множеством концептуальных, правовых и процессуальных проблем, для которых, возможно, не имеется общеприемлемых решений.

4. Вопрос о том, насколько широкими и обязательными должны быть положения, касающиеся предупреждения коррупции. Большинство участников переговоров единодушно высказались за включение в текст конвенции обширных положений о предупреждении коррупции, что нашло отражение в окончательном варианте проекта¹¹.

Решением седьмой сессии постоянного комитета 1 октября 2003 г. согласованный текст был направлен на утверждение Генеральной Ассамблее ООН. Более 130 стран участвовали в двухлетних переговорах по Конвенции ООН против коррупции, которая вступила в силу в декабре 2005 г.

Структура новой конвенции традиционна для международных документов подобного рода. Она состоит из преамбулы и восьми разделов (глав), каждый из которых посвящен самостоятельным аспектам борьбы с коррупцией. Для более точного восприятия содержания новой конвенции и основных ее концептуальных положений лучше всего начать ее рассмотрение с конкретных глав.

Первая глава названа «Общие положения» и включает в себя нормы, раскрываю-

щие цели конвенции, а также довольно объемный понятийный аппарат.

Так, общей целью определено предупреждение и искоренение коррупции путем укрепления международного сотрудничества и оказания государствам-членам технической помощи в этой сфере¹².

Согласно ст. 3 конвенция применяется «к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию за коррупцию и к приостановлению операций (замораживанию), аресту, конфискации и возвращению доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией»¹³. Таким образом, можно выделить три основные сферы применения конвенции: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и криминологическую-профилактическую.

Как это и положено в международных документах подобного уровня, центральное место в нем должна была занять дефиниция понятия «коррупция». Вокруг данного определения велись наиболее ожесточенные споры. Эксперт от Франции, например, заявил, что предложенное толкование носит явно догматический характер, не учитывает особенностей национального языка и перевода. С этим аргументом трудно не согласиться. Так, если в английском варианте под коррупцией понимается мздоимство, то французы ассоциируют данное явление со взяточничеством либо подкупом¹⁴. В итоге было принято решение не вводить указанное понятие в текст конвенции.

Вторая глава названа «Меры по предупреждению коррупции», она занимает в документе центральное место. Здесь впервые на столь высоком международном уровне была сделана попытка определить существо и содержание политики предупреждения и противодействия коррупции. В отличие от набора отдельных мер, направленных против преступления данного вида, политика предупреждения и противодействия коррупции подразумевает активное государственное участие и является более точным и всеобъемлющим инструментом в борьбе с этим общественно опасным явлением. Данная политика строится с учетом оптимальных видов практики, направленных на предупреждение коррупции и возможности поддержания стандартов публичного аудита.

Вопросам криминализации коррупционных деяний и правоохранительной деятельности посвящена гл. 3 конвенции. Как уже отмечалось, именно перечень подлежащих криминализации деяний определяет понимание коррупции в настоящем документе.

Понятие подкупа должностных лиц (конвенция предусматривает криминализацию подкупа национальных, иностранных и международных публичных должностных лиц – ст. 15, 16 конвенции) в целом схоже с определением, предлагаемым Конвенцией Совета Европы. Согласно Конвенции ООН в понятие подкупа входят обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества должностному лицу (активный подкуп) и принятие или вымогательство такого преимущества таким лицом (пассивный подкуп)¹⁵. Отметим, что в отличие от Конвенции Совета Европы сами термины «активный подкуп» и «пассивный подкуп» конвенция не использует.

Предотвращению конфликта интересов служат положения конвенции о порядке принятия и издания кодекса поведения публичных должностных лиц (стандартов поведения). Отдельные основополагающие принципы таких стандартов должны учитываться странами-участницами при разработке своего законодательства. Давая в целом широкое определение публичного должностного лица, включающее категорию служащих государственных предприятий, документ содержит отсылку к национальному законодательству.

Конвенция предусматривает криминализацию подкупа в частном секторе (ст. 21). Отличие от «публичного» подкупа состоит в том, что незаконное преимущество предоставляется частному управленцу за действие (бездействие) в нарушение своих обязанностей. В случае же подкупа публичного должностного лица оно действует «при выполнении должностных обязанностей».

Помимо деяний, связанных с подкупом, конвенция предусматривает криминализацию еще ряда деяний.

К их числу относится хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом. Согласно ст. 17 конвенции подлежат криминализации «неправомерное присвоение или иное нецелевое использование публичным должностным лицом в целях извлечения выгоды для себя самого или другого физического или юридического лица кого-либо имущества, публичных или частных средств, или ценных бумаг, или любого другого ценного предмета, находящихся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения»¹⁶. Отметим, что помещение данной статьи в главу о криминализации диктуется, на наш взгляд, не тем, что эти деяния не охвачены

уголовным законом (представляется, что нет уголовного законодательства, которое бы не предусматривало должностных хищений в качестве преступлений), а тем соображением, что должностные хищения должны быть отнесены к перечню коррупционных преступлений и на них должны распространяться иные положения конвенции и национального антикоррупционного законодательства. Хищение имущества в частном секторе конвенцией также криминализируется (ст. 22)¹⁷.

Злоупотребление служебным положением предусмотрено в качестве коррупционного преступления согласно ст. 19: «Каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, злоупотребление служебными полномочиями или служебным положением, т.е. совершение какого-либо действия или бездействия, в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении своих функций с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица»¹⁸. Таким образом, в числе коррупционных преступлений конвенция называет «классическое» служебное корыстное преступление, не связанное с подкупом. Тем самым она использует широкий подход к перечню коррупционных преступлений, включающих не только подкуп, но и иные служебные злоупотребления.

Понятие злоупотребления в корыстных целях (ст. 18) полностью воспроизводит соответствующее положение Конвенции Совета Европы.

Существенной спецификой обладает преступление, предусмотренное ст. 20 – незаконное обогащение. Под таковым конвенция понимает «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»¹⁹.

Относительно включения данной нормы в текст документа в ходе работы специального комитета по разработке конвенции развернулась оживленная дискуссия. Делегации Российской Федерации, государств-членов Европейского Союза и других стран выразили настоятельное желание исключить эту статью²⁰. В документации специального комитета отсутствует какое-либо обоснова-

ние такой отрицательной позиции. Думается, она была вызвана тем обстоятельством, что подобная норма не вполне согласуется с положениями о презумпции невиновности и вводит в уголовное право элементы объективного вменения. Отметим, что, подобно другим нормам, конвенция предполагает умышленный характер деяния («когда оно совершается умышленно»). В данном случае непонятно, по отношению к какому деянию должна устанавливаться вина в форме умысла, так как «значительное увеличение активов» является не действием (бездействием) лица, а его последствием. Действие (бездействие) презюмируется и не требует доказывания, что противоречит положению классического уголовного права об ответственности лица только за свои виновные действия (бездействие)²¹.

Тем не менее эта норма была включена в окончательный текст конвенции. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что имплементация данного положения в национальном уголовном законодательстве целого ряда государств (главным образом континентальной системы права) вызовет значительные трудности, поскольку потребует пересмотра фундаментальных положений уголовного и уголовно-процессуального права.

Конвенция предписывает государствам-участникам предусмотреть в национальном законодательстве ответственность за отмывание доходов от коррупции, сокрытие соответствующих преступлений, а также за соучастие в коррупционных преступлениях и неоконченную преступную деятельность (ст. 23, 24, 27).

Подобно другим антикоррупционным международным документам, конвенция содержит норму об ответственности юридических лиц. Согласно ст. 26 государства-участники принимают законодательные и иные меры для установления ответственности юридических лиц за участие в коррупционных преступлениях. Ответственность юридических лиц с учетом особенностей национального права может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Каждое государство-участник согласно данной статье обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции.

В документе содержатся определенные рекомендации относительно пенализации

коррупционных преступлений и наказательной политики государств по отношению к коррупционерам. В ст. 30 говорится, что «каждое Государство-участник за совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, предусматривает применение таких уголовных санкций, которые учитывают степень опасности этого преступления»²².

В статье также содержится рекомендация о максимально возможном ограничении иммунитетов от уголовного преследования за коррупционные преступления. Отдельно в п. 5 ст. 30 рекомендуется назначать виновным в коррупционных преступлениях с учетом степени опасности деяния наказание в виде лишения права на определенный срок занимать публичную должность или занимать должность в каком-либо предприятии, полностью или частично находящемся в собственности государства. Сроки давности по преступлениям, предусмотренным в конвенции, должны быть «длительными» (ст. 29)²³.

Каждое государство-участник обеспечивает в соответствии со ст. 36 наличие органа (органов) или лиц, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер. Такому органу (органам) или лицам обеспечивается необходимая самостоятельность в соответствии с основополагающими принципами правовой системы государства-участника с тем, чтобы они могли выполнять свои функции эффективно и без какого-либо ненадлежащего влияния. Такие лица или сотрудники такого органа (органов) должны обладать надлежащей квалификацией и ресурсами для выполнения своих задач.

Детально проработаны в конвенции вопросы юрисдикции. Она устанавливает четыре юрисдикционных принципа: территориальный, гражданства, реальный и универсальный.

Анализ положений конвенции показывает, что в документе не предусмотрен принцип «двойной криминальности», то есть для установления национальной юрисдикции в отношении предусмотренного конвенцией коррупционного преступления не требуется, чтобы оно было предусмотрено в уголовном законодательстве государства, где такое преступление было совершено. Кроме того, в положениях о выдаче указывается, что государство-участник, законодательство которого допускает это, может разрешить выдачу какого-либо лица в связи с любым из преступлений, охватываемых конвенцией, которые не являются уголовно наказуемыми

согласно его собственному внутреннему законодательству (п. 2 ст. 44).

Четвертая глава конвенции посвящена вопросам международного сотрудничества. Помимо организации экстрадиции, конвенция обязывает стороны сотрудничать в решении о таких вопросах, как содействие расследованию дел о коррупционных преступлениях, включая истребование доказательств, передачу осужденных лиц по гражданско-правовым и административно-правовым делам, связанным с коррупцией. Конвенция может рассматриваться государствами-участниками как правовая основа для такого сотрудничества, даже при условии отсутствия между ними договоров о взаимной правовой помощи.

Возвращение активов представляет собой основополагающий принцип рассматриваемой конвенции. Ввиду особой важности нормы о сотрудничестве в вопросах конфискации и возвращения активов помещены отдельно – в гл. 5. Конвенция предписывает сторонам предпринять меры по предупреждению перевода активов путем ужесточения банковского контроля за подозрительными сделками и счетами, а также устанавливает правила по непосредственному взаимодействию государств в вопросах конфискации и возвращения активов²⁴.

Заключительные положения конвенции посвящены вопросам ее вступления в силу и осуществления государствами ее положений. Согласно ст. 65 каждое государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства необходимые меры, включая законодательные и административные, для обеспечения осуществления своих обязательств согласно конвенции. В статье также указывается, что государство-участник может принимать и более строгие или суровые меры, чем те, что предусмотрены конвенцией, для предупреждения коррупции и борьбы с ней²⁵.

Принятая 31 октября 2003 г. Конвенция ООН против коррупции была подписана представителями государств на конференции высокого уровня в Мериде (Мексика) 9–11 декабря 2003 г. Конвенцию подписали 97 государств, включая Российскую Федерацию. Россия ратифицировала конвенцию в 2006 г.²⁶ Документ открыт для подписания в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке²⁷.

Анализируя окончательный, утвержденный Генеральной Ассамблеей и подписанный государствами-участниками текст

конвенции, следует отметить его основательность, фундаментальность. В целом конвенция отвечает задачам эффективного глобального противодействия коррупции и ее транснациональным формам на современном этапе. Заслуживает высокой оценки положенный разработчиками в основу конвенции широкий взгляд на коррупцию, нашедший, в частности, отражение в обширном перечне деяний, подлежащих криминализации. В конвенции отражена высокая общественная опасность коррупции в частном секторе, а также транснациональной и международной коррупции. Отличаются выверенностью и четкостью положения о взаимной правовой помощи, в частности в вопросах экстрадиции. В документе четко обозначен акцент на меры по предупреждению коррупции, являющиеся приоритетными по отношению к уголовно-правовым средствам борьбы с данным явлением.

Соглашаясь с основными положениями конвенции, изложенными выше, и поддерживая лежащее в ее основе позитивное начало, выскажем в то же время ряд замечаний.

Прежде всего, думается, недостаточно проработан вопрос о контроле за выполнением государствами положений конвенции и об ответственности за их нарушение. Глава 7 «Механизмы осуществления» содержит всего две статьи, посвященные конференции государств-участников и секретариату (сугубо техническому органу). В полномочия конференции действительно входит заслушивание информации государств-участников о выполнении конвенции, однако данное полномочие не обеспечено какими-либо четкими обязательствами со стороны государств-участников. К тому же сомнительна эффективность ежегодного заслушивания стандартных отчетов официальных лиц о мерах борьбы с коррупцией. Какая-либо независимая оценка и контроль за проведением антикоррупционных мероприятий со стороны международного сообщества в конвенции не предусматриваются. В тексте говорится лишь о том, что «могут быть рассмотрены также материалы, полученные от соответствующих неправительственных организаций, надлежащим образом аккредитованных в соответствии с процедурами, которые будут определены решением Конференции государств-участников»²⁸. Отметим, что согласно п. 7 ст. 63 «Конференция государств-участников, если она сочтет это необходимым, учреждает любой соответствующий механизм или орган для со-

действия эффективно осуществлению Конвенции»²⁹. Данное положение, на наш взгляд, делает перспективы антикоррупционного мониторинга в рамках контроля за выполнением конвенции весьма туманными. Учитывая количество государств-участников конвенции, нахождение консенсуса по столь сложным вопросам в рамках ежегодной конференции, а главное принятие эффективных решений представляется маловероятным.

Безусловно, существует опасность того, что под предлогом борьбы с коррупцией будет осуществляться вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Тем не менее защита суверенитета (о таковой говорит и сама конвенция в ст. 4) не должна являться щитом для коррумпированных режимов от международно-правовой ответственности. Как представляется, ущерб, наносимый системной коррупцией в ряде стран мировому сообществу, не намного меньше того, который причиняется государствами, потворствующими терроризму (в Афганистане и Ираке это, как известно, привело к военным интервенциям). Отметим, что принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) является одним из основополагающих в международном праве. Без эффективных механизмов контроля и ответственности реализация данного принципа невозможна.

Спорными, на наш взгляд, являются и некоторые положения о криминализации коррупционных деяний. Особые замечания вызывают положения ст. 20 «Незаконное обогащение». Незаконное обогащение в том виде, в котором оно сформулировано в конвенции, невозможно криминализировать при условии соблюдения основополагающих принципов конституционного и уголовного права и процесса не только Российской Федерации, но и большинства государств континентальной системы права³⁰. Необходимо признать, что данная норма является «гибкой», поскольку это положение применяется при «условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы»³¹. Однако не вполне понятно,

по какой причине столь спорное положение нашло закрепление в тексте конвенции. На наш взгляд, более уместным было бы указание в конвенции на возможность применения мер против незаконного обогащения в рамках гражданско-правовых процедур.

Для целей любого нормативного акта ключевое значение имеет применяемая терминология, при помощи которой передается его точный смысл и содержание. Однако, на наш взгляд, текст конвенции содержит нечеткие формулировки и обязательства, что создает реальную возможность для оказания политического давления, завуалированного вмешательства во внутренние дела государств под предлогом борьбы с коррупцией.

В частности, в конвенции есть такие нечеткие формулировки, как «государства-участники стремятся» (ст. 5, 7, 8), «в пределах своих возможностей» (ст. 13), «могут рассматривать» (ст. 34), «может принять» (ст. 27). Подобная терминология говорит о декларативности содержания конвенции, поскольку не накладывает обязательства, а выражает лишь волю, намерение. Это позволяет игнорировать отдельные положения конвенции, оставить их применение на усмотрение сторон и неизбежно приведет к двойным стандартам, что представляется неприемлемым для целей данной конвенции.

Несмотря на отмеченные спорные и неудачные положения, неизбежные в столь объемном международном документе, в целом Конвенцию ООН против коррупции в ее окончательном варианте следует охарактеризовать с самой положительной стороны. Ее принятие знаменует собой принципиально новый этап в глобальном противодействии коррупции. Ратифицированные ранее международные документы в данной сфере имели либо региональное (конвенции ОАГ и Совета Европы), либо иное, сугубо ограниченное, применение (Конвенция ОЭСР). С принятием Конвенции ООН мировое сообщество получило первый антикоррупционный документ глобального значения, способный стать эффективным инструментом международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карпович О.Г. Анализ современных международных подходов к борьбе с коррупцией // Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 38.

² Цит. по: Ашавский Б. Организация Объединенных Наций против коррупции // Чистые руки. 1999. № 1. С. 88.

³ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. М., 2009. С. 122–125.

⁴ См.: Там же. С. 126–128.

¹ См.: Karpovich O.G. Analiz sovremennyh mezhdunarodnyh podhodov k bor'be s korrupciej // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 38.

² Cit. po: Ashavskij B. Organizacija Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii // Chistye ruki. 1999. № 1. S. 88.

³ См.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov: Sb. dokumentov / Sost. V.S. Ovchinskij. M., 2009. S. 122–125.

⁴ См.: Там же. S. 126–128.

⁵ См.: Ромашев Ю.С. Международное правоохранительное право. М., 2010. С. 171.

⁶ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 7–45.

⁷ См.: Федеральный закон от 26 апреля 2004 № 26-ФЗ «О ратификации конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Российская газета. 2004. 29 апр.

⁸ См.: Влассис Д. Разработка проекта конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции // Форум по проблемам преступности и безопасности общества. Т. 2. № 1. Нью-Йорк, 2002. С. 171.

⁹ См.: Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью: В 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 117.

¹⁰ См.: Документы ООН. A/RES/55/61. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/563/07/PDF/N0056307.pdf?OpenElement>

¹¹ См.: Влассис Д. Разработка проекта конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. С. 174.

¹² Подробнее см.: Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. С. 117–152.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ См.: Российская юстиция. 2004. № 4. С. 15.

¹⁵ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 59.

¹⁶ Там же. М. С. 60.

¹⁷ См.: Там же. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Документы ООН. A/AC.261/3/Rev. <http://www.un.org/terrorism/pdfs/3/G0316422.pdf>

²¹ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 40.

²² Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 65.

²³ См.: Там же.

²⁴ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 42.

²⁵ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 100.

²⁶ См.: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации конвенции организации Объединенных Наций против коррупции» // Российская газета. 2006. 21 марта.

²⁷ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 43.

²⁸ Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 100.

²⁹ Там же.

³⁰ Подробнее об этом см.: Богущ Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 123–124.

³¹ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 43.

⁵ Sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodnoe pravoohranitel'noe pravo. M., 2010. S. 171.

⁶ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 7–45.

⁷ Sm.: Federal'nyj zakon ot 26 aprelija 2004 № 26-FZ «O ratifikacii konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti i dopolnjajuvih ee protokola protiv nezakonnogo vvoza migrantov po sushe, morju i vozduhu i protokola o preduprezhdenii i presechenii torgovli ljud'mi, osobenno zhenwinami i det'mi, i nakazanii za nee» // Rossijskaja gazeta. 2004. 29 apr.

⁸ Sm.: Vlassis D. Razrabotka proekta konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii // Forum po problemam prestupnosti i bezopasnosti obwestva. T. 2. № 1. N'ju-Jork, 2002. S. 171.

⁹ Sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s prestupnost'ju: V 2 t. M., 2006. T. 2. S. 117.

¹⁰ Sm.: Dokumenty OON. A/RES/55/61. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/563/07/PDF/N0056307.pdf?OpenElement>

¹¹ Sm.: Vlassis D. Razrabotka proekta konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii. S. 174.

¹² Podrobnее sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s prestupnost'ju. S. 117–152.

¹³ Tam zhe. S. 49.

¹⁴ Sm.: Rossijskaja justicija. 2004. № 4. S. 15.

¹⁵ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 59.

¹⁶ Tam zhe. S. 60.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 62.

¹⁸ Tam zhe. S. 61.

¹⁹ Tam zhe.

²⁰ Sm.: Dokumenty OON. A/AC.261/3/Rev. <http://www.un.org/terrorism/pdfs/3/G0316422.pdf>

²¹ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 40.

²² Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 65.

²³ Sm.: Tam zhe.

²⁴ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 42.

²⁵ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 100.

²⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 8 marta 2006 g. № 40-FZ «O ratifikacii konvencii organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii» // Rossijskaja gazeta. 2006. 21 marta.

²⁷ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 43.

²⁸ Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 100.

²⁹ Tam zhe.

³⁰ Podrobnее ob jetom sm.: Bogush G.I. Korrupcija i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s nej: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. S. 123–124.

³¹ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 43.

К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

В статье рассматриваются цели принудительных мер медицинского характера и пути их достижения. Юридические цели применения принудительных мер медицинского характера сопоставляются с целями наказания, целями медицинской помощи осужденным. Оценивается возможность достижения таких целей принудительных мер медицинского характера, как излечение психических расстройств, улучшение состояния лица с психическим расстройством и предупреждение совершения им новых общественно опасных деяний.

К л ю ч е в ы е с л о в а : цели принудительных мер медицинского характера; цели наказания; медицинская помощь; осужденные; психические расстройства.

To the question on the purposes of forced measures of medical character

B.A. SPASENNIKOV – the doctor of jurisprudence, the doctor of medicine-skih of sciences, the professor, the professor of chair of criminal law and criminology of the Vologda institute of the right and economy of Federal Agency of an execution of the punishment of Russia

In the article the author considers goals of compulsory measures of medical character and possible ways of their realization. Legal goals of medical compulsory measures' realization compare with goals of punishment and goals of medical care for the convicted. The author evaluates a possibility of realization of such medical compulsory measures as treatment of mental disorders, recovery of the state of insane persons and prevention of committing new socially dangerous acts.

Key words: goals of compulsory measures of medical character; goals of punishment; medical care; the convicted; mental disorders.

«В силу ст. 98 УК РФ целью применения принудительных мер медицинского характера является в первую очередь излечение лиц, совершивших общественно опасные деяния, или улучшение их психического состояния»¹.

Согласно ст. 98 УК РФ, «целями применения принудительных мер медицинского характера являются: излечение лиц, указанных в части первой статьи 97 настоящего Кодекса, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

В тексте Уголовного кодекса Российской Федерации не дано определение принудительных мер медицинского характера, но сформулированы их цели. Последнее сделано впервые в истории уголовного законо-

дательства нашей страны. Формулировка целей даже при отсутствии раскрытия самого понятия помогает определить его сущность, дает возможность в судебной практике решать вопросы назначения, изменения, продолжения и прекращения принудительных мер медицинского характера. Если цели принудительных мер медицинского характера не достигнуты, то их прекращение не обоснованно.

Важно и то обстоятельство, что приоритетными называются интересы достижения психического здоровья человека, а не интересы государства, как это указывалось в ст. 11 УК РСФСР 1926 г. и подразумевалось под словом «помещение» в ст. 58 УК РСФСР 1960 г. Цели принудительных мер медицинского характера сочетают в себе интересы лица, страдающего психическим расстройством, и интересы общества.

Следует согласиться с тем, что «бесцелевая деятельность в конце концов становится бесцельной, а проблема целеполагания в уголовном праве имеет громадное теоретическое значение, связана с принципами уголовного права, его нравственными началами»², и мнением о том, что «вопрос о целях принудительных мер медицинского характера – вопрос принципиальный, и не только в уголовном праве. Именно от того, какие цели сформулировал законодатель, от их четкости и определенности в решающей степени зависит определение средств и методов их достижения, законность, справедливость, гуманизм в деятельности суда, органов правоприменения и здравоохранения, эффективность соблюдения и защиты прав и законных интересов психически больных при применении к ним принудительных мер медицинского характера»³.

Верным является мнение Н.И. Пикурова о том, что сопоставление юридических целей применения принудительных мер медицинского характера и целей наказания позволяет заметить не только существенное различие в их содержании, но и их некоторое сходство⁴. Общим для них является предупреждение совершения новых деяний, которые причиняют вред охраняемым уголовным правом отношениям. Для лиц, страдающих психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, применение принудительных мер медицинского характера создает условия реализации также другой цели наказания – исправления осужденного.

Цели принудительных мер медицинского характера не совсем совпадают с целями медицинской помощи осужденным (как, впрочем, и законопослушному населению). Медицинская помощь осужденным направлена на профилактику заболеваний (например, туберкулеза и др.), их лечение (например, лечение травм и др.). Заметим, что ряд исследователей неоправданно исключает профилактику из общих задач медицинских мер⁵. Общие задачи медицинских мер входят в задачи принудительных мер медицинского характера как некая составляющая, отражающая лишь один аспект применения принудительных мер медицинского характера.

Но не менее, а, может быть, даже более важна другая, юридическая, цель их применения – предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных статьями

Особенной части уголовного закона. Цели принудительного лечения диалектически взаимосвязаны. Применяемые во время принудительного лечения средства и методы служат одновременно достижению обеих названных в статье целей. Следует согласиться с мнением, что «без достижения целей медицинского характера невозможно даже приближение к целям юридического характера»⁶.

С.В. Бородин пишет, что в ст. 98 УК РФ цели «указаны, но сформулированы достаточно скупо и нуждаются поэтому в расшифровке. К целям применения принудительных мер видный отечественный ученый-правовед относит: 1) излечение или такое улучшение состояния больного, при котором он перестает представлять общественную опасность; 2) предупреждение совершения лицом нового общественно опасного деяния или преступления как во время лечения, так и после его завершения; 3) обеспечение безопасности больного для самого себя; 4) проведение мер социальной реабилитации (выработка у больных навыков для жизни в обществе) в той мере, в какой это возможно в условиях медицинских учреждений, осуществляющих принудительное лечение»⁷.

По мнению М.Н. Голодюк, «действующий УК не включил в перечень целей применения принудительных мер медицинского характера указание на охрану прав и законных интересов психически больных, что имело место в Теоретической модели Уголовного кодекса»⁸. Однако охрана прав и свобод человека и гражданина предусмотрена ст. 2 УК РФ.

Рассматривая медицинские цели принудительного лечения, В.П. Котов пишет: «Под излечением не следует понимать только выздоровление под влиянием медикаментозной терапии. Понятие лечения включает и помещение в стационар с определенным режимом, и такие средства, как психотерапия, трудотерапия, и различные меры, направленные на восстановление социальной адаптации (реабилитационные)»⁹. Однако приставка «из» в слове «излечение» имеет такое же значение, как в словах «извлечение», «изъятие», то есть обозначает завершение какого-либо процесса. Под «излечением» в законе подразумевается именно завершение процесса лечения, выздоровление, достижение психического здоровья лица, совершившего общественно опасное деяние.

Аналогичной точки зрения придерживается профессор Н.Г. Иванов, указывающий, что «называя в качестве основных целей применения принудительных мер медицинского характера излечение психически аномальных или улучшение их психического состояния, законодатель имел в виду совершенно конкретный итог, достижение которого способно обезопасить общество от правонарушений со стороны лиц с психическими отклонениями»¹⁰.

Достижимо ли излечение психических расстройств, то есть цель, предусмотренная законом?

К сожалению, «излечение», выздоровление лиц, страдающих хроническим психическим расстройством (коих абсолютное большинство среди направленных на принудительное лечение), в подавляющем числе случаев труднодостижимо при современном состоянии психиатрической науки и практики. Однако медицина в целом и психиатрия в частности успешно развиваются¹¹.

Можно утверждать, что достижимо излечение временного психического расстройства¹².

Сегодня очевидна невозможность добиться излечения лица, страдающего глубоким слабоумием¹³. Что же касается лиц, страдающих иными болезненными состояниями психики, то перспективы их принудительного излечения зачастую весьма сомнительны. В разряд этих психических расстройств попадает патология, резистентная к принудительному лечению¹⁴.

Это обуславливает следующее положение об «улучшении их психического состояния» как своеобразной задаче-минимуме при проведении принудительного лечения. «Принудительные меры медицинского характера направлены на защиту как интересов лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших преступление или общественно опасное деяние, излечение таких лиц или как программу-минимум – улучшение их психического состояния и социальную адаптацию, так и интересов общества – предупреждение возможных общественно опасных действий с их стороны в будущем»¹⁵.

В этой формулировке кроется архиважная проблема. Каким должно быть «улучшение психического состояния», на основании каких критериев суд может считать, что оно достигнуто и общественная опасность лица, страдающего психическим расстройством, исчезла? Не является ли суждение

психиатров преждевременным? Не случайно многие авторы обходят молчанием эту серьезную проблему. Однако замалчивание проблемы не способствует ее решению.

Р.И. Михеев под «улучшением психического состояния» понимает «частичное исчезновение синдромов психических расстройств, при котором достигается стойкая ремиссия, которая, однако, не означает излечения лица, но определяет способность лица осознавать характер и социальную значимость своих действий и руководить ими, то есть исключает опасность его поведения как для себя, так и для общества, для окружающих его других людей»¹⁶. Н.Г. Иванов повторяет, что под «улучшением психического состояния» он понимает «частичное исчезновение синдромов психических аномалий. При этом достигается стойкая ремиссия, которая не означает излечения лица, но даст ему возможность осознавать социальную значимость собственного поведения, купирует агрессию и исключает опасность лица для общества»¹⁷.

В судебной практике под улучшением психического состояния понимается исчезновение общественной опасности лица, связанной с имеющимся психическим расстройством, достижение устойчивой способности этого лица к осознанно волевой регуляции поведения, исключающей возможность совершения нового деяния, предусмотренного статьями Особенной части уголовного закона, под влиянием имеющегося психического расстройства, осознания лицом необходимости добровольного диспансерного наблюдения и лечения у психиатра.

Лица, которые не достигли излечения, выздоровления (страдающие хроническими психическими расстройствами, слабоумием), после окончания принудительных мер медицинского характера в психиатрическом стационаре должны принудительно амбулаторно наблюдаться и лечиться у психиатра по месту жительства весьма продолжительное время, то есть регулярно (от 1–2 раз в месяц до 1–2 раз в год, в зависимости от динамики течения психического расстройства) посещать психиатра до излечения, выздоровления либо улучшения психического состояния. Продлевая принудительное амбулаторное наблюдение и лечение до выздоровления, излечения, что предусмотрено законом, суд обязывает и психиатров, и пациентов активнее решать проблемы профилактики обострения пси-

хического расстройства, способного привести к совершению нового общественно опасного деяния. Дабы подчеркнуть значимость этого, следует сказать, что повторение общественно опасных действий лиц, прошедших принудительные меры медицинского характера, составляет до 30%, что указывает на преждевременность прекращения принудительного лечения, недостижение излечения, предусмотренного законом.

«Цели применения принудительных мер медицинского характера отличаются от целей применения наказания и в силу статьи 98 УК РФ заключаются в излечении или улучшении психического состояния указанных лиц, а также предупреждении совершения ими новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний»¹⁸.

Предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части уголовного закона, возможно при последовательном решении двух задач. Во-первых, это превенция возможности совершения таких деяний в период применения принудительных мер медицинского характера. Решение этой задачи связано: а) с выбором принудительных мер, которые различаются между собой, прежде всего, строгостью режима содержания; б) со сроком их применения, который может продлеваться, если лицо продолжает представлять опасность как для себя, так и для общества. К сожалению, срок этот может зависеть не только от клинической картины психического расстройства, но и от наличия противопоказаний для проведения определенных видов лечения (например, индивидуальная непереносимость некоторых психофармакологических средств и др.); неразработанность методов лечения определяет его значительное увеличение, а подчас неопределенность сроков.

Во-вторых, предупреждение новых деяний предусматривает такое улучшение психического состояния, которое исключает вероятность совершения новых деяний после

отмены принудительных мер медицинского характера. Практика свидетельствует, что после преждевременного окончания принудительных мер медицинского характера лицо достаточно часто прекращает медикаментозное лечение, это порой вызывает обострение имеющегося психического расстройства.

Ряд ученых-правоведов под предупреждением новых деяний подразумевает новые общественно опасные деяния¹⁹. Подобный подход весьма узок. После завершения принудительных мер медицинского характера лицо, не достигшее излечения, выздоровления, продолжая страдать психическим расстройством, может совершить преступление по неосторожности, в состоянии аффекта или опьянения, которые «кристаллизуют» неизлеченное психическое расстройство. В таком случае оно будет подлежать уголовной ответственности.

Не менее ошибочен моноюридический подход по предупреждению совершения деяний. Более того, принудительное психиатрическое лечение лиц, у которых отсутствует тяжелое психическое расстройство, с немедицинскими целями находится под прямым запретом закона.

Характеризуя цель принудительных мер медицинского характера по предупреждению общественно опасной ауто- и гетероагрессии, следует понимать ее как достижение излечения, выздоровления либо достижение такого уровня психического здоровья, при котором возможность общественно опасного деяния исчезает за счет восстановления устойчивой осознанно волевой регуляции социально адаптированного поведения.

К сожалению, конструктивные положения западной клинической криминологии в области пенитенциарной психотерапии (реконструктивная работа по формированию социально адаптивного поведения, выработка социально приемлемых умений и навыков жизни в обществе и др.) еще не востребованы в отечественной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 1999 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 11. С. 14–15.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С. 244.

³ Михеев Р.И. и др. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве – социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности. Владивосток, 2000. С. 38.

¹ Opređenje Sudebnoj kolegij po ugovornym delam Verhovnog Suda Rossijskoj Federacij ot 7 dekabnja 1999 goda // Bjulleten' Verhovnog Suda RF. 2000. № 11. S. 14–15.

² Kommentarij k Ugovornomu kodeksu Rossijskoj Federacij. Rostov n/D, 1996. S. 244.

³ Miheev R.I. i dr. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugovornom prave – social'no-pravovye i mediko-reabilitacionnye mery bezopasnosti. Vladivostok, 2000. S. 38.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой. М., 2001. С. 301.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1999. С. 205.

⁶ Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. / Под ред. В.П. Ревина. М., 2000. С. 466.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 243.

⁸ Курс уголовного права. Общая часть. М., 2002. Т. 2. С. 353.

⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С. 205.

¹⁰ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. Т. 1: Общая часть. С. 368.

¹¹ См. подр.: Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб., 2003. С. 366–386; Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России. М., 2012. С. 83–91.

¹² См. об этом: Энциклопедический учебник уголовного права (Общая часть): В 2 т. СПб., 2011. Т. 1. С. 1400–1417.

¹³ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. СПб., 2008. Т. 1. С. 1083–1113.

¹⁴ См. об этом: Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение. М., 2011. С. 168–208.

¹⁵ Курс уголовного права. Общая часть. С. 352.

¹⁶ Михеев Р.И. и др. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве – социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности. С. 39.

¹⁷ Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. С. 368.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 // Российская газета. 2011. 20 апр. № 84.

¹⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С. 205.

⁴ Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii s postatejnymi materialami i sudebnoj praktikoj. M., 2001. S. 301.

⁵ Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obw. red. Ju.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. M., 1999. S. 205.

⁶ Ugolovnoe pravo Rossii. Obwaja i Osobennaja chasti: Uceb. / Pod red. V.P. Revina. M., 2000. S. 466.

⁷ Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Otv. red. A.V. Naumov. M., 1997. S. 243.

⁸ Kurs ugolovnogo prava. Obwaja chast'. M., 2002. T. 2. S. 353.

⁹ Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obw. red. Ju.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. S. 205.

¹⁰ Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii: V 2 t. Uceb. / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj. M., 2002. T. 1: Obwaja chast'. S. 368.

¹¹ Sm. podr.: Spasennikov B.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: istorija, teorija, praktika. SPb., 2003. S. 366–386; Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugolovnom prave Rossii. M., 2012. S. 83–91.

¹² Sm. ob jetom: Jenciklopedicheskiy ucebniк ugolovnogo prava (Obwaja chast'): V 2 t. SPb., 2011. T. 1. S. 1400–1417.

¹³ Sm.: Polnyj kurs ugolovnogo prava: V 5 t. SPb., 2008. T. 1. S. 1083–1113.

¹⁴ Sm. ob jetom: Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Psihicheskie rasstrojstva i ih ugolovno-pravovoe znachenie. M., 2011. S. 168–208.

¹⁵ Kurs ugolovnogo prava. Obwaja chast'. S. 352.

¹⁶ Miheev R.I. i dr. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugolovnom prave – social'no-pravovye i mediko-reabilitacionnye mery bezopasnosti. S. 39.

¹⁷ Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii: V 2 t. Uceb. / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj. S. 368.

¹⁸ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.04.2011 № 6 // Rossijskaja gazeta. 2011. 20 apr. № 84.

¹⁹ Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obw. red. Ju.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. S. 205.

Пути совершенствования правовой регламентации религиозной деятельности, осуществляемой в местах лишения свободы

В.Г. ЛЕЩЕНКО – доцент кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии

Статья посвящена правовым вопросам деятельности церкви в учреждениях уголовно-исполнительной системы государства. Предлагаются конкретные рекомендации, направленные на улучшение качества правового материала в данной сфере социальных связей.

Ключевые слова: миссионерская деятельность в местах лишения свободы; религиозное воздействие на осужденных; взаимодействие церкви с органами уголовно-исполнительной системы.

The ways of perfection law regulation of church activity in places of imprisonment

V.G. LESHENKO – senior lecturer from criminal law department of The Ural state law academy

The article is devoted to law questions of church activity in state prisons and jails. The concrete recommendations directed on improving quality of law material in this sphere of social communication are offered.

Key words: prozelitism in places of imprisonment; religious influence on condemned; interaction of church with bodies of criminal-executive system.

В результате длительного и внимательного анализа массива российского законодательства, составляющего нормативно-правовой остов религиозной деятельности в пенитенциарных учреждениях, нами были выявлены многочисленные лакуны, коллизии и противоречия, а также положения, носящие явно расплывчатый, отвлеченный либо откровенно декларативный – не обеспеченный никакими правовыми инструментами и ресурсными средствами – характер.

Многие положения ныне действующего уголовно-исполнительного законодательства, затрагивающие право участия церкви и религиозных организаций в деятельности российских исправительных учреждений, носят несогласованный и разрозненный характер и значительно ограничивают возможность сотрудничества и партнерского участия представителей религиозных организаций в пенитенциарной деятельности. В частности, общие, абстрактные формулировки ст. 14, 23, 24 и 182 УИК РФ делают не-

возможным определение круга конкретных прав и обязанностей как администрации исправительных учреждений, так и священнослужителей, их помощников, волонтеров и других представителей российских религиозных организаций.

Одна из основных причин несовершенства правовой материи в сфере обеспечения прав осужденных на свободу вероисповедания и участия религиозных образований в исправительно-воспитательной работе заключается в том, что гарантированное в Конституции Российской Федерации естественное право граждан на свободу совести и вероисповедания не всегда соответствует пониманию религиозной составляющей человеческой жизни, отраженному в действующем законодательстве.

В Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹, как и в иных федеральных законах, отсутствует понятие религиозной деятельности, а равно не

сформулированы ее принципы, формы и методы, что на практике существенным образом затрудняет определение сути, форм, желаемых результатов, критериев оценки эффективности и пределов религиозного воздействия на осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Думается, необходимость формулирования понятия религиозной деятельности в тексте данного действующего закона уже давно назрела.

Другая проблема связана с тем, что, закрепляя в Основном Законе страны неотчуждаемость религиозных прав и недопустимость их ущемления даже в экстраординарных условиях, включая условия чрезвычайного положения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, публичная власть в светском государстве не способна самостоятельно обеспечить данное право. Поэтому для обеспечения религиозных прав и свобод осужденных к лишению свободы органам государственной власти необходимо создать эффективный в практическом отношении механизм, позволяющий религиозным объединениям обеспечивать осуществление прав находящихся в пенитенциарных заведениях осужденных на свободу совести и вероисповедания.

На сегодняшний день в нормативно-правовых актах не урегулирована даже процедура получения разрешения у администрации исправительных учреждений и вышестоящих органов для посещения священнослужителями пенитенциарных заведений, не прописаны форма обращения, перечень оснований для отказа обратившимся и порядок обжалования отказа со стороны администрации исправительных учреждений и вышестоящих органов. В п. 12 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205², дублируется закрепленная в УИК РФ гарантия религиозных прав осужденных, однако никаких процедурных форм реализации данного права они не содержат.

На первый взгляд, большой объем выявленных нами законодательных пробелов, дефектов, лакун и коллизий требует введения в Общую часть УИК РФ отдельной главы под названием «Религиозное воздействие на осужденных и участие религиозных организаций в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания», которая начиналась бы с определения понятия, сущности, содержания, основных форм и методов религиозного воздействия на осужденных, закрепления прав и обязанностей

как администрации исправительных учреждений, так и представителей религиозных объединений, однако такое решение видится нам паллиативным и недостаточным для правового обеспечения всех необходимых условий реализации осужденными права на свободу совести и вероисповедания.

Мы считаем, что необходимо разработать и принять отдельный закон «О религиозном воздействии на осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и сотрудничестве религиозных объединений с органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания». Данный нормативный акт должен содержать подробно прописанный механизм реализации прав осужденных на свободу совести и вероисповедания в пенитенциарных заведениях, конкретные гарантии, формы и способы осуществления данного права, определять форматы партнерского сотрудничества религиозных организаций и исправительных учреждений.

В предлагаемом законе должна быть сконструирована специальная правовая модель, идеологически основанная на признании высокой социальной значимости миссионерского служения в местах лишения свободы и наличия большого ресоциализационного потенциала у мер религиозного воздействия; также в нем должны предусматриваться перспективные направления совершенствования системы религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы. Посредством данного закона должна быть осуществлена необходимая, на наш взгляд, юридическая институционализация духовного воспитания и религиозного образования в сфере исполнения уголовных наказаний.

На сегодняшний день в перечне, содержащемся в ст. 13 «Обязанности учреждений, исполняющих наказания» закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³, не указана обязанность содействовать представителям религиозных организаций, осуществляющих духовное попечение осужденных. В этой связи мы предлагаем дополнить содержание данной статьи п. 5.1 следующей формулировкой: «обеспечивать право осужденных на свободу совести и вероисповедания и содействовать представителям религиозных организаций в духовно-воспитательном воздействии на осужденных».

Полагаем, что также необходимо восполнить законодательный пробел, выявленный нами в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных организациях».

В п. 4 ст. 16 указанного закона закреплено, что «командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях», однако как в данной статье, так и в других частях текста закона ничего не говорится о такой же обязанности применительно к администрации учреждений, исполняющих наказания. Поэтому мы предлагаем дополнить ст. 16 «Религиозные обряды и церемонии» п. 4.1 следующего содержания: «администрация учреждений, исполняющих наказания, с учетом требований установленного порядка исполнения и отбывания наказания не препятствует участию осужденных в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях».

Дальнейшее развитие в России религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы предполагает строительство новых храмовых и молитвенных сооружений при активном участии со стороны руководства исправительных учреждений. Культурные здания и сооружения, возводимые на территории пенитенциарных заведений на основании договоров между религиозными организациями и администрацией исправительного учреждения, обладают особым статусом: согласно российскому законодательству они находятся в государственной собственности, однако на основании ст. 22 федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях» религиозные организации вправе пользоваться ими по их функциональному назначению, причем безвозмездно.

Здания храмов и молитвенные помещения должны соответствовать всем каноническим требованиям и эксплуатироваться только по их прямому назначению, исключая возможность их использования в оперативных, розыскных, режимных, хозяйственных либо иных утилитарных целях. Они должны использоваться только той религиозной организацией, к которой принадлежат; проведение в них религиозных обрядов, таинств и церемоний представителями разных вероисповеданий одновременно или по очереди недопустимо. Полагаем, что следует детально прописать и закрепить особое правовое положение культурных зданий и сооружений в местах лишения свободы в предлагаемом к принятию федеральном законе «О религиозном воздействии на осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и сотрудничестве религиозных объединений с органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания».

В нем следует закрепить обязанность администрации исправительных учреждений предоставлять для проведения религиозного обучения осужденных отдельные помещения, пригодные для этого и отвечающие всем требованиям образовательного процесса, и если такие помещения в другое время могут быть использованы для иных целей (светского обучения, работы с личным составом и т.д.), то в обособленных культурных помещениях, специально выделяемых для совершения религиозных таинств и ритуалов, должно быть запрещено заниматься какой-либо другой деятельностью. Также в закон следует поместить норму, согласно которой правомочием на посещение культурных зданий и помещений в местах лишения свободы обладают не только осужденные, но и сотрудники ФСИН России, гражданский персонал колоний и тюрем, члены наблюдательных комиссий, родственники осужденных и иные лица, которым законодательство Российской Федерации предоставляет право находиться на территории исправительных учреждений.

Если посредством принятия федерального закона «О религиозном воздействии на осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и сотрудничестве религиозных объединений с органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания» будут разрешены накопившиеся и обозначенные нами юридические и организационные вопросы, связанные с использованием религиозного компонента в системе мер воздействия на осужденных к лишению свободы, то проблемы материального и технического характера (финансирования, стимулирования, иных способов государственной поддержки), думается, следует решить путем разработки и утверждения федеральной программы развития пенитенциарного капелланства в России до 2020 г.

Так как религиозное воздействие на осужденных является частью единой системы общественного влияния на преступивших закон, а церковь и религиозные организации представляют собой институты гражданского общества, осуществляющие мониторинг деятельности по обеспечению прав и свобод осужденных к лишению свободы, необходимо четко обозначить и закрепить формы контактов осужденных со священнослужителями вне их духовного общения. В ч. 4 ст. 12 УИК РФ закреплено право осужденных на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами, а в ч. 2 ст. 13 УИК РФ сказано, что при возникнове-

нии угрозы личной безопасности осужденного он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу исправительного учреждения с просьбой об обеспечении личной безопасности. С учетом доверительного характера отношений между осужденными и окормляющими их духовными пастырями содержащийся в ч. 4 ст. 12 УИК РФ перечень органов и лиц, к которым осужденные вправе обратиться с предложениями, заявлениями и жалобами, следует дополнить указанием на священнослужителей, как входящих в состав общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации или замещающих штатные должности капелланов в местах лишения свободы, так и не относящихся к таковым. На обращения к ним со стороны осужденных следует распространить содержащееся в ч. 4 ст. 15 правило о запрете цензуры.

В силу занимаемого положения в системе пенитенциарных отношений капеллан имеет возможность не только осуществлять контроль за соблюдением прав осужденных, но и непосредственно участвовать в разрешении важных вопросов, являющихся для осужденных судьбоносными и vitalными, например принимать участие в работе комиссий исправительных учреждений по переводу осужденных из одних условий отбывания наказания в другие и переводе осужденных, которые находятся в тюрьме, с одного вида режима на другой. Мы полагаем, что мнение тюремного священнослужителя должно учитываться при решении вопросов о расконвоировании, предоставлении осужденным отпусков, а также при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Для этого мы предлагаем закрепить для тюремных капелланов обязательное член-

ство в составе комиссий исправительных учреждений, действующих на основании ч. 3 ст. 87 УИК РФ, а также внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 14 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», изложив абз. 2 п. 5 названного постановления в следующей редакции: «Вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания или заслуживает замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления. При этом суду следует учитывать мнение представителя исправительного учреждения, прокурора и пенитенциарного капеллана, окормляющего осужденных в соответствующем исправительном учреждении, о наличии либо отсутствии оснований для признания лица не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Думается, что мнение капеллана следует излагать в форме адресованного суду письменного заключения по рассматриваемому вопросу в отношении тех осужденных, которые, будучи воцерковленными, длительное время находились под его попечением, что не исключает возможность добровольного личного участия тюремного священнослужителя в судебных заседаниях по вопросам об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

² См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

³ См.: Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.

¹ См.: SZ RF. 1997. № 39. St. 4465.

² См.: B'ulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2005. № 47.

³ См.: Vedomosti Soveta narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1993. № 33. St. 1316.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы

Я.Г. СТАХОВ – начальник кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, пути их решения в процессе реформирования уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделяется вопросам трудоустройства осужденных после освобождения из исправительного учреждения. Автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения в сфере обеспечения социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с учетом зарубежного и отечественного опыта.

Ключевые слова: социальная адаптация; осужденный; лишение свободы.

Some ways to solve the problem of social adaptation of discharged from imprisonment

Y.G. STANOV – the head of the criminal and organization of crime prevention department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, doctor of law sciences, professor

In the article the problems of social adaptation of discharged from imprisonment and also the ways of their solution as criminal penal system's reforming development progresses are analyzed. Great attention is paid to the problems of convicts' job placement upon release. The author formulates some suggestions concerning the perfection of legislation and its practice in the sphere of ensuring discharged from imprisonment with social adaptation taking into account foreign and domestic experience.

Key words: social adaptation; convict; imprisonment.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, одной из первоочередных целей предусматривает сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам.

Что касается подготовки осужденных к освобождению, то ориентиры деятельности

исправительных учреждений определены более четко, чем постпенитенциарная их ресоциализация. Например, федеральным законом от 8 января 1997 г. № 2-ФЗ введен в действие Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, в ст. 180 которого раскрываются обязанности администрации учреждений, исполняющих наказание, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных. Так, если осужденный нуждается в помощи, то не позднее чем за два месяца до истечения срока ареста либо за шесть месяцев до истечения срока лишения свободы, а в отно-

шении осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев после вступления приговора в законную силу администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, трудоспособности и имеющихся специальностях.

Кроме того, осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, а также осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет по их просьбе и представлению администрации учреждения, исполняющего наказание, направляются органами социальной защиты в дома инвалидов и престарелых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что свои обязанности по подготовке осужденных к освобождению и оказанию в пределах возможного им помощи в трудовом и бытовом устройстве учреждения, исполняющие наказание, выполняют. После освобождения осужденного у администрации данных учреждений правоотношения с ним прекращаются. Освободившийся становится обладателем в полном объеме всех прав и обязанностей.

Освобождение от отбывания наказания, в особенности из исправительных учреждений, во многих случаях процесс для осужденного ожидаемый и тревожный, поскольку, находясь в местах лишения свободы, он отвыкает от возможности самостоятельного принятия решений по многим социальным, личным и общественно значимым вопросам. В исправительных учреждениях за осужденного решает администрация учреждения. Особенно остро подготовку к освобождению переживает та часть осужденных, которая поставила своей целью законопослушный образ жизни.

А проблем после освобождения у бывшего осужденного возникает множество: от налаживания взаимоотношений с родственниками до трудоустройства на работу, определения линии поведения с работниками правоохранительных органов и с ранее судимыми лицами. От того, насколько общество готово помочь бывшему осужденному адаптироваться к жизни в этом обществе, будет зависеть дальнейшая судьба данного человека: либо он станет полноправным гражданином, либо вновь волеется в среду преступного сообщества. Однако общество встречает вышедших из тюрем и колоний настроенно, иногда даже проявляет

враждебность. Освободившиеся не рассчитывают на поблажки, но они вправе надеяться на обычное человеческое участие. Наткнувшись на отчужденность, недоверие, бывшие преступники ожесточаются, замыкаются среди себе подобных и с большей легкостью оказываются вновь там, куда при освобождении не хотели больше попадать¹.

Одной из важнейших проблем для освобожденного является устройство на работу. Хотя у ФСИН России есть соглашение со службой труда и занятости населения об оказании помощи освобожденным из мест лишения свободы, она порой не может предложить ему интересную и хорошо оплачиваемую работу. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, не последнюю роль здесь играет общая безработица, дефицит престижных, требующих квалификации рабочих мест. Во-вторых, освободившиеся за время нахождения в местах лишения свободы утратили связь с производственным коллективом, квалификацию, если работали. Случается, что их бывшее предприятие вообще ликвидировано, а на других предприятиях в его специальности потребности нет. В-третьих, человек ранее вообще не работал. В-четвертых, владелец предприятия не желает брать в коллектив бывшего осужденного, считая его потенциальным правонарушителем.

Практика показывает, что значительная часть указанных лиц вскоре после поступления на работу по различным мотивам бросает ее. Основными причинами их ухода с работы могут быть низкая зарплата, работа не по специальности, неквалифицированная работа, стремление уйти из-под контроля со стороны трудового коллектива.

В принципе следует исходить из того, что освобождающиеся из исправительных учреждений в подавляющем большинстве возвращаются в места проживания до осуждения, где у них есть семья, родственники, с которыми они поддерживали отношения, где многие из них имели работу. Поэтому проблемы трудового и бытового устройства возникают у той категории освобожденных, которая потеряла связь с родственниками и близкими, у тех, кто по каким-либо причинам остался без жилья, кто до осуждения имел работу, но к моменту освобождения предприятия и организации, на которых они работали, закрылись. Есть категория освобожденных, которые до осуждения не работали и работать не собираются. Какие-либо меры по их принудительному трудоустройству предпринимать невозможно, поскольку по Конституции Российской Федерации труд

в нашей стране добровольный. К данной категории лиц можно только применить меры предупредительно-профилактического воздействия и нормы федерального закона об административном надзоре, обязывающие освободившегося из мест лишения свободы вести в обществе законопослушный образ жизни. Однако речь не идет о данной категории лиц, поскольку они составляют меньшую часть от всей совокупности освобожденных. В помощи как раз нуждаются те освободившиеся, которые стремятся найти свое место в обществе и наладить личную жизнь.

Решать указанную проблему необходимо правовым путем. Начать следует с разработки и принятия закона «О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». Название закона может быть и другим, но суть одна – оказание помощи данной категории лиц в трудовом и бытовом устройстве. Справедливости ради следует отметить, что такие попытки предпринимались, но не находили поддержки со стороны законодателя.

Прелагаемый закон должен регулировать все вопросы, связанные с социальной адаптацией освобожденных из мест лишения свободы. В нем четко следует указать, что основными субъектами социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы являются органы местного самоуправления в регионах, руководители предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, органы федеральной государственной службы труда и занятости населения. Необходимо также определить их компетенцию по рассматриваемому вопросу, соотнеся ее с возможными изменениями действующего законодательства. Мы не относим к данным субъектам учреждения, исполняющие наказания, поскольку уголовно-исполнительное законодательство круг их обязанностей в указанной сфере деятельности, как было сказано выше, уже определило.

Полагаем, что в законодательном порядке должен быть решен и вопрос о создании в регионах по образцу ранее действовавших спецкомендатур центров социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предназначенных для временного пребывания лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Центры должны иметь четко определенные задачи, функ-

ции, структуру, штаты и компетенцию; содержать указание о продолжительности нахождения проживающих в центре и порядок осуществления контроля за их поведением. Финансирование таких центров должно осуществляться из регионального бюджета, но возможны и иные его формы. Следует отметить, что в настоящее время в ряде регионов центры созданы по инициативе местных органов власти, а не по законодательной обязанности, поскольку правовая основа для их функционирования отсутствует. Многие из них действуют как ночлежки и приюты.

Кроме того, в законе о социальной адаптации с учетом создавшихся социально-экономических условий в стране необходимо четко определить нормы, стимулирующие предприятия, учреждения и организации к приему на работу лиц, освобожденных из мест лишения свободы, закреплению их на производстве, повышению их трудовой квалификации, а также предоставления им мест в общежитиях.

На наш взгляд, целесообразно обратить внимание еще на один весьма важный для решения рассматриваемой проблемы пункт, который следует заложить в предполагаемый закон, – это широкое участие общественности в указанной работе, а также возможность создания обществ по оказанию помощи освобожденным из мест лишения свободы.

В Японии, например, вопросы трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы регламентируются законом «О постпенитенциарной опеке». Цель данного закона – обеспечить реабилитацию интересующей нас категории лиц. Ответственность за оказание реабилитационной помощи несет правительство. Оказание ее осуществляется в случае обращения освобожденного за таковой. Законом предусмотрена организация общежитий для временного проживания освобожденных. Реабилитационная помощь оказывается в течение шести месяцев со дня освобождения из мест лишения свободы и лишь в том случае, если освобожденный против этой помощи не возражает.

Думается, высказанные нами предложения по вопросу социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, позволят решить проблемы, имеющиеся в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991. С. 6–7.

¹ См.: Hohrjakov G.F. Paradoxes of prison. Problems, discussions, proposals. M., 1991. S. 6–7.

Критерии диагностики личности злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания (в контексте реализации современной уголовно-исполнительной политики)

А.И. АБАТУРОВ – старший преподаватель Кировского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье на основании анализа теоретических источников, отечественного опыта и результатов социологических исследований представлена матрица (схема) криминологического портрета среднестатистического потенциального злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания применительно к задачам Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

Ключевые слова: концепция развития уголовно-исполнительной системы; профилактика; личность осужденного; злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания; матрица.

Criteria for diagnosis of a malicious intruder of the established order of punishment personality (in the context of modern penal policy)

A.I. ABATUROV – senior lecturer, FPS of Russia Academy, Kirov branch, PhD in Law

The article is based on the analysis of theoretical issues, domestic research and results of case studies. It runs the matrix (scheme) of an average potential violator of the established order criminological portrait in relation to the Concept of the Penal system of Russia development until 2020.

Key words: Concept of the Penal system of Russia development; prevention; personality of a convict; willful violation of the established order; matrix.

Реорганизация пенитенциарной системы России, разработка и нормативное закрепление механизма реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.) свидетельствуют о новом этапе ее стратегического развития.

Если мы хотим добиться успехов в исправлении осужденных и их последующей социальной адаптации, то должны ориентировать уголовно-исполнительную политику на переход от жестких карательных мер к гуманизации условий и порядка исполнения наказаний. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев в ходе рабочей встречи с министром юстиции Александром Коноваловым подчеркнул: «И еще нужно будет предпринять много усилий для того, чтобы наша пенитенциарная система, система исполнения наказаний, стала со-

временной, эффективной, мотивирующей к тому, чтобы не совершать преступлений, карающей, естественно, потому что цель наказания в том числе и в этом, но в то же время основанной на современных принципах, основанной на Конституции, на правильном отношении к базовым правам и свободам человека»¹.

Либерализация уголовного законодательства в нашей стране способствует тому, что значительная и наименее опасная часть преступников осуждается к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. По статистике, в настоящее время к лишению свободы осуждается не многим более 35% лиц, совершивших преступления, а к остальным применяются наказания, альтернативные лишению свободы. Так, на 1 мая 2011 г. в 2466 уголовно-исполнительных инспекциях состояли на учете 483,3 тыс. чел., осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы².

В связи с этим в местах лишения свободы уже сейчас концентрируются осужденные, совершившие наиболее тяжкие преступления, причем их удельный вес растет, так как они чаще приговариваются к длительным срокам, реже освобождаются досрочно (общая численность в местах лишения свободы приблизилась к 833,6 тыс. чел., при этом количество лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, превысило 70%, хотя несколько лет назад эта категория составляла 30–35%)³. Очевидно, что это ведет к росту той части отрицательно характеризующихся осужденных, которая скрытно или явно противодействует администрации мест лишения свободы, что негативно сказывается на состоянии режима и правопорядка, способствует осложнению оперативной обстановки, затрудняет процесс исполнения уголовного наказания в целом.

В теории и практике предупредительной деятельности и, в частности, профилактики злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы нельзя не учитывать, что в настоящее время в исправительных учреждениях каждый пятый осужденный либо совершил, либо, что очень вероятно, совершит то или иное злостное нарушение. Без учета данного фактора обеспечения правопорядка и законности успех исправления осужденных представляется весьма затруднительным и проблематичным. С учетом сказанного Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предлагается выработать ряд мер, стимулирующих правопослушное поведение осужденных, а также усилить ответственность злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания.

Профилактика злостных нарушений в условиях реформирования уголовно-исполнительного законодательства, исправительное воздействие на лиц, их совершающих, должны характеризоваться определенной спецификой в силу отличительных особенностей объекта воздействия. Значительный удельный вес злостных нарушителей в местах лишения свободы в сочетании с существенными изменениями в психологических параметрах их личности (социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные признаки) позволяют ставить вопрос о необходимости создания системы профилактики злостных нарушений, пересмотра (пополнения) ряда конкретных форм и методов профилактической деятельности.

Известная социологическая закономерность, состоящая в том, что чем больше признаков соответствует определенной группе личностей, тем меньше лиц соответствует этим признакам в той или иной общности (группе) людей, позволяет расположить установленные в ходе исследования признаки социально-демографической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристик личности осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания, в определенной последовательности – от наиболее значимых признаков, присущих большому числу индивидов, к наименее значимым (за точку отсчета была принята методика, предложенная при исследовании вопроса о факторах пенитенциарной преступности⁴):

- судимость: 2–3 раза;
- возраст: от 25 до 30 лет;
- семейное положение: не женат;
- поведение: отрицательное;
- отношение к труду: недобросовестное;
- образование: среднее;
- здоровье: наличие психических отклонений.

Выделение определенного (ограниченного) ряда признаков дает возможность представить некую общность (группу) осужденных, которые с наибольшей вероятностью могут совершить то или иное злостное нарушение. Количество треугольников зависит от видов режима исправительного учреждения и, собственно, вида самого нарушения. В качестве примера приведем схему, отражающую такую вероятность совершения злостного нарушения в виде употребления спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ.

Применяя известную последовательную технологию учета отмеченных признаков, довольно просто выявить именно тех осужденных в конкретном учреждении, которые с наибольшей вероятностью могут составить список потенциальных злостных нарушителей по данному виду нарушения. К примеру, в исправительной колонии строгого режима общая численность осужденных составляет 1500 чел. Возрастная группа в пределах от 25 до 30 лет представлена 1 тыс. осужденных. В их числе 650 холостых, из которых 350 характеризуются отрицательно. В свою очередь, из этих 350 только 250 осужденных недобросовестно относятся к труду, в их числе 200 имеют среднее образование, из них 80 страдают различными отклонениями в психике. И, наконец, из этих 80 чел. одна треть, или 27 осужденных, судимы 2–3 раза.

Получается в итоге, что в данной конкретной колонии именно 27 чел. обладают повышенной способностью совершить злостное нарушение в виде употребления спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ. Аналогичным образом не сложно выделить потенциальных злостных нарушителей и по другим видам учреждений и видам самих нарушений. Предложенная и оправдавшая себя методика позволяет с весьма и весьма незначительными ошибками определять именно тех осужденных, которые в обязательном порядке должны быть поставлены на профилактический учет и являться объектами первостепенного внимания сотрудников, занимающихся профилактической деятельностью. Результаты проведенного исследования легли в основу разработки некоей матрицы (схемы) криминологического портрета среднестатистического потенциального злостного нарушителя, выявленного независимо от вида режима и вида нарушения.

В связи с этим представляется целесообразным каждому руководителю организовать проведение работы по составлению своеобразных матриц, отражающих потенциальную возможность со стороны любого из осужденных стать злостным нарушителем. Для этого надо из личных дел и на основе информации, полученной от всех субъектов индивидуальной профилактики, собрать эту матрицу и, применяя известную последовательную технологию учета признаков личности, определить (выявить) этих самых потенциальных злостных нарушителей. За точку отсчета мы брали своего рода эталон таких матриц, которые были разработаны нами в рамках соответствующего исследования.

В его ходе было выявлено, что наибольшим потенциалом совершить злостное нарушение, например, в виде употребления спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ обладает личность, отличающаяся набором следующих признаков: это осужденный мужского пола, 26–35 лет, он холост или разведен и, как правило, не занят общественно по-

лезным трудом либо отрицательно к нему относится, до осуждения злоупотреблял спиртными напитками и их суррогатами, состоит на учете у нарколога (психиатра) как лицо, страдающее алкоголизмом, поведение отличается негативными параметрами, имеется наличие 2–3 судимостей. Исходя из этих характеристик мы определили, что в колониях разных видов режимов (общего, строгого, особого), колониях-поселениях насчитывается 250 чел., соответствующих данным параметрам. Сопоставления полученных списков с имеющимися в колониях профилактическими подучетными списками показало, что они совпадают лишь частично, причем последние являются неполными. Отклонения составили: общий режим – 17%, строгий режим – 18%, особый режим – 14%, ИК-поселения – 21%. Самым главным результатом нашей работы можно считать подтверждение гипотетического тезиса о весьма значительной вероятности совершения данного вида злостного нарушения теми лицами, которые не состояли на профилактических учетах. В течение полугода данный тезис нашел свое подтверждение: общий режим – 78%, строгий режим – 76%, особый режим – 87%, ИК-поселения – 86%.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что в период глобальной перестройки уголовно-исполнительной системы России, а также реализации всех позиций Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предложенная методика позволяет с весьма незначительными погрешностями определять тех осужденных, которые в условиях современной пенитенциарной политики в обязательном порядке должны быть поставлены на профилактический учет и являться объектами внимания сотрудников, занимающихся профилактической деятельностью. Более того, главное достоинство данной методики, наряду с простотой и общедоступностью, состоит все-таки в том, что она подчас более точна, нежели те, что применяются в действительности по выявлению так называемого «подучетного элемента».

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: <http://www.kremlin.ru/news/8479>

² См.: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>

³ См.: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

⁴ Журавлев М.П. и др. Факторы, влияющие на состояние, структуру и динамику преступности в ИТУ. 1978. С. 56.

¹ Sm.: <http://www.kremlin.ru/news/8479>

² Sm.: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>

³ Sm.: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

⁴ Zhuravlev M.P. i dr. Faktory, vlijajuwие na sostojanie, strukturu i dinamiku prestupnosti v ITU. 1978. S. 56.

Поощрение и взыскание как парные меры воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде исправительных работ, по законодательству Российской Федерации

П.Н. КРАСОТКИН – преподаватель-методист учебного отдела Кузбасского института ФСИН России

В статье рассматриваются меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказания в виде исправительных работ, выясняется эффективность каждой меры, отражаются проблемы их правового регулирования, формулируются предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства России.

Ключевые слова: исправительные работы; меры поощрения и взыскания; осужденный; стимулирование; трудовые и уголовно-исполнительные правоотношения.

Encouragement and penalties as the interrelated measures of educational influence on convicts, serving criminal sentences in the form corrective labour, according to the legislation of the Russian Federation

P.N. KRASOTKIN – lecturer of the chair «Penal law» the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article considers the measures of encouragement and penalty applied to the convicts, serving criminal sentences in the form corrective labour. The author characterizes the effectiveness of the every measure, indicates the problems of their legal regulation and formulates the proposals for improvement of the penal legislation of the Russian Federation.

Key words: corrective labour; measures of encouragement and penalty; convict; stimulation; labour and penal offences.

В последние годы государство все больше внимания уделяет вопросам уголовно-исполнительной системы, совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, а также расширению сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы.

Пунктом 5 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусматривается «увеличение к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек».

Проводимые реформы предполагают осуществление качественных изменений в системе исполнения наказаний. Уголовно-исполнительное законодательство должно быть ориентировано на решение задач регулирования порядка и условий исполнения и

отбывания наказания, определения эффективных средств исправления и совершенствования дисциплинарной практики среди осужденных. В этой связи особую актуальность приобретают меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, отбывающим наказание в виде исправительных работ.

Место человека в системе общественных отношений сделало возможным отношение к стимулам не только благоприятного воздействия (применение мер поощрения) на объект, включенный в такие отношения, но и включить меры взыскания. Это подтверждается следующим высказыванием: «Юридическое стимулирование – это емкая категория, далеко выходящая за рамки поощрительного законодательства»¹.

Следовательно, стимулирование правомерного поведения людей в обществе, судя по контексту, может осуществляться не

только посредством использования мер поощрений. Угроза применения принуждения также может выступить в качестве побудителя (стимула) позитивного, социально желательного поведения².

В.М. Баранов справедливо подтверждает, что стимулирование в праве осуществляется не только с помощью поощрительных мер, но и путем установления юридической ответственности за ненадлежащее поведение или нарушение установленного правовыми нормами порядка³.

«Поощрение, – пишет И.Э. Звечаровский, – является средством положительного стимулирования»⁴. Логично предположить, что взыскание является средством отрицательного стимулирования. Вместе с тем меры поощрения как воспитательные средства более эффективны, поскольку устанавливают перед осужденными дальнейшую перспективную цель – заслужить более значимое поощрение.

Статья 8 УИК РФ указывает на «рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения». Содержание статьи несет в себе набор необходимых мер воздействия, в том числе подразумевает под собой меры поощрения и взыскания.

Таким образом, наличие взысканий и поощрений оправдано задачей права, которая состоит как в сдерживании правонарушений, в наказании лиц, их совершивших, так и в стимулировании правомерного поведения, в поощрении субъектов, действующих в интересах общества. Поощрительные меры вкуче с мерами принуждения обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Тем самым меры поощрения и взыскания, как нам представляется, дополняют друг друга.

Стимулом позитивного поведения осужденных, оказывающим доминирующее воздействие на решимость лица совершать или не совершать социально полезный поступок, во многом является наличие самой меры, возможности ее закрепления в кодифицированном источнике, не говоря уже об объеме (виде и размере) возможного поощрения. Закрепленная в нормативно-правовом акте мера поощрения «устанавливает такое состояние воли субъекта, при котором последний свободен выбирать предписываемое улучшенное поведение, имея в виду получить определенные льготы, блага в случае достижения предполагаемого результата»⁵. В этом заключается отличие механизма

воздействия мер поощрения от применения мер взыскания.

На основании Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"» из УИК РФ исключена ст. 45, устанавливающая меры поощрения для осужденных к исправительным работам.

Представляется, что законодатель необоснованно изъял данную норму, не предложив взамен ни новую редакцию статьи, ни корректировки прежней нормы. Тем самым был нанесен ущерб рациональному применению мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулированию их правопослушного поведения. Если в ст. 46 УИК РФ закон установил ответственность для осужденных за нарушение порядка и условий отбывания исправительных работ, то существует необходимость и в мерах поощрения лиц, не допускающих данных нарушений.

Таковыми действиями законодателя осужденный лишен юридического стимулирования, влияющего на его позитивное поведение, чем он в очередной раз ставится в неравное положение с осужденными к лишению свободы и иным видам наказания. Ведь юридический стимул представляет собой призыв к совершению определенного деяния или к воздержанию от совершения какого-либо поступка⁶. Безусловно, такой тип поведения является более предпочтительным с социальных позиций и более убедительным при положительном решении вопроса об исправлении виновного.

Отсутствие твердой гарантии заслуженного поощрения снижает эффективность исполнения наказания в виде исправительных работ, лишает осужденных дополнительного стимула вести себя позитивно. В целях повышения эффективности исполнения наказания в виде исправительных работ мы предлагаем восстановить ст. 45¹ УИК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 45¹. Меры поощрения, применяемые к осужденным к исправительным работам:

1. За хорошее поведение, добросовестное отношение к труду осужденным к исправительным работам могут быть применены следующие меры поощрения: благодарность, денежная премия, снятие ранее наложенного взыскания.

2. Осужденные, доказавшие свое исправление хорошим поведением и добросовестным отношением к труду, в соответствии с положительным ходатайством работодателя, могут быть представлены уголовно-исполнительными инспекциями к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания».

Мы полагаем, что такая мера законодательного «возрождения» ст. 45¹ УИК РФ создаст реальные предпосылки для активного использования осужденными предоставляемых возможностей самостоятельно достигать желаемого правового результата, который в современных условиях может и должен обеспечиваться более широким использованием таких правовых стимулов, как меры поощрения в отношении осужденных к исправительным работам.

Порядок применения мер взыскания к рассматриваемой категории осужденных регламентирован гл. 7 УИК РФ. Так, за нарушение осужденным к исправительным работам порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция может предупредить его в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также обязать осужденного до двух раз в месяц являться в инспекцию для регистрации, что также признается «важной мерой воспитательного воздействия на осужденных»⁷; в отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания исправительных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене исправительных работ другим видом наказания (ст. 46 УИК РФ).

Особенностью рассматриваемых мер является их межотраслевой характер, что создает трудности при изучении этого правового явления. Так, вопросы применения мер поощрений и взысканий к лицам, отбывающим уголовное наказание в виде исправительных работ, находятся на стыке уголовно-исполнительного и трудового законодательств.

Исполнение уголовного наказания в виде исправительных работ подразумевает вступление осужденных в специфические трудовые правоотношения с работодателем на основании заключенного трудового договора.

В случае нарушения трудового договора прерогатива выбора конкретной меры дисциплинарного взыскания принадлежит работодателю, который должен учитывать тяжесть совершенного проступка, обяза-

тельства, при которых он был совершен (ч. 5 ст. 192 ТК РФ), предшествующее поведение работника, его отношение к труду⁸. При этом необходимо иметь в виду, что применение мер поощрений и наложение на осужденного дисциплинарного взыскания является правом, а не обязанностью администрации организации.

Отсутствие конкретности, каких-либо ограничений в практике применения взысканий дает широкий простор субъективизму работодателя. В этой связи уголовно-исполнительная инспекция является гарантом применения правомерных средств воздействия на осужденных, поскольку при нарушении правил внутреннего трудового распорядка администрация организации обязана уведомить уголовно-исполнительную инспекцию о самом факте нарушения осужденным настоящих правил.

Подводя итог сказанному, констатируем, что меры взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказания в виде исправительных работ, содержатся в двух отраслях права – уголовно-исполнительном и трудовом, поощрения – только трудовом. При этом остается не ясным, какому из них принадлежит приоритетное значение (по части, касающейся применения мер взысканий). Полагаем, что применение мер взысканий, в том числе и поощрений, должно быть подчинено прежде всего пенитенциарному законодательству, в задачи которого входят регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, поскольку вопросы трудовой деятельности, по нашему мнению, имеют сопутствующее, дополнительное значение.

Резюмируя изложенное, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Ведомственное законодательство не регулирует применение мер поощрений и взысканий. Здесь играет роль бланкетный способ, ссылающийся на нормы трудового законодательства, где представлен широкий перечень возможного применения в отношении работников мер поощрений и взысканий.

Выявленный факт бланкетного характера мер взысканий и поощрений не только не отвечает требованиям международно-правовых актов⁹, но и не способствует исправлению, воспитанию осужденных, не соответствует в полной мере требованию принципов уголовно-исполнительного законодательства, закрепленных в ст. 8 УИК РФ

(стимулирование правопослушного поведения и соединения наказания с исправительным воздействием).

2. Меры поощрения и взыскания, как нам представляется, дополняют друг друга. Меры поощрения выступают катализатором в стимулировании позитивного поведения осужденных, меры взыскания – сдерживающим фактором, направленным на снижение уровня правонарушений.

3. Меры поощрения исчерпывающими не являются, в отличие от системы мер взыскания, которая расширительному толкованию не подлежит.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (Проблемы теории и практики): Моногр. Рязань, 1994. С. 11.

² См.: Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 644.

³ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 22.

⁴ Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. С. 84.

⁵ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 88.

⁶ Рыбак А.З. Поощрительные нормы в уголовном праве: Моногр. Петрозаводск, 2008. С. 10.

⁷ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации с научными комментариями по главам ученых-правоведов // Библиотечка «Российской газеты». 1997. Вып. 5. С. 47.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

⁹ См.: Минимальные стандартные правила обращения с осужденными от 30 августа 1955 г. // УИП: Сб. нормативных актов. М., 1997. Ст. 70. С. 74; Европейские пенитенциарные правила от 12.02.1987 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Т.Н. Москалькова и др. М., 1998. С. 215.

4. Нам представляется, что если исполнение наказаний регулируется уголовно-исполнительным законодательством, то этот процесс должен являться комплексным, охватывать в должной мере все правоотношения, возникающие в процессе исполнения наказаний.

5. Комплекс мер поощрений и взысканий к осужденным признается одним из важных средств обеспечения достижения целей наказания. Для повышения эффективности данных мер воздействия необходимо дальнейшее совершенствование вопросов теории и практики их применения.

¹ Sizyj A.F. Poowritel'nye normy ugovolno-ispolnitel'nogo prava (Problemy teorii i praktiki): Monogr. Rjazan', 1994. S. 11.

² Sm.: Petrazhickij L.I. Teorija gosudarstva i prava v svjazi s teoriej npravstvennosti. SPb., 1907. T. 2. S. 644.

³ Sm.: Baranov V.M. Poowritel'nye normy sovetskogo socialisticheskogo prava. Saratov, 1978. S. 22.

⁴ Zvecharovskij I.Je. Postkriminal'noe povedenie: ponjatie, otvetstvennost', stimulirovanie. Irkutsk, 1993. S. 84.

⁵ Gorshenev V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obwestve. M., 1972. S. 88.

⁶ Rybak A.Z. Poowritel'nye normy v ugovolnom prave: Monogr. Petrozavodsk, 2008. S. 10.

⁷ Sm.: Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii s nauchnymi kommentarijami po glavam uchenyh-pravovedov // Bibliotечka «Rossijskoj gazety». 1997. Vyp. 5. S. 47.

⁸ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.03.2004 № 2 «O primenenii sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2007. № 3.

⁹ Sm.: Minimal'nye standartnye pravila obrawenija s osuzhdennymi ot 30 avgusta 1955 g. // UIP: Sb. normativnyh aktov. M., 1997. St. 70. S. 74; Evropejskie penitenciarnye pravila ot 12.02.1987 g. // Sbornik dokumentov Soveta Evropy v oblasti zawity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'ju / Sost. T.N. Moskal'kova i dr. M., 1998. S. 215.

Законные интересы осужденных к наказанию в виде ограничения свободы

Р.В. КОМБАРОВ – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается содержание и реализация законных интересов осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Указывается на неполное закрепление существующих законных интересов осужденных к ограничению свободы в нормах уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: законные интересы; меры поощрения; меры взыскания; ограничение свободы; осужденный; уголовно-исполнительная инспекция; технические средства надзора и контроля.

Legitimate interests condemned to punishment in the form of freedom restriction

R.V. KOMBAROV – the teacher of chair of civil-law disciplines The Vologda institute of the right and economy FAEP of Russia

In article the maintenance and realization of legitimate interests condemned to punishment in the form of freedom restriction is considered. It is underlined incomplete fastening of existing legitimate interests condemned to freedom restriction in norms of the criminally-executive legislation, entering of respective alterations is offered.

Key words: legitimate interests; measures of encouragement; disciplinary measures; freedom restriction; condemned; criminally-executive inspection; supervision and control means.

Категория законных интересов с учетом особенностей действующего законодательства и современной правоприменительной практики приобретает особую актуальность. Кроме того, в системе уголовно-исполнительных правоотношений данный элемент юридической конструкции правового положения осужденных к наказанию в виде ограничения свободы (далее – осужденные) выступает важным «рычагом» стимулирования лица к исправлению. Законодатель сознательно наделяет осужденных не только правами, соблюдение которых гарантируется, но и возможностями улучшения условий отбывания наказания, выступающими стимулами к одобряемому обществом поведению, и, как правило, обуславливает их требованием достижения осужденным определенной степени исправления¹.

На наш взгляд, вполне удачное определение законных интересов дает В.И. Селиверстов, обозначая их как «закрепленные в правовых нормах конкретного действия стремления осужденных к обладанию теми или иными благами, удовлетворяемые, как

правило, в результате объективной оценки их поведения во время отбывания наказания»².

При этом законные интересы следует подразделять на три вида:

– направленные на получение поощрения, возможность которого закреплена в поощрительных нормах;

– направленные на получение льгот, которые в отличие от поощрений устанавливаются не в зависимости от заслуг, а в связи с обстоятельствами, которым придается правовое значение;

– направленные на получение благ, которые по своей социально-правовой сущности не являются для осужденного ни поощрениями, ни льготами³.

Меры поощрения, расширяющие правовые возможности осужденного, могут быть применены только за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду и (или) учебе. При этом решение о применении мер поощрения принимается начальником уголовно-исполнительной инспекции или лицом, его замещающим.

В соответствии со ст. 57 УИК РФ к мерам поощрения относятся:

- а) благодарность;
- б) досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
- в) разрешение на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней;
- г) разрешение на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования.

Благодарность как мера поощрения не несет в себе возникновения конкретных благ. Вместе с тем наличие у осужденного благодарности свидетельствует о достижении положительных результатов исправления и может являться одним из факторов, определяющих отсутствие необходимости возложения на лицо дополнительных ограничений и возможность частичной отмены ранее установленных ограничений, не обязательных к применению.

Согласно п. 54 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258⁴, к осужденному, имеющему неснятое или непогашенное взыскание, может быть применена только мера поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания. В соответствии с ч. 2 ст. 58 УИК РФ к мерам взыскания относятся: предупреждение и официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений, которое применяется в случае совершения осужденным в течение одного года после вынесения предупреждения нового нарушения условий и порядка отбывания наказания. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 59 УИК РФ применение такого поощрения возможно по истечении трех месяцев со дня вынесения предупреждения и по истечении шести месяцев со дня вынесения официального предостережения.

При применении данной меры поощрения для осужденного также не возникает каких-либо сиюминутных благ. Вместе с тем снятое взыскание, при условии отсутствия другого, позволяет осужденному рассчитывать на применение других мер поощрения, расширяющих возможности его передвижения. Кроме того, отсутствие действующих взысканий позволяет осужденному рассчитывать в дальнейшем на снятие дополнительных ограничений.

В соответствии с п. 52 инструкции применение мер поощрения в виде разрешения

на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней и разрешения на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования рассматривается только по обращению осужденного. Тем самым возможность ходатайствовать о соответствующих действиях уполномоченного субъекта, которое является выражением желания самого субъекта в удовлетворении его нужд, прямо выражена в норме. При этом в случае положительного ответа на обращение реализуется законный интерес осужденного на удовлетворение блага, выраженного в возможности покинуть соответствующее муниципальное образование на определенный период времени.

В соответствии с ч. 3 ст. 53 УК РФ суд по представлению инспекции может отменить частично ранее установленные осужденному ограничения. При этом, учитывая, что применяемые к осужденному ограничения подразделяются на обязательные к применению и дополнительные, сняты или изменены могут быть только последние, а именно: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток; не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования; не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях; не изменять место работы и (или) учебы без согласия осуществляющей надзор инспекции.

Таким образом, при наличии соответствующего установленного судом ограничения у осужденного возникают следующие законные интересы: уходить из дома (квартиры, иного жилища) во то время суток, когда это ему запрещено, либо изменить данный период времени на другой, более удобный для него; посещать определенные места в пределах муниципального образования; посещать места проведения массовых и иных мероприятий и участвовать в них; изменять место своей работы и (или) учебы без необходимости получения на это согласия осуществляющей надзор инспекции.

В связи с отменой или изменением одного или нескольких дополнительных ограничений у осужденного расширяется круг правовых возможностей. При этом законный интерес осужденного в отмене или изменении установленных для него дополнительных ограничений в одних случаях реализуется по усмотрению суда, в других – осуществляющей надзор инспекции.

Следует отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве не отражены основания отмены или изменения дополнительных ограничений. Между тем п. 49 инструкции прямо указывает, что начальник инспекции либо лицо, его замещающее, вносит в суд мотивированное представление о дополнении ранее установленных осужденному ограничений «в случаях наложения взыскания за совершение осужденным одного из нарушений, указанных в ч. 1 ст. 58 УИК РФ, или при поступлении сведений об антиобщественном образе жизни осужденного, посещении им мест, связанных с употреблением алкогольных напитков либо наркотических средств», то есть основанием возложения дополнительных ограничений служит нарушение осужденным условий и порядка отбывания уголовного наказания. Отсюда следует, что основанием отмены дополнительных ограничений или изменения условий ограничения будет являться положительная характеристика осужденного, а именно соблюдение им условий и порядка отбывания уголовного наказания. Данное обстоятельство позволяет отнести законный интерес осужденного в отмене ранее установленных ему дополнительных ограничений или изменения условий ограничения к законным интересам, направленным на получение поощрения.

Возможность отмены ранее установленных осужденному ограничений полностью соответствует рекомендациям, обозначенным в п. 12.4 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. (Токийских правил): «В зависимости от достигнутых правонарушителем результатов условия могут изменяться компетентным органом в соответствии с положениями, установленными законом»⁵.

В свою очередь законный интерес осужденного на изменение места жительства или пребывания и законный интерес на изменение места работы и (или) учебы без отмены соответствующего ограничения следует относить к законным интересам, направленным на получение льгот, так как они могут быть удовлетворены в связи с обстоятельствами и вне зависимости от заслуг осужденного. Это могут быть негативные или позитивные обстоятельства. К первым, например, относятся: отрицательное влияние на осужденного со стороны лиц, совместно с ним проживающих по месту жительства или пребывания; потеря права пользова-

ния жилым помещением; осуществляемая с нарушением законодательства трудовая деятельность осужденного и т.п. Ко вторым следует относить: возможность осужденного улучшить свои жилищные условия, свое материальное положение и т.п.

Данные блага могут быть удовлетворены решением осуществляющей надзор инспекции, что вытекает из формулировки самого правоограничения, обозначенного в ч. 1 ст. 53 УК РФ.

Между тем, если место жительства или пребывания, по которому осужденный желает отбывать наказание, находится в другом муниципальном образовании или находится в пределах муниципального образования, но при этом требуется смена контролирующей инспекции, данный законный интерес может быть удовлетворен только судом.

Ко второй группе также следует относить законный интерес осужденного на прекращение применения в отношении его аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определен Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198⁶. О том, что данный законный интерес направлен на получение льгот, а не поощрений, говорится в п. 39 инструкции, предусматривающей прекращение применения технических средств надзора и контроля только в случае невозможности дальнейшего их использования в отношении осужденного по техническим причинам либо при изменении судом установленных ограничений.

Вместе с тем технические средства надзора и контроля, согласно п. 34 инструкции, могут быть применены в соответствии с ограничениями, установленными осужденному судом, и на основании сведений, характеризующих его личность, как при постановке на учет, так и в дальнейшем при исполнении наказания. Таким образом, применение технических средств надзора и контроля возможно в качестве меры взыскания. В то же время отмена их применения в качестве меры поощрения не предусматривается.

На наш взгляд, следует предусмотреть возможность отмены применения технических средств надзора и контроля, если осужденный своим поведением показал свое исправление и не имеет нарушений условий и порядка отбывания наказания в течение длительного времени. При этом возможность как применения технических средств надзора и контроля, так и отмены их применения должна быть закреплена в

соответствующих нормам УИК РФ, предусматривающих меры взыскания и меры поощрения. Для этого необходимо:

1) ст. 57 УИК РФ дополнить пунктом «д» следующего содержания: «отмена использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации»;

2) в ч. 2 ст. 58 УИК РФ после слов «применяет к нему меру взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений» дополнить словами «и использует в отношении его аудиовизуальные, электрон-

ные и иные технические средства надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации».

Следует отметить, что уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает в отношении осужденных к ограничению свободы законных интересов, направленных на получение благ, по своей социально-правовой сущности не являющихся ни поощрениями, ни льготами. Таким образом, применительно к ограничению свободы можно говорить лишь о двух видах законных интересов: направленных на получение поощрения и направленных на получение осужденными льгот.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кашуба Ю.А. Правовой статус несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1997. С. 32.

² Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1992. С. 97.

³ См.: Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Правовое положение осужденных: Лекция. М., 1997. С. 14.

⁴ См.: Российская газета. 2010. 27 окт.

⁵ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) // Международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М., 1993. Вып. 2.

⁶ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2010 № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1663.

¹ См.: Kashuba Ju.A. Pravovoj status nesovershennoletnih, osuzhdennyh k lisheniju svobody: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 1997. S. 32.

² Seliverstov V.I. Teoreticheskie problemy pravovogo polozhenija lic, otbyvajuwih nakazanija. M., 1992. S. 97.

³ См.: Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Pravovoe polozhenie osuzhdennyh: Lekcija. M., 1997. S. 14.

⁴ См.: Rossijskaja gazeta. 2010. 27 okt.

⁵ Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob#edinennyh Nacij v otnoshenii mer, ne svjazannyh s tjuremnyh zakljucheniem (Tokijskie pravila) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti prav cheloveka: Dokumenty i materialy. M., 1993. Vyp. 2.

⁶ См.: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31.03.2010 № 198 «Ob utverzhenii perechnja audiovizual'nyh, jelektronnyh i inyh tehniceskikh sredstv nadzora i kontrolja, ispol'zuemyh ugolovno-ispolnitel'nymi inspekcijami dlja obespechenija nadzora za osuzhdennymi k nakazaniju v vide ogranichenija svobody» // SZ RF. 2010. № 14. St. 1663.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

К вопросу о криминалистической характеристике побегов осужденных из исправительных учреждений

Н.В. ГРЯЗЕВА – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

Статья посвящена исследованию криминалистической характеристики, ее содержания, определению понятия и системы элементов криминалистической характеристики побегов осужденных из исправительных учреждений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; содержание криминалистической характеристики; побег; осужденный.

To the question of criminalistics characteristic of escaping from penal institution

N.V. GRYZEVA – teacher of Criminal Procedure and Criminalistics Department of Samara Law Institute of the Federal Service of Executing Punishments of Russia

The article is devoted to the research of criminalistics characteristic, its essence, determination of the definition and the system of elements of criminalistics characteristic of escapes from penal institution.

Key words: criminalistics characteristic; criminalistics characteristic essence; an escape; an inmate.

Приступая к разработке частной криминалистической методики – методики расследования побегов осужденных из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, следует остановиться на криминалистической характеристике как традиционном начальном элементе методики расследования преступления.

Как справедливо отмечает профессор Н.П. Яблоков, современная следственная практика свидетельствует о том, что успех расследования любого преступления зависит от многих факторов, в частности, не только от способности следователя выявлять и оценивать должным образом уголовно-правовые признаки совершенного

деяния, собирать и оценивать входящие в предмет доказывания фактические данные, но в значительной степени и от умения следователя проникать в криминалистическую суть расследуемой преступной деятельности. Проникнув же в указанную суть, необходимо умело сопоставить выявленную криминалистически значимую информацию об этой преступной деятельности с типовой криминалистической характеристикой данного вида преступлений и на подобной основе выдвинуть конкретные следственные версии, а также выбрать наиболее оптимальные методы расследования¹. Изложенное мнение определяет необходимость рассмотрения вопросов кри-

миналистической характеристики побегов осужденных из ИУ.

В настоящее время вокруг данного понятия существует большое количество споров, начиная с определения его элементного состава и заканчивая необходимостью существования в рамках криминалистики². Решение данных проблем требует отдельного внимания и не является целью статьи. Однако считаем необходимым выразить свое мнение по некоторым из них.

Как справедливо указывает Г.К. Захаров, на сегодняшний день существуют две основные позиции относительно термина «криминалистическая характеристика». Одни исследователи говорят о полном отказе от данного понятия и замене его на другую концепцию: предмет доказывания по уголовному делу, механизм преступления (или преступной деятельности) или типовую модель преступной деятельности; другие настаивают на необходимости продолжения изучения криминалистической характеристики³.

Мы придерживаемся второй позиции, так как отказ от рассматриваемой категории носит формальный характер. Термины «механизм преступления» или «типовая модель преступной деятельности», предлагаемые на замену, всего лишь подменяют рассматриваемое понятие, не заменяя содержания. И в данной ситуации считаем справедливым мнение А.Г. Филиппова об отсутствии необходимости замены прочно утвердившегося сочетания «криминалистическая характеристика преступления» на аналогичные понятия, обозначенные новым термином⁴.

Что касается соотношения термина «предмет доказывания», или как его называют в криминалистике обстоятельства, подлежащие установлению, с понятием «криминалистическая характеристика», то большинство ученых справедливо отмечают, что данные понятия являются разноплановыми и не могут заменять друг друга⁵.

Существование криминалистической характеристики преступления в рамках частной методики расследования продиктовано ее практической значимостью. Подобной позиции придерживаются Н.П. Яблоков и А.Ф. Лановой, справедливо указывая на то, что криминалистическая характеристика преступлений содержит важную информацию для выдвижения следственных версий, выбора наиболее продуманных направлений, оптимальных методов расследования и для решения многих других тактико-методических задач⁶.

О ее практической значимости говорит и И.М. Лузгин, указывая на то, что она способ-

ствует поиску следов и раскрытию преступления, помогает правильно выбрать методы расследования и организовать работу по делу, в известной мере помогает правильно оценивать признаки конкретных деяний, сопоставляя их с типичными⁷.

Как уже отмечалось ранее, помимо обсуждения проблем, связанных с решением вопроса о необходимости рассмотрения криминалистической характеристики преступления в рамках частной методики расследования, в специальной литературе продолжается дискуссия о ее понятии и содержании. Считаем, что решение указанных задач имеет существенное значение, так как без формирования понятийного аппарата и определения структуры исследуемой категории невозможно сформировать полноценную частную методику расследования.

В общеупотребительном смысле, под характеристикой понимают краткое описание главных свойств, признаков чего-либо, вследствие чего всякая характеристика должна отражать существенные свойства, особенности, природу исследуемого объекта в целом или какие-то определенные, присущие ему стороны и закономерности, которыми он отличается от других объектов. Учет этого при изучении и описании преступления предполагает выявление свойств, важных для решения задач, входящих в компетенцию науки криминалистики и ее составной части – методики расследования преступлений.

В науке исследуемое понятие также не осталось без внимания. Авторы учебника по криминалистике, вышедшего под редакцией Р.С. Белкина, считают, что криминалистическая характеристика – это «своеобразный типичный "портрет" преступления, научная абстракция, опирающаяся на то общее, что объединяет множество конкретных преступлений»⁸. Положительным аспектом настоящего определения является указание на научность данной категории, а также на типичность содержащейся в ней информации. Однако следует отметить, что данное определение носит поверхностный характер, поскольку не затрагивает вопросы содержания и значения рассматриваемого понятия для расследования преступления.

И.Ф. Герасимов полагает, что «криминалистическая характеристика является совокупностью сведений о таких общих типичных признаках, обстоятельствах и иных характерных чертах определенного вида преступных деяний, которые имеют важное организационное и тактическое значение для раскрытия этого вида преступлений»⁹. Данное определение, в отличие от перво-

го, уже предусматривает сложную структуру рассматриваемого понятия, указывая на «совокупность сведений о типичных признаках», а также содержит указание на организационное и тактическое значение для раскрытия и расследования преступления. Однако основным его недостатком является отсутствие ссылки на взаимосвязь содержащихся в нем сведений. А ведь именно она и позволяет использовать версионный метод расследования.

По мнению А.С. Шаталова, «под криминалистической характеристикой следует понимать систему научной информации о типичных, криминалистически значимых признаках вида (группы) преступлений, обуславливающих применение криминалистических методов, приемов и средств для быстрого и полного раскрытия, расследования преступлений»¹⁰. В данном случае автор совершенно верно указывает на системность рассматриваемого понятия и его значение для расследования, однако применение термина «признаки преступления» в рамках криминалистики может вызвать критику и непонимание со стороны специалистов в области уголовного права.

К.К. Горяинов несколько иначе подошел к рассматриваемому понятию. Он дает определение криминолого-криминалистической характеристики, под которой понимает «совокупность взаимосвязанных общих и особенных признаков уголовно наказуемых деяний, проявляющихся в способах, механизмах, обстановке их совершения (место, время и т.п.), причинно-следственных связях с окружающей средой, а также в чертах личности преступников и потерпевших»¹¹. В данном случае автор акцентирует внимание на заимствованиях криминалистами некоторых положений, которые являются предметом изучения других наук. Данный подход нашел свое развитие в работе А.М. Кустова, который предложил заменить различные характеристики преступления (криминалистическую, уголовно-правовую, социально-правовую и т.д.) на единую социально-правовую характеристику преступлений. Думаем, что в рамках дискуссии данное предложение заслуживает внимания, однако, на наш взгляд, подобные тенденции приведут к значительному увеличению объема содержания исследований, а также вызовут новые споры о предмете криминалистики и ее границах.

Н.Г. Шурухнов считает, что «криминалистическая характеристика преступления – это система обобщенных данных о способе совершения, механизме и типичных следах преступления, личности преступника и

других существенных чертах, свойствах и особенностях преступления и сопутствующих ему обстоятельствах, способствующая оптимизации методики расследования и практическому применению средств, приемов и методов криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений»¹². Данное определение содержит перечисление элементов криминалистической характеристики преступления, причем автор сделал предложенную систему закрытой. Вызывает вопросы рассмотрение в качестве элемента криминалистической характеристики механизма преступления. Такие же недостатки содержит определение, предложенное Н.П. Яблоковым¹³.

По мнению И.А. Возгриня, «криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступных деяний, знание которых необходимо для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия и расследования»¹⁴. Однако несколько непонятной представляется позиция автора о рекомендациях, содержащихся в криминалистической характеристике. Как нам представляется, это не совсем соответствует понятию «характеристика».

Не акцентируя внимание на значении криминалистической характеристики, В.В. Радаев дает следующее определение: «Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему сведений о типичных элементах ситуаций совершения преступлений определенных категорий, криминалистически значимых связях между этими элементами и особенностях механизма слефообразования»¹⁵. В заключении упомянутой здесь работы автор конкретизировал свое мнение в виде следующего вывода: «Криминалистическая характеристика – это система сведений о преступлениях, способствующая правильному определению эффективных криминалистических методов, приемов и средств обнаружения, расследования и профилактики преступлений»¹⁶.

Рассмотренные определения носят общий характер. По объему их условно можно разделить на краткие и расширенные. Преимущество первых в их доступности для понимания, недостаток – в их неполноте. Расширенные толкования более полно раскрывают рассматриваемое понятие, однако из-за различий в наполнении они вызывают и большее количество вопросов. Учитывая

указанные преимущества и недостатки, считаем, что распространение понятия «криминалистическая характеристика» путем перечисления ее элементов представляется не совсем верным, так как элементный состав этой категории так же индивидуален, как и сами преступления. Так, например, в работе, посвященной данному вопросу, В.Ф. Ермолович выделил шестнадцать наиболее распространенных элементов криминалистической характеристики¹⁷. Мы, однако, поддерживаем мнение В.Э. Курапки, Г. Малевски и С. Матулене, которые считают, что «формулируя понятие криминалистической характеристики преступлений, не рационально детально перечислять ее структурные элементы, поскольку криминалистическая характеристика преступлений является динамичной научной категорией, чутко реагирующей на изменения в структуре преступности и условиях совершения преступлений»¹⁸.

Изложенное позволяет сделать вывод, что большинство авторов сходятся во мнении, что криминалистическая характеристика – это система типичных криминалистически значимых сведений о преступлении, позволяющая более эффективно раскрывать и расследовать преступления.

С учетом перечисленных точек зрения считаем уместным предложить свое определение: криминалистической характеристикой побегов осужденных из исправительных учреждений следует понимать систему обобщенных криминалистически значимых сведений о рассматриваемых преступлениях, способствующих правильному определению эффективных криминалистических методов, приемов и средств обнаружения, раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

Вопрос о содержании криминалистической характеристики сводится в основном к определению конкретной совокупности различных элементов рассматриваемого преступления. Структура рассматриваемого понятия сложна, причем она различна для отдельных видов и групп преступлений. Одни и те же структурные элементы в криминалистических характеристиках разных преступлений могут быть различными по значению, происхождению и другим признакам в зависимости от вида преступления, формы вины, отдельных особенностей преступлений.

Относительно содержания криминалистической характеристики преступления в настоящее время ведется не такая активная дискуссия. Основной вопрос, который вызывает споры, состоит в том, какие элементы криминалистической характеристики

преступлений необходимо рассмотреть в рамках той или иной частной методики расследования? Для решения данной задачи следует определить наиболее типичные элементы криминалистической характеристики и их значение для расследования побегов осужденных из ИУ.

В литературе до настоящего момента уже предпринимались попытки унифицировать содержание криминалистической характеристики. Так, например, профессор Р.С. Белкин, обобщив результаты некоторых исследований, пришел к выводу о том, что «большинство авторов указывает следующие элементы криминалистической характеристики: типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных; способ совершения преступления; способ сокрытия преступления, маскировка; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; характеристика личности преступника; обстановка преступления (место, время и др. обстоятельства)»¹⁹.

По мнению В.Ф. Ермоловича, в криминалистическую характеристику преступлений целесообразно включать следующие данные (сведения): о механизме преступлений; способах преступления; условиях места и времени совершения преступлений; орудиях и средствах, используемых при совершении преступлений; обстановке совершения преступлений; обстоятельствах и условиях, способствующих совершению преступлений; личности преступника; личности потерпевшего; объекте и предмете преступного посягательства; мотивах и целях преступления и др.²⁰

Исследования, проведенные В.А. Гамзой, позволили ему выделить следующие элементы криминалистической характеристики преступлений: способ совершения преступлений, личность субъекта преступления, обстановка его совершения (время, место и другие обстоятельства), предмет преступного посягательства, в том числе личность потерпевшего, субъективная сторона преступления, его последствия, характерные следы деяния, орудия и средства преступления, характерные способы его маскировки, сокрытия, связи преступника, взаимосвязи элементов преступления, ситуации совершения преступления и исходные следственные ситуации, условия охраны объекта посягательства, связь с другими явлениями и преступные навыки, обстоятельства, способствующие совершению преступления, и др.²¹

А.В. Шмонин считает, что в содержание криминалистической характеристики пре-

ступления необходимо включать сведения о субъекте преступления, объекте преступления (о жертве), обстановке преступления, способе подготовки, совершения и сокрытия преступления, орудии преступления, а также мотивы²².

Сравнив результаты упомянутых исследований, можно сделать вывод о том, что полного совпадения между ними не наблюдается, а следовательно, появляется возможность их дополнения и корректировки.

Учитывая результаты исследований указанных авторов, необходимо решить вопрос о содержании криминалистической характеристики таких преступлений, как побеги осужденных из ИУ. При этом целесообразно руководствоваться критериями, которые следуют из сформулированного нами определения криминалистической характеристики побегов осужденных из ИУ, а также взаимосвязи элементов криминалистической характеристики и их значения для расследования.

Все вышеперечисленные авторы едины в мнении о включении в состав криминалистической характеристики следующих типичных сведений: о способах совершения преступлений, личности преступника, обстановке совершения преступления. Считаем, что включение данных элементов оправданно. В остальном предлагаемые перечни несколько различаются.

Так, например, по мнению Р.С. Белкина и В.М. Гамзы, также необходимо рассмотреть и следующие элементы: способ сокрытия преступления, маскировку; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; типичные следственные ситуации. Широкое толкование понятия «способ совершения преступления» включает в себя действия по сокрытию преступления. Тесная взаимосвязь действий и их последствий определяет целесообразность рассмотрения типичных материальных следов преступления вместе со способом совершения побега осужденным из ИУ. Вопрос о включении в состав криминалистической характеристики преступлений сведений о типичных следственных ситуаций является дискуссионным. В.Ф. Ермолович, А.Г. Филиппов, А.Ф. Лубин, С.Е. Еркенов, Л.Л. Коневский обоснованно утверждают, что следственную ситуацию не нужно путать и отождествлять с обстановкой, в которой происходит расследование. По их мнению, в криминалистическую характеристику должна входить не следственная ситуация, а лишь та, которая отражает обстановку, способ, механизм совершения преступления,

личность преступника и т.д.²³ Мы согласны с их мнением, однако считаем, что в данном случае необходимо исходить из определения криминалистической характеристики преступления. Это, в первую очередь, характеристика самого преступления, совокупность его криминалистически значимых признаков, причем здесь само расследование не понятно. Типичная следственная ситуация служит промежуточным звеном между типичными, криминалистически значимыми сведениями о преступлении (криминалистической характеристикой) и расследованием конкретного преступления. Следственная ситуация не является типичными сведениями, данными о преступлении. Это очевидно.

В.Ф. Ермолович, А.В. Шмонин, В.А. Гамза сходятся во мнении о том, что помимо типичных сведений о способе, личности преступника, обстановке совершения преступления в рамках криминалистической характеристики преступлений необходимо рассмотреть и типичные сведения об объекте преступного посягательства (потерпевшем, жертве и т.д.), типичных мотивах, орудиях преступления. Считаем, что рассматривать объект преступного посягательства²⁴ в качестве элемента криминалистической характеристики нецелесообразно, так как последний не соответствует обозначенным критериям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что унифицировать элементный состав криминалистической характеристики преступлений практически невозможно. Исследователи не пришли к единому мнению о содержании рассматриваемой категории. Единственная цель, которая была достигнута, это выявление наиболее распространенных элементов криминалистических характеристик различных видов преступлений.

Следует отметить, что вопросы, связанные с криминалистической характеристикой преступлений в ИУ (в частности, побегов), ранее уже рассматривались в специальной литературе.

Так, С.В. Якунин включил в криминалистическую характеристику преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, следующие элементы: способ совершения преступления, личность преступника и потерпевшего, мотив, цель, место, время и другие обстоятельства²⁵. Перечень является более общим по отношению к рассматриваемым преступлениям, при этом фраза «и другие обстоятельства» вызывает некоторое недоумение. Во-первых, перечень носит открытый характер, что затрудняет под-

бор оптимальных элементов, во-вторых, использование термина «обстоятельства» уместнее употреблять при рассмотрении вопросов, связанных с обстоятельствами, подлежащими установлению.

А.Б. Помаслов считает, что криминалистическая характеристика побегов закономерно включает такие элементы, как место совершения побега, способ совершения, время совершения, характеристика личности преступника, типичные следы преступления, мотивы и цели, причины и условия, способствующие совершению преступления²⁶. Предложенный перечень является дискуссионным. Место, время, мотивы и цели, причины и условия, способствующие совершению преступления, дословно совпадают с предметом доказывания, что затрудняет возможность их включения в криминалистическую характеристику в предложенном виде. При этом автор необоснованно проигнорировал типичные сведения об обстановке совершения и типичных материальных следах преступления.

С.И. Медведев считает, что исследуемое понятие должно содержать следующие элементы: способ совершения побега, личность бежавшего, потерпевших, место и время совершения преступления, мотив и условия, способствующие совершению побега²⁷. Схожего мнения придерживаются С.А. Кутякин, Н.И. Ткаченко и Э.В. Лядов²⁸. Считаем, что включение в данный перечень личности потерпевшего нецелесообразно, поскольку основным потерпевшим является государство, а не личность. В некоторых случаях при побегах страдают и люди, однако в данном случае необходимо квалифицировать действия бежавшего по совокупности преступлений,

а следовательно, это элемент другой криминалистической характеристики. При этом отсутствует четкая взаимосвязь предлагаемого элемента с другими, что нарушает принцип системности. Место и время совершения побега необходимо рассматривать в рамках обстановки совершения преступления.

А.С. Ямашкин включает в структуру криминалистической характеристики побега из мест лишения свободы свойства личности осужденных, совершивших побег, способ и обстановку совершения побега. При этом автор необоснованно считает, что применение на практике иных криминалистических характеристик не даст желаемого результата²⁹. Считаем, что предложенный перечень является оптимальным, однако нуждается в некоторой доработке.

Как уже отмечалось ранее, способ совершения и типичные материальные следы преступления тесно связаны, но все же это разные элементы криминалистической характеристики, следовательно, целесообразно рассматривать их вместе, но не смешивать в один элемент. При этом целесообразнее определять элементы как типичные сведения, поскольку криминалистическая характеристика – категория теоретическая и содержит сведения обобщенного характера.

Изложенное позволяет предложить собственную систему элементов криминалистической характеристики побегов осужденных из ИУ. К таковым мы предлагаем отнести типичные сведения: о способе совершения побега и материальных следах преступления; личности преступника, обстановке совершения побега; мотивах преступления, обстоятельствах, способствовавших совершению побега.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 2. С. 3.

² См., напр.: Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика преступлений – основное направление систематизации криминалистически значимой информации о преступном событии // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 2. С. 317–326; Захаров Г.К. Три тезиса о криминалистической характеристике преступления // Вестник криминалистики. 2006. № 3. С. 37–43; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. М., 2006. С. 159–220; Лановой А.Ф. К вопросу о понятии криминалистической характеристики преступлений // Вестник криминалистики. 2007. № 1. С. 18–24; Захаров Г.К. Криминалистическая характеристика – «кривое зеркало» преступной деятельности // Там же. 2008. № 1. С. 73–79; Филиппов А.Г. Заметки на полях (о статье Г.К. Захарова) // Там же. С. 80–82; Чурилов С.Н. В чем смысл и значение термина «криминалистическая характеристика механизма преступления»? // Там же. № 2. С. 16–20 и др.

³ См.: Захаров Г.К. Три тезиса о криминалистической характеристике преступления. С. 37–38.

¹ См.: Jablovok N.P. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij kak sostavnaja chast' obvej kriminalisticheskoi teorii // Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. 2000. № 2. S. 3.

² См., напр.: Ahmedshin R.L. Kriminalisticheskaja harakteristika prestuplenij – osnovnoe napravlenie sistematizacii kriminalisticheski znachimoj informacii o prestupnom sobytii // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2006. № 2. S. 317–326; Zaharov G.K. Tritezisa o kriminalisticheskoi harakteristike prestuplenija // Vestnik kriminalistiki. 2006. № 3. S. 37–43; Shmonin A.V. Metodika rassledovanija prestuplenij: Ucheb. posobie. M., 2006. S. 159–220; Lanovoj A.F. K voprosu o ponjatii kriminalisticheskoi harakteristiki prestuplenij // Vestnik kriminalistiki. 2007. № 1. S. 18–24; Zaharov G.K. Kriminalisticheskaja harakteristika – «krivoe zerkalo» prestupnoj dejatel'nosti // Tam zhe. 2008. № 1. S. 73–79; Filippov A.G. Zаметki na poljah (o stat'e G.K. Zaharova) // Tam zhe. S. 80–82; Churilov S.N. V chem smysl i znachenie termina «kriminalisticheskaja harakteristika mehanizma prestuplenija»? // Tam zhe. № 2. S. 16–20 i dr.

³ См.: Zaharov G.K. Tri tezisa o kriminalisticheskoi harakteristike prestuplenija. S. 37–38.

- ⁴ См.: Филиппов А.Г. Заметки на полях (о статьях Г.К. Захарова и С.Н. Чурилова) // Вестник криминалистики. 2006. № 3. С. 54.
- ⁵ См., напр.: Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории. С. 10; Захаров Г.К. Три тезиса о криминалистической характеристике преступления. С. 39; Филиппов А.Г. Заметки на полях (о статьях Г.К. Захарова и С.Н. Чурилова). С. 52.
- ⁶ См.: Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории; Лановой А.Ф. К вопросу о понятии криминалистической характеристики преступлений. С. 22.
- ⁷ См.: Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика: Сб. науч. тр. М., 1984. С. 27.
- ⁸ Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. М., 2003. С. 692.
- ⁹ Герасимов И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений: Общие положения. М., 1976. С. 96.
- ¹⁰ Шаталов А.С. Сущность и содержание криминалистической характеристики преступлений // Следователь. 1999. № 1. С. 24.
- ¹¹ Горяинов К.К. Общая характеристика преступлений. М., 1980. С. 9.
- ¹² Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учеб. М., 2005. С. 25.
- ¹³ См.: Яблоков Н.П. Криминалистика: Учеб. для вузов и юридических факультетов. М., 2006. С. 30.
- ¹⁴ Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1993. Ч. 4. С. 35.
- ¹⁵ Радаев В.В. Криминалистическая характеристика. Волгоград, 1987. С. 4.
- ¹⁶ Там же. С. 21.
- ¹⁷ См.: Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Мн., 2001. С. 27–28.
- ¹⁸ Куралпа В.Э., Малевски Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 2 (14). С. 16.
- ¹⁹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 315.
- ²⁰ Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. С. 27–28.
- ²¹ См.: Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. М., 2006. С. 166–167.
- ²² См.: Там же. С. 182–195.
- ²³ См. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. С. 23.
- ²⁴ Объектом побега из мест лишения свободы являются общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия, которые состоят в неисполнении судебных решений в виде лишения свободы или изоляции от общества административно задержанных, подозреваемых по уголовным делам и других лиц, находящихся под стражей.
- ²⁵ См.: Якунин С.В. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Особенности расследования преступлений и производства отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России: Сб. материалов межвузовского науч.-практ. семинара (Вологда, 26 октября 2005 г.) / Под ред. канд. юрид. наук, доцента А.А. Крымова. Вологда, 2006. С. 89.
- ²⁶ См.: Помаслов А.Б. Криминалистическая характеристика побегов из исправительных учреждений // Там же. С. 133.
- ²⁷ См.: Медведев С.И. Расследование побегов из мест лишения свободы: Лекция. Уфа, 1991. С. 5.
- ²⁸ См.: Кутякин С.А., Ткаченко Н.И., Лядов Э.В. Криминалистическая характеристика побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы: Учеб. пособие. Рязань, 2005. С. 10.
- ²⁹ См.: Ямашкин А.С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 17.
- ⁴ Sm.: Filippov A.G. Zametki na poljah (o stat'jah G.K. Zaharova i S.N. Churilova) // Vestnik kriminalistiki. 2006. № 3. S. 54.
- ⁵ Sm., napr.: Jablovok N.P. K iminalisticheskaja karakteristika prestuplenij kak sostavnaja chast' obvej kriminalisticheskoy teorii. S. 10; Zaharov G.K. Tri tezisa o kriminalisticheskoy karakteristike prestuplenija. S. 39; Filippov A.G. Zametki na poljah (o stat'jah G.K. Zaharova i S.N. Churilova). S. 52.
- ⁶ Sm.: Jablovok N.P. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij kak sostavnaja chast' obvej kriminalisticheskoy teorii; Lanovoj A.F. K voprosu o ponjatii kriminalisticheskoy karakteristiki prestuplenij. S. 22.
- ⁷ Sm.: Luzgin I.M. Nekotorye aspekty kriminalisticheskoy karakteristiki i mesto v nej dannyh o sokrytii prestuplenij // Kriminalisticheskaja karakteristika: Sb. nauch. tr. M., 1984. S. 27.
- ⁸ Kriminalistika: Ucheb. dlja vuzov / Pod red. zaslužennogo dejatelja nauki RF, prof. R.S. Belkina. M., 2003. S. 692.
- ⁹ Gerasimov I.F. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij v metodike rassledovanija // Metodika rassledovanija prestuplenij: Obwie polozhenija. M., 1976. S. 96.
- ¹⁰ Shatalov A.S. Suwnost' i soderzhanie kriminalisticheskoy karakteristiki prestuplenij // Sledovatel'. 1999. № 1. S. 24.
- ¹¹ Gorjainov K.K. Obwaja karakteristika prestuplenij. M., 1980. S. 9.
- ¹² Shuruhnov N.G. Kriminalistika: Ucheb. M., 2005. S. 25.
- ¹³ Sm.: Jablovok N.P. Kriminalistika: Ucheb. dlja vuzov i juridicheskikh fakul'tetov. M., 2006. S. 30.
- ¹⁴ Vozgrin I.A. Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovanija prestuplenij. SPb., 1993. Ch. 4. S. 35.
- ¹⁵ Radaev V.V. Kriminalisticheskaja karakteristika. Volgograd, 1987. S. 4.
- ¹⁶ Tam zhe. S. 21.
- ¹⁷ Sm.: Ermolovich V.F. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij. Mn., 2001. S. 27–28.
- ¹⁸ Kurapka V.Je., Malevski G., Matulene S. O ponjatii kriminalisticheskoy karakteristiki prestuplenij i ee urovnjah // Vestnik kriminalistiki. 2005. Vyp. 2 (14). S. 16.
- ¹⁹ Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. M., 1997. T. 3. S. 315.
- ²⁰ Ermolovich V.F. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij. S. 27–28.
- ²¹ Sm.: Shmonin A.V. Metodika rassledovanija prestuplenij: Ucheb. posobie. M., 2006. S. 166–167.
- ²² Sm.: Tam zhe. S. 182–195.
- ²³ Sm. Ermolovich V.F. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij. S. 23.
- ²⁴ Ob#ektom pobega iz mest lishenija svobody javljajutsja obwestvennye otnoshenija, obespechivajuwie interesy pravosudija, kotorye sostojat v neispolnenii sudebnyh reshenij v vide lishenija svobody ili izoljacii ot obwestva administrativno zaderzhannyh, podozrevaemyh po ugolovnym delam i drugih lic, nahodjawihsja pod strazhej.
- ²⁵ Sm.: Jakunin S.V. Kriminalisticheskaja karakteristika prestuplenij, sovershaemyh v mestah lishenija svobody // Osobennosti rassledovanija prestuplenij i proizvodstva otдел'nyh sledstvennyh dejstvij v organah i uchrezhdenijah FSIN Rossii: Sb. materialov mezhvuzovskogo nauch.-prakt. seminar (Vologda, 26 oktjabrja 2005 g.) / Pod red. kand. jurid. nauk, docenta A.A. Krymova. Vologda, 2006. S. 89.
- ²⁶ Sm.: Pomaslov A.B. Kriminalisticheskaja karakteristika pobegov iz ispravitel'nyh uchrezhdenij // Tam zhe. S. 133.
- ²⁷ Sm.: Medvedev S.I. Rassledovanie pobegov iz mest lishenija svobody: Lekcija. Ufa, 1991. S. 5.
- ²⁸ Sm.: Kutjakin S.A., Tkachenko N.I., Ljadov Je.V. Kriminalisticheskaja karakteristika pobegov iz uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: Ucheb. posobie. Rjazan', 2005. S. 10.
- ²⁹ Sm.: Jamashkin A.S. Metodika rassledovanija pobegov iz mest lishenija svobody: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2010. S. 17.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О проблеме формирования конструктивного профессионального мышления сотрудника уголовно-исполнительной системы

О.Н. РАКИТСКАЯ – доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье определено понятие «профессиональное мышление» и его значение для профессиональной компетентности специалиста, обоснована необходимость формирования конструктивного мышления для деятельности сотрудника пенитенциарной системы.

Ключевые слова: профессиональная компетентность; профессиональное мышление; психолого-педагогическое воздействие; критическое мышление; конструктивное мышление.

About the problem of formation of constructive professional thinking of the employee of criminal and executive system

O.N. RAKITSKAYA – teacher of the chair of general psychology, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Executive Service, PhD in Psychology

The definition of “professional thinking” and its importance for the professional competence of the specialist, the necessity of the formation of constructive thinking for the activities of the employee.

Key words: professional competence; professional thinking; psycho-pedagogical impact; critical thinking; constructive thinking.

Возможность реализации институциональных преобразований пенитенциарной системы в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. напрямую зависит от профессиональной компетентности ее кадров, от того, насколько действующие сотрудники смогут корректировать устоявшиеся взгляды на исполнение собственных функций, освоить новую психолого-педагогическую специфику работы. Профессионально-личностный рост сотрудников пенитенциарной системы, таким образом, представляет собой необходимое

условие достижения высокого качества их труда, возможность которого мы связываем с формированием профессионального мышления.

Определяя компетентность как характеристику возможностей и готовности субъекта к труду, О.Г. Носкова включает в нее особенности профессионального мышления и сознания наряду со знаниями, умениями, навыками и профессиональным опытом, обеспечивающими принятие решений в профессиональной деятельности, выработку стратегии и тактики поведения в тех или иных профессиональных

ситуациях, приводящих к достижению результата¹.

Соотнося профессионализм с различными аспектами зрелости специалиста, А.К. Маркова выделяет четыре вида профессиональной компетентности:

1. Специальная, или деятельностная, профкомпетентность отражает владение деятельностью на высоком профессиональном уровне и включает не только наличие специальных знаний, но и умение применить их на практике.

2. Социальная профкомпетентность связана с владением способами совместной профессиональной деятельности и сотрудничества, принятыми в профессиональном сообществе приемами профессионального общения.

3. Личностная профкомпетентность отражает владение способами самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональной деформации. Сюда же относится способность специалиста планировать свою профессиональную деятельность, самостоятельно выявлять проблемы и принимать решения.

4. Индивидуальная профкомпетентность характеризует владение приемами саморегуляции, готовность к профессиональному росту, неподверженность профессиональному старению, наличие устойчивой профессиональной мотивации².

Традиционно в психологии труда профессиональное мышление наряду с творчеством включают в профессиональные психогаммы как элементы, обеспечивающие возможность обогатить опыт профессии и профкомпетентность как таковую. А.К. Маркова отмечает, что «развитие профессионального мышления – важная сторона процесса профессионализации человека и предпосылка успешности профессиональной деятельности»³. По ее мнению, профессиональный тип (склад) мышления – это «преобладающее использование принятых именно в данной профессиональной области приемов решения проблемных задач, способов анализа профессиональных ситуаций, принятия профессиональных решений, способов вычерпывания содержания предмета труда, поскольку профессиональные задачи нередко обладают неполнотой данных, дефицитом информации, ибо профессиональные ситуации быстро меняются»⁴.

Наиболее полно профессиональное мышление изучено в рамках общепсихологического подхода как мышление практиче-

ское (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, Б.М. Теплов, Ю.К. Корнилов и др.). В данном случае профессиональное мышление рассматривается как обобщенное отражение в сознании специалиста значимых фактов, явлений, процессов в их необходимых существенных связях и отношениях, характерных для данного вида деятельности.

Часто под профессиональным мышлением подразумевают такие особенности мышления специалиста, которые позволяют ему успешно выполнять профессиональные задачи на высоком уровне мастерства: быстро и точно решать как обычные, так и необычные проблемные ситуации в определенной предметной области. Таких специалистов обычно характеризуют как людей творческих в своей профессиональной области, по-особому видящих свою деятельность и способных к рационализаторству и новаторству⁵.

Очевидно, что понятие «профессиональное мышление» отражает как качественный уровень развития мышления специалиста, так и его предметный аспект, обусловленный характером профессиональной деятельности. Мы разделяем мнение М.М. Кашапова, что «характер реакций профессионала на возникающие конкретные ситуации определяется его когнитивной интерпретацией, а следовательно, для понимания того, почему одни профессионалы успешны, а другие нет, важно знать не только то, что специалист воспроизводит в своем сознании в процессе разрешения ситуации, что он видит, но и как он осмысливает происходящее»⁶.

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы на этапе ее реформирования подчинена решению сложных задач исправления и ресоциализации осужденных, имеющих по своей сути психолого-педагогический характер. Надо сказать, что педагогическая деятельность, специфика которой связана с выполнением образовательной и воспитательной задач, имманентно присуща работе любых специалистов и проявляется в функциях наставничества, подготовки молодых специалистов. Что касается обучения и воспитания осужденных, то они составляют основу пенитенциарного воздействия и обуславливают ресоциализацию лиц, преступивших закон.

Во время профессионального общения сотруднику необходимо постоянно оценивать актуальное состояние партнера и обстоятельства существующей ситуации, на основании чего принимать решение о воздействии. Понятно, что характер и форма

данного воздействия будут зависеть от содержания и особенностей оценки.

Оценка является существенным компонентом критического мышления профессионала. В.А. Попков, А.В. Коржуев определяют критическое мышление как «специфическую форму оценочной деятельности субъекта познания, направленную в самом общем смысле на выявление степени соответствия (или несоответствия) того или иного продукта принятым эталонам и стандартам, включающую специфические процедуры и способствующую смысловому самоопределению субъекта познания по отношению к самым разнообразным проявлениям окружающего мира и его продуктивному преобразованию»⁷.

Подчеркивая значимость развития критического мышления у профессионалов, Д. Халперн считает, что оценка должна быть конструктивным выражением и негативного, и позитивного отношения как к результатам мыслительного процесса, так и к самому процессу мышления, приведшему к полученным выводам. Направленность критического мышления связывается с осознанностью его цели и действий, которые совершаются для ее реализации. При этом критическое мышление рассматривается автором как творческое, единственно продуктивное мышление. С ее точки зрения, человеку, у которого сформировано критическое мышление, свойственны следующие качества: готовность к планированию, гибкость, настойчивость, готовность исправлять свои ошибки, осознание как метакогнитивный мониторинг, поиск компромиссных решений⁸.

В.А. Попков, А.В. Коржуев, исследуя профессиональное мышление педагогов, настаивают на необходимости достижения своеобразного «равновесия» между проявлением критического начала в мышлении и деятельности, с одной стороны, и толерантности (терпимости, снисходительности) – с другой. Человек со сформированным педагогическим мышлением, по мнению А.В. Коржуева, должен руководствоваться формулой: повышенная критичность – по отношению к самому себе, толерантность (максимально разумная и целесообразная) – по отношению к обучаемым и коллегам⁹.

Критичность профессионального мышления обеспечивает специалисту возможность анализа сложившейся проблемной ситуации, проектирования путей разрешения противоречия и определения конкретных действий, которые ему целесо-

образно было бы предпринять, чтобы не возник отрицательный эффект. При достижении положительного эффекта профессионал с критичным мышлением может выявить причины, его обусловившие, для того, чтобы достигать подобного результата в будущем. Конструктивный характер критического мышления обеспечивается толерантностью, которая проявляется при взаимодействии с партнерами в попытках понять и обосновать причины их поведения наряду с ожиданием не мгновенного, сиюминутного, а постепенного, «пошагового» результата от того или иного своего воспитательного воздействия, признанием за ними права на ошибку. Очевидно, что видение и признание со стороны сотрудника в другом человеке его достижений, сильных сторон или психологических свойств личности рассматривается обучаемым (воспитуемым) не только как поддержка, но и как ресурс для самого воспитателя.

Таким образом, поддерживающий, фасилитирующий эффект для психолого-педагогического воздействия может обеспечить личностная позиция сотрудника, подкрепленная особым мышлением, среди характеристик которого лидирующую роль играет конструктивность. Однако проблема формирования конструктивного профессионального мышления во многом обусловлена недостаточной разработанностью в психологической науке самого понятия «конструктивное мышление».

Наиболее подробно термин «конструктивное мышление» операционализирован в оригинальной теории Э. Боно, в которой он описывает шесть типов мышления, связывая их с образами разноцветных шляп. Конструктивное мышление (мышление в желтой шляпе), с его точки зрения, представляет собой мышление реактивное, отвечающее на предложенное стечение обстоятельств целенаправленным поиском позитивных моментов в ситуации, что позволяет ему тем самым уравнивать критический взгляд на вещи, присущий мышлению в черной шляпе. Если деструктивный тип мышления предназначен для поиска недостатков, и в его обязанности не входит их исправление, то к задачам конструктивного мышления относится направленный поиск и исправление присущих идее недостатков, обнаруженных с помощью того же деструктивного мышления¹⁰.

Конструктивное мышление созидательно и плодотворно, однако непосредственно с творчеством оно не связано. Хотя позитив-

ный настрой и свойственный данному мышлению конструктивный подход к делу для творчества необходимы, но создание чего-то принципиально нового – это прерогатива творческого мышления.

Творческое начало напрямую связано со всякого рода изменениями, нововведениями, изобретениями, рождением новых идей и рассмотрением возможных альтернатив. Человек может достичь совершенства в использовании конструктивного мышления и не придумать ничего нового. Этому типу мышления свойственно эффективное применение старых идей, и ему нет необходимости обращаться на поиски новых идей и устремляться к новым горизонтам. Данный тип мышления направлен на обеспечение позитивного видения перспективы того, что предстоит сделать. Для этого типа мышления эффективность использования старых идей важнее поиска новых.

Следует отметить, что иной взгляд на вещи, брошенный с позитивной точки зрения, присущей конструктивному типу мышления, тоже иногда может отличаться новизной и неординарным подходом к рассматриваемому вопросу.

С. Эпштейн определяет конструктивное мышление как способность разрешать практические проблемы ценой минимального стресса. По его мнению, обладатели конструктивного мышления лучше приспособлены к жизни, не концентрируются на негативных мыслях и эмоциях и потому редко страдают от психических расстройств. В своих работах С. Эпштейн рассматривает конструктивное мышление как условие успешности человека в профессии и создания психологического комфорта вокруг себя¹¹.

Идеи С. Эпштейна во многом сопоставимы с теорией стиля объяснения М. Селигмана, который изучал влияние оптимистического и пессимистического стиля объяснения на эффективность деятельности в различных сферах (страховые агенты, спорт, учеба). Он выделил три основных параметра оценки событий: широта, персонализация и постоянство, с помощью которых было предложено описывать особенности восприятия (объяснения) человеком своих успехов и неудач¹².

Перекус в функционировании мышления специалиста в «черную» сторону приводит к разрушительным эффектам, выражающимся в соответствующей окраске мировоззрения и связанными с этим деструктивными проявлениями как в отношениях

с окружающими, так и в собственном здоровье. В практике психотерапии накоплено большое количество фактов, подтверждающих, что способ нашего мышления влияет на здоровье гораздо больше, чем любой другой фактор. Конечно, не все болезни имеют психологическое происхождение. Тем не менее способ мышления может существенно влиять на здоровье двумя вполне доказанными способами. Во-первых, мышление влияет на количество переживаемых стрессов, и, во-вторых, оно определяет поведение, относящееся к поддержанию здоровья.

В отечественной психологии для объяснения взаимосвязи мышления и здоровья введены понятия саногенного и патогенного мышления. При этом саногенным называют мышление, которое уменьшает внутренний конфликт, напряженность, предотвращает заболевание и, следовательно, порождает здоровье. Ю.М. Орлов считает, что основная его роль – «создание условий для достижения целей самосовершенствования: гармонии черт, согласия с самим собой и окружением, устранении плохих привычек, управлении своими эмоциями, контроле своих потребностей»¹³.

На основании вышеизложенного можно заключить, что сотруднику важно уметь выделять как негативные, так и позитивные стороны оцениваемого объекта, обращать внимание и на его недостатки, и на достоинства. В случае ориентации сотрудника на поиск преимущественно недостатков формируется привычный способ оценки с выраженным негативным характером. Другим последствием может стать снижение способности специалиста выявлять положительные аспекты в ходе оценки, что в последующем может привести к негативному восприятию и пониманию окружающей реальности в целом. Проживание в мире «негатива», полагаем, может привести к интенсификации негативных переживаний у сотрудника, чрезмерному напряжению в психическом состоянии и возникновению конфликтного фона общения с окружающими. В результате критика со стороны сотрудника станет носить враждебный, разрушительный характер, что, в свою очередь, поставит под сомнение эффективность его влияния на партнера по взаимодействию с точки зрения формирования у того социально полезных личностных изменений.

Формирование конструктивного мышления сотрудников УИС необходимо осуществлять уже на начальных этапах про-

фессионального становления. Поскольку конструктивное мышление отличается позитивизмом, ему свойственен настрой на осуществление новых идей и стремление разглядеть в предложенном плане все присутствующие ему положительные моменты, что порождает общее представление о возможных результатах дела, о связанных с зародившейся идеей перспективах, выгоде и достижениях.

На наш взгляд, совокупность описанных здесь характеристик профессионального мышления может выступать ориентиром для профессиональной подготовки и развития специалистов УИС. Наличие среди профессиональных качеств пенитенциарного сотрудника мышления конструктивного характера способно обеспечить его эффективное взаимодействие как с коллегами, так и с осужденными.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Носкова О.Г. Психология труда / Под ред. Е.А. Климова. М., 2004.

² См.: Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ См.: Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала: Моногр. М., 2006.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Попков В.А., Коржув А.В. Критический стиль мышления у субъектов профессионального образования. М., 2002.

⁸ См.: Халперн Д. Психология критического мышления. СПб., 2000.

⁹ См.: Попков В.А., Коржув А.В. Теория и практика высшего профессионального образования. М., 2004.

¹⁰ См.: Бонно Э. Шесть шляп мышления. СПб., 2010.

¹¹ См.: Эпштейн С., Бродский А. Вы мудрее, чем вы думаете. Минск, 2000.

¹² См.: Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.

¹³ Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. М., 1991. С. 141.

¹ См.: Noskova O.G. Psihologija truda / Pod red. E.A. Klimova. M., 2004.

² См.: Markova A.K. Psihologija professionalizma. M., 1996.

³ Tam zhe. S. 34.

⁴ Tam zhe. S. 39.

⁵ См.: Kashapov M.M. Psihologija tvorcheskogo myshlenija professionala: Monogr. M., 2006.

⁶ Tam zhe. S. 74.

⁷ Popkov V.A., Korzhuev A.V. Kriticheskij stil' myshlenija u sub#ektov professional'nogo obrazovanija. M., 2002.

⁸ См.: Halpern D. Psihologija kriticheskogo myshlenija. SPb., 2000.

⁹ См.: Popkov V.A., Korzhuev A.V. Teorija i praktika vysshego professional'nogo obrazovanija. M., 2004.

¹⁰ См.: Bono Je. Shest' shljap myshlenija. SPb., 2010.

¹¹ См.: Jepshtejn S., Brodskij A. Vy mudree, chem vy dumaete. Minsk, 2000.

¹² См.: Seligman M. Novaja pozitivnaja psihologija: Nauchnyj vzgljad na schast'e i smysl zhizni. M., 2006.

¹³ Orlov Ju.M. Voshozhdenie k individual'nosti. M., 1991. S. 141.

Педагогические факторы правовой десоциализации воспитанников исправительных учреждений

О.Б. ПАНОВА – начальник кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье дан педагогический анализ причин правовой десоциализации несовершеннолетних осужденных в исправительных учреждениях, отражающий низкий уровень среднего образования, негативные влияния среды, социальную изоляцию. Правовая ресоциализация связывается с функционированием открытой педагогической системы воспитательной колонии.

Ключевые слова: правовая десоциализация; несовершеннолетние осужденные; уровень образования; правовое воспитание; педагогическая система; социализация личности.

The Pedagogical Factors of Infant Prisoners Legal Desocialization

O.B. PANOVA – the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics, candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and Economics

The author proposes pedagogical analysis of the reasons of infant prisoners legal desocialization, reflecting a low level of secondary education, negative environmental influence, and social isolation. Legal socialization is connected with the open pedagogical system in educational colonies.

Key words: legal desocialization; infant prisoners; level of education; legal education; pedagogical system; personality socialization.

Сущность правовой десоциализации составляет утрата индивидом социально-правового опыта, отражающаяся на его жизнедеятельности и способности к самореализации в правовом пространстве. Правовая десоциализация охватывает мировоззренческую и поведенческую сферы личности, принимая разнообразные формы, касающиеся индивидуальной личностной деформации, что не исключает ее проявления на групповом уровне. Правовое невежество заключается в отсутствии знаний и представлений, необходимых для реализации воспитанниками своих основных прав и обязанностей. Бытует мнение, что осужденные хорошо осведомлены в законодательстве и разбираются в нем, что не соответствует действительности. Согласно исследованию А.И. Долговой, большинство воспитанников исправительных учреждений имеют поверхностные правовые представления; нередко их информированность сводится к знанию конкретной нормы уголовного права, устанавливающей ответственность за совершенное ими преступление¹.

Правовой инфантилизм несовершеннолетних осужденных проявляется, прежде всего, в их представлениях о том, что правовые нормы являются преградами, которые можно обойти, а законы – правилами, в которых есть исключения. Инфантилизм в данном случае указывает на наивную уверенность в безнаказанности, ошибочное представление о возможности уклонения от юридической ответственности. Так, отбывание наказания в исправительном учреждении нередко рассматривается воспитанниками как своеобразная «академия», в которой они овладевают «искусством обходить закон».

Под правовым квиетизмом (от лат. *quies* – покой) мы понимаем созерцательное безразличие, социально-правовую пассивность в ситуациях, требующих активного выражения отношения к тем или иным юридически значимым ситуациям, в том числе нарушениям правовых норм.

Правовой нигилизм выражается в наличии у его носителей пренебрежительного, отрицательного отношения к праву и право-

вой действительности при отсутствии прямого умысла на совершение правонарушений. К.А. Абульханова-Славская связывает проявление специфического отношения к праву с отсутствием развитого чувства собственного достоинства, чувства, что все в конечном счете зависит от «Я», и рассматривает его как протест против подавления своего «Я»².

Правовой цинизм, под которым мы понимаем осознанное игнорирование и отрицание закона, наличие у его носителей умысла на совершение уголовных правонарушений, является самой опасной формой правовой десоциализации в среде несовершеннолетних осужденных.

Проблема роста уровня криминогенности детских исправительных учреждений представляется достаточно актуальной в последние годы; ей посвящены исследования Ю.М. Антоняна, В.Г. Громова, В.В. Николайченко, Д.В. Сочивко, Г.Ф. Хохрякова и др. Ученые отмечают, что каждый новый срок для осужденного – это новые связи в криминальной среде, формирование новых преступных сообществ, возможность втягивания в преступную деятельность иных лиц.

По нашему мнению, в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, факторами правовой десоциализации выступают: низкий уровень общего образования, негативные влияния среды, социальная изоляция, противоречивость подходов к правовой социализации в детских исправительных учреждениях, пенитенциарная преступность, нарушение правового статуса воспитанников. Рассмотрим обозначенные обстоятельства более подробно.

Вопросы правовой социализации подрастающего поколения традиционно рассматриваются в контексте образования, поэтому достаточно актуальным представляется выявление общей картины в этой сфере. Результаты исследования, проводимого нами в 2008, 2009, 2010, 2011 гг. в воспитательных колониях УФСИН России (Алексинской, Архангельской, Брянской, Вологодской, Ивановской, Колпинской, Можайской ВК), выявили несоответствие уровня образования воспитанников исправительных учреждений их возрасту. Так, в 2008 г. удельный вес таких осужденных в Ивановской ВК составил 44,6%, Архангельской ВК – 48%, Вологодской ВК – 51%. При этом удельный вес учащихся первых-третьих классов в возрасте от 14 до 17 лет составлял соответственно от 11 до 14%. В

целом выявлена тенденция снижения образовательного уровня воспитанников исправительных учреждений. Данные специальной переписи 2009 г. указывают на то, что уровень освоения школьной программы 35% воспитанников детских исправительных учреждений не превышает порога начальной ступени. Такое положение дел означает, что практически каждый третий несовершеннолетний из содержащихся в воспитательных колониях не изучал ранее учебных предметов, включающих правовые сведения, поскольку в массовой практике такие предметы предусмотрены учебными планами средних и старших классов.

Многие несовершеннолетние на досудебном этапе обучаются в средних общеобразовательных школах при следственных изоляторах. Участие в методических совещаниях директоров учебных заведений, функционирующих при пенитенциарных учреждениях УФСИН России по Вологодской области, а также беседы с осужденными и их родителями позволили выявить в обучении подследственных следующие негативные тенденции: практика зачисления ребенка в определенный класс без соответствующего подтверждения документами об уровне его образования, необоснованное обучение школьников по определенной теме без учета степени освоения им учебного предмета, активная мобильность учащихся, периодическое отвлечение детей от учебных занятий в связи с проведением следственных действий. Перечисленные особенности указывают на формальный подход к обучению, нереализуемость базовых дидактических основ, в том числе принципов доступности, систематичности, последовательности и др. При том что срок нахождения в следственном изоляторе в среднем продолжается от двух до шести месяцев, такие недостатки объективно сказываются на уровне общеобразовательной подготовки.

Низкий образовательный уровень несовершеннолетних осужденных нередко воспринимается сотрудниками исправительных учреждений как барьер для включения в воспитательные мероприятия ситуаций, требующих проявления интеллектуальной активности осужденных. Так, в 2009, 2010, 2011 гг. нами был проведен анкетный опрос среди слушателей факультета повышения квалификации (далее – ФПК), в котором приняли участие в общей сложности 116 старших воспитателей и воспитателей воспитательных колоний. На вопрос «Считаете ли Вы необходимым содействовать

правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных?» положительный ответ дали 108 сотрудников (93,1%). В то же время в процессе моделирования проекта программы правовой ресоциализации, предназначенной для последующей реализации самими респондентами, многие из них – 84 сотрудника (72,4%) – из предложенного перечня тем, включающих разные аспекты функционирования человека в актуальном правовом пространстве, ограничили вопросы усвоения воспитанниками нормативных предписаний поведения в воспитательной колонии, а среди форм включения детей в познавательную деятельность предпочли инструктажи и лекции (96 слушателей, или 82,7%). Таким образом, маловостребованными остались: педагогический тренинг, беседа, дискуссия, читательская/зрительская конференция, тематический вечер, диспут, игра, другие формы, базирующиеся на интерактивном режиме общения.

На вопрос «Почему Вы предпочли те или иные из предложенных тем?» ответы «Содержание выбранных тем соответствует уровню интеллектуального понимания воспитанников» и «Содержание других предложенных тем воспитанникам будет непонятно» дали 76 слушателей ФПК (65,5%). Отвечая на вопрос о причинах выбора соответствующих форм правовой социализации, 84 слушателя ФПК (72,4%) констатировали: «Воспитанникам будет неинтересно ввиду сложности». Таким образом, нами выявлена тенденция, отражающая абсолютизацию низких познавательных способностей несовершеннолетних осужденных при выработке подходов к педагогическому общению с ними; приоритетными при этом выступают те из них, которые не предусматривают формирование у детей социально значимых качеств личности.

По нашему мнению, вопрос о низком образовательном уровне большинства несовершеннолетних осужденных в контексте выработки подходов к их целенаправленной социализации не может рассматриваться однозначно. Так, А.И. Ушатиков обращает внимание на то обстоятельство, что в местах лишения свободы происходит активизация познавательных процессов в среде заключенных, обусловленная необходимостью адаптироваться к новым условиям. В этот период, по его мнению, мышление осужденных интенсифицируется, приобретая целенаправленный характер: человек сталкивается с новыми требованиями, нормами,

пытается найти иные способы выживания, поскольку старых становится недостаточно. В случае отсутствия позитивного влияния на интеллектуальную сферу осужденных мыслительная деятельность последних в таких обстоятельствах носит нередко ярко выраженную асоциальную направленность³. Под «такими» обстоятельствами имеются в виду специфические условия среды исправительного учреждения.

Средовой подход в исследовании социализации базируется на комплексе научно-философских представлений о том, как личность и среда связаны друг с другом, каким может и должно быть опосредованное управление процессом развития и формирования личности ребенка (В.Г. Бочарова, В.А. Каракровский, А.С. Макаренко, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова, В.И. Слободчиков, К.Д. Ушинский, С.Т. Шацкий и др.). Всесторонний анализ социализирующего потенциала среды находим у Ю.С. Мануйлова, идеи которого ориентируют на рассмотрение внешней и внутренней среды воспитательной колонии как пространства, в котором «генерируются определенные стихии и культивируется перспективный образ жизни воспитанников»⁴. При этом под стихиями понимаются неорганизованные, ничем не сдерживаемые силы, действующие в виде того или иного социального движения, информационного потока и т.д. «Разгул» стихий сдерживают ниши – пространства возможностей, позволяющие человеку удовлетворять свои потребности.

Данный подход позволяет характеризовать внутреннюю и внешнюю среду воспитательной колонии как многомерное явление, которое не может быть определено однозначно. С одной стороны, воспитательная колония может рассматриваться как социализирующий институт, с другой – это среда специфической субкультуры. В связи с этим следует отметить существование в воспитательной колонии норм двух видов: тех, которые имеют официальный статус и подлежат выполнению при соответствующем контроле администрации учреждения, и норм, создаваемых стихийно. Добровольное принятие воспитанниками последних объясняется тем, что осужденные видят в них средство сделать жизнь в заключении более благоприятной в социальном плане. Система альтернативных убеждений и ценностей, поведения, правил внутреннего общения и поведения составляет содержательную структуру делинквентной (криминальной, тюремной) субкультуры.

Г.Ф. Хохряков, исследовавший влияние тюремной субкультуры на мировоззрение осужденных, пришел к выводу, что направленность правовых взглядов, убеждений и установок заключенных определяется их стремлением и способностью к выживанию в условиях принудительной изоляции. Это ориентирует на выбор той системы ценностей, которая присуща соответствующей неформальной группе. Он выделяет следующие виды таких групп: те, в которых доминируют криминальные ценности; образования, в которых превалирует стремление к скорейшему освобождению, ориентирующее на сотрудничество с администрацией; сообщества с представлением нейтральной позиции по всем юридически значимым аспектам; группы так называемых «отверженных», представители которых не имеют четкого отношения ни к криминальным, ни к правовым ценностям и нарушают как те, так и другие. Условиями, препятствующими правовой десоциализации осужденных, Г.Ф. Хохряков считает выявление и придание гласности многочисленных противоречий в идеологии неформальных сообществ осужденных, разрушение на этой основе криминального мировоззрения⁵.

Изоляция от общества лишает воспитанников возможности усваивать и воспроизводить социально-правовой опыт подобно тому, как это происходит в обычных условиях. По данным доклада «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», в 2007 г. в общей структуре несовершеннолетних осужденных лишь у 18% срок заключения составлял до двух лет, у 28,7% – от двух до трех лет, у 33,7% – от трех до пяти лет, у 19,6% – более пяти лет. Данная статистика является достаточно стабильной, что позволяет характеризовать представленные цифры как устойчивые показатели⁶.

Среди воспитанников детских исправительных учреждений преобладают несовершеннолетние в возрасте шестнадцати–семнадцати лет, срок изоляции от общества которых составляет от двух до пяти лет. Учитывая, что именно этот возрастной период характеризуется повышенной потребностью в получении сведений об устройстве мира как в процессе собственных наблюдений, так и при сопоставлении мнений разных людей, а поведение настолько опосредовано социальными отношениями и системой общепринятых значений объектов, что, будучи оторванными от привычной среды, несовершеннолетние попадают в

неизвестную среду, то, по сравнению с законопослушными сверстниками, у изолированных от социума детей значительно ограничивается область правовой активности. В местах лишения свободы они автоматически теряют возможность выполнять разнообразные социальные роли с присущими правами и обязанностями, принимать самостоятельные решения в жизненных ситуациях с правовым контекстом, общаться со взрослыми и сверстниками в естественных условиях. У них «размывается» представление о себе и своем положении в правовой реальности. Неадекватное восприятие социальной реальности лицами, отбывающими наказание в детских исправительных учреждениях, выражается в шаблонности мышления, проявляющейся при воспроизведении и построении ассоциативных связей и образов. Срок в два года и более воспринимается воспитанниками как длительный отрезок жизни, вследствие чего у них нарушается восприятие времени, они начинают «существовать» одним днем, не задумываясь над перспективой.

Ситуация изоляции существенно сужает информационно-правовое пространство воспитанников, лишая их возможности опосредованно приобретать социально-правовой опыт из средств массовой информации, поскольку режим жестко регламентирует и ограничивает время просмотра телевизионных передач, в том числе познавательных. Таким образом, адаптируясь к условиям воспитательной колонии, несовершеннолетние, соответственно, теряют адаптационные способности к жизни «на воле».

Исследователи отмечают, что в местах лишения свободы воспитанники лишаются привычного уклада жизни, отстраняются от родственников, вынужденно находятся в условиях частых межличностных конфликтов, недоброжелательности окружения, грубости обращения, скудности бытовых условий, постоянного давления со стороны персонала исправительного учреждения и неформальных лидеров. У них меняются привычные стереотипы, часто возникает чувство безнадежности и обреченности. В условиях изоляции обнажаются противоречия, в соответствии с которыми, желая приспособить виновного к нормальной жизни в обществе, ставят его, по сути, в условия, максимально от жизни отличные; изымая его из здорового общества, насильственно ввергают в общество правонарушителей; желая воспитать у виновного умение правильно руководить своими поступками, от-

нимают у него самостоятельность. В таких стрессовых условиях осужденные часто не очень разборчивы в выборе средств выживания, поэтому, уже имея преступный опыт, используют его.

Правовая десоциализация отражает приобретение индивидом криминального социального опыта, что, согласно субкультурной мифологии, обуславливает позитивное влияние на жизнедеятельность несовершеннолетних осужденных, создавая таким образом условия для самореализации в пространстве исправительного учреждения. Совершенно очевидно, что субкультурная среда выступает как неинституциональный феномен; вместе с тем стихийность правовой десоциализации представляется относительной, поскольку фактически несовершеннолетний выступает в качестве объекта воздействия взаимосвязанных криминально-средовых факторов и явлений, в совокупности представляющих целостность и призванных в такой роли выполнять десоциализирующую функцию. Неформальная среда воспитательной колонии с присущей структурой и иерархичностью, относительной самостоятельностью и четко выраженным управлением, по нашему мнению, может характеризоваться как пространство, обладающее признаками антивоспитательной системы; его системность, кроме того, определяется разноцелевым многообразием способов приобщения несовершеннолетних к антиценностям и антинормам, обеспечивающим включение механизмов воздействия на базовые подструктуры личности: направленность (убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы, желания), опыт (привычки, умения, навыки, знания), особенность психических процессов (волю, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции, память), половые и возрастные свойства.

При внешне кажущейся хаотичности субкультурному пространству исправительного учреждения присущ главный признак системы – упорядоченность, целевым основанием которой выступает достижение гармонизации несовершеннолетних с криминальной средой обитания посредством приобщения их к антиценностям, персонифицирующим и переводящим в русло значимостей субъекта традиционные этические и правовые нормы и ценности, соотносенные с конкретными жизненными обстоятельствами.

Как любая система, криминальная среда стремится сохранить свою структуру, имеет потребность в управлении, в ней фор-

мируется сложная зависимость от свойств, входящих в нее элементов. Субкультурное пространство детского исправительного учреждения может характеризоваться как исключительно закрытая система, поскольку имеет жесткие фиксированные, преимущественно психологические, границы, ее действия относительно независимы от окружающей среды. Содержательное проявление криминальной среды как системы обеспечивается посредством различных процессов, выступающих в качестве подсистем; правовая десоциализация является одной из них.

Роль основного субъекта правовой десоциализации в воспитательной колонии выполняет криминально ориентированная «высокостатусная» группа осужденных. Ее лидеры целенаправленно навязывают остальным воспитанникам модели субкультурного поведения как «наиболее справедливые», при этом предпочитают декларировать «нормы», придавая им расплывчатый формат, допускающий широкую трактовку. Г.Ф. Хохряков объясняет данное обстоятельство тем, что «элита» присваивает себе таким образом исключительное право разъяснять «нормы» остальным осужденным, при этом создавая «возможность как бы подогнать любое решение под законное»⁷.

Соотнося некую системность правовой десоциализации несовершеннолетних осужденных с негативными средовыми влияниями детского исправительного учреждения, мы разделяем идею Л.И. Новиковой о том, что среда – это данность, которую преобразуют, педагогизируют, используют в целях воспитания, а воспитательное пространство – результат конструктивной деятельности, достигаемый в целях повышения эффективности воспитания, причем деятельности не только созидательной, но и интегрирующей⁸. Такое понимание ориентирует на изучение педагогического потенциала воспитательной колонии, призванной нейтрализовать и вытеснить десоциализирующие обстоятельства тюремной субкультуры.

Законодатель, учитывая возрастные особенности несовершеннолетних осужденных, не случайно употребил в названии исправительного учреждения слово «воспитательная». Таким образом, был сделан акцент на решении задач воспитания, отражающих приоритетность социализации. Научные исследования в области пенитенциарной педагогики последних десятилетий содержат выводы о функциони-

ровании в исправительных учреждениях воспитательных систем, призванных обеспечить позитивное изменение осужденных (В.М. Литвишков, М.П. Стурова, Н.А. Тюгаева и др.). Под воспитательной системой исправительного учреждения понимаются прямые и опосредованные воспитательные отношения и связи элементов, ее составляющих и образующих целостность, включающую как духовную, так и предметно-практическую деятельность воспитуемых и воспитателей⁹. Поскольку упорядоченность воспитательной системы исправительного учреждения касается, прежде всего, соблюдения формальных нормативных предписаний, внешнего административного порядка и т.д., то она не всегда может быть субъективно воспринята воспитанником в «качестве гуманной среды, защищающей его интересы»¹⁰.

В научных исследованиях отмечается, что чем более формализованной представляется социальная зависимость человека от официальных требований, тем более явной становится его склонность к принятию альтернативных норм¹¹. Приоритетность ее влияния на несовершеннолетних осужденных, по сравнению с воздействием криминальной среды, будет обеспечена при условии ее упорядочения не только относительно целей наказания, но и относительно целей самих воспитанников, связанных с удовлетворением актуальных потребностей личности. Феномен доминирования авторитета неформальных лидеров, имеющий место в детских исправительных учреждениях, нередко становится отражением своеобразного вызова воспитанников официально-нормативной односторонности педагогической системы.

Обстоятельством правовой десоциализации воспитанников исправительных учреждений может выступать недостаточный уровень профессиональной готовности сотрудников исправительных учреждений. Мы разделяем точку зрения, в соответствии с которой выпускники специализированных учебных заведений ФСИН России характеризуются как специалисты, которые «усваивают преимущественно юридические взгляды на проблему исполнения наказания и исправления осужденных», но не ориентированы на педагогическое общение с личностью¹². Общеизвестным, кроме

того, является феномен приобщенности к делинквентной субкультуре определенной части сотрудников исправительных учреждений, которые таким образом выступают в роли активных субъектов правовой десоциализации.

Изменение политики России относительно обращения с осужденными и приближение этой сферы к мировым стандартам определенным образом повышает ответственность исправительных учреждений и органов, исполняющих наказание, за обеспечение правового статуса воспитанников. В то же время не секрет, что имеют место факты нарушения прав человека в отношении несовершеннолетних осужденных. Как следует из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г., увеличилось количество жалоб, связанных с условиями отбывания наказаний в детских учреждениях уголовно-исполнительной системы и ущемлением права на достоинство.

Нарушение прав воспитанников, в свою очередь, провоцирует их на совершение новых правонарушений. Так, в исследовании причин чрезвычайных происшествий в воспитательных колониях, включающих массовые беспорядки, нападения на сотрудников, групповые побеги, захваты заложников и т.д., выяснилось, что почти во всех случаях они были обусловлены нахождением несовершеннолетних в униженном положении, в ситуациях нарушения их прав¹³. Обстоятельства, при которых воспитательная колония перестает быть пространством обеспечения правового статуса несовершеннолетних осужденных, становятся факторами стирания ценности права. Представление о допустимости несоблюдения и нарушения юридических норм, приведшее несовершеннолетнего к совершению преступления, находит подкрепление в его сознании уже на ином, регрессирующем, уровне правовой десоциализации.

Решение обозначенных проблем лежит в создании обстановки, обеспечивающей социальную защищенность воспитанников, в развитии педагогической системы, ориентированной на личность воспитанника. Если же система ориентирована на воспитание послушания, то «вольно или невольно она нивелирует личность, а потом подавляет ее»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 80.
- ² См.: Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избр. психол. тр. М.; Воронеж, 1999.
- ³ См.: Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии: Учеб. / Под ред. С.Н. Пономарева. Рязань, 2001.
- ⁴ См.: Мануйлов Ю.С. Средовый подход в воспитании: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998.
- ⁵ См.: Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных: Учеб. пособие. М., 1985.
- ⁶ См.: О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: доклад Президиума Государственного совета Российской Федерации. Вологда, 2009. С. 32.
- ⁷ См.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 29.
- ⁸ См.: Новикова Л.И. Школа и среда. М., 1985.
- ⁹ См.: Стурова М.П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений (теоретико-методологический и организационный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991.
- ¹⁰ См.: Рожков М.И., Байбородова Л.В. Теория и методика воспитания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 68.
- ¹¹ См.: Smeilser N. The Rational and Ambivalent in the Social Sciences // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. № 1. P. 8–9.
- ¹² Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения: Моногр. М., 2009. С. 159.
- ¹³ См.: Бабушкин А.В., Невский В.В. Проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2002. С. 92–96.
- ¹⁴ Рожков М.И., Байбородова Л.В. Теория и методика воспитания. С. 73.
- ¹ См.: Dolgova A.I. Social'no-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih. M., 1981. S. 80.
- ² См.: Abul'hanova-Slavskaja K.A. Psihologija i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti): Izbr. psihol. tr. M.; Voronezh, 1999.
- ³ См.: Ushatikov A.I., Kazak B.B. Osnovy penitenciarnoj psihologii: Ucheb. / Pod red. S.N. Ponomareva. Rjazan', 2001.
- ⁴ См.: Manujlov Ju.S. Sredovyy podhod v vospitanii: Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1998.
- ⁵ См.: Hohrjakov G.F. Formirovanie pravosoznaniya u osuzhdennyh: Ucheb. posobie. M., 1985.
- ⁶ См.: O sostojanii ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: doklad Prezidiuma Gosudarstvennogo sojeta Rossijskoj Federacii. Vologda, 2009. S. 32.
- ⁷ См.: Hohrjakov G.F. Paradoksy tjur'my. M., 1991. S. 29.
- ⁸ См.: Novikova L.I. Shkola i sreda. M., 1985.
- ⁹ См.: Sturova M.P. Vospitatel'naja sistema ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij (teoretiko-metodologicheskij i organizacionnyj aspekty): Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1991.
- ¹⁰ См.: Rozhkov M.I., Bajborodova L.V. Teorija i metodika vospitanija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M., 2004. S. 68.
- ¹¹ См.: Smeilser N. The Rational and Ambivalent in the Social Sciences // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. № 1. R. 8–9.
- ¹² Sochivko D.V., Poljanin N.A. Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdenija: Monogr. M., 2009. S. 159.
- ¹³ См.: Babushkin A.V., Nevskij V.V. Problemy ispolnenija ugovolnyh nakazanij v otnoshenii nesovershennoletnih. M., 2002. S. 92–96.
- ¹⁴ Rozhkov M.I., Bajborodova L.V. Teorija i metodika vospitanija. S. 73.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации

■ **Е.Е. СЕРЕБРЯКОВА** – преподаватель кафедры предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде)

Статья содержит анализ понятия государственно-частного партнерства, его наиболее распространенных форм, таких как партнерство в экономической сфере, сфере исполнения уголовного наказания, а также раскрывает роль государства в инновационной сфере.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; этапы развития государственно-частного партнерства; партнерство в уголовно-исполнительной сфере; концессионные соглашения; научно-техническое развитие; технико-внедренческая деятельность.

Legal regulation of public-private partnerships in the Russian Federation

■ **E.E. SEREBRYAKOVA** – lecturer in Business law Branch of the MSAL after O. E. Kutafin in Vologda

The article analyzes the concept of public-private partnership, its most common forms, such as in the partnership, in economic sphere, criminally-executive area, and also in article reveals a state role in innovative sphere.

Key words: Public-private partnerships; development stages of public-private partnerships; concession agreements; technological development; innovation activity.

В настоящее время в законодательстве отсутствует определение государственно-частного партнерства. Не выработано единое понятие данного термина и в правовой теории. Так, С.Н. Сильвестров в государственно-частном партнерстве видит «не что иное, как организационный альянс между институтами государства и бизнеса, направленный на реализацию крупномасштабных или уникальных проектов различных областей жизни, прежде всего в производственной инфраструктуре, а в последние годы и в социальной сфере»¹.

Несколько иную дефиницию предлагает В.Г. Варнавский, который считает, что го-

сударственно-частное партнерство – «это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР, вплоть до сферы услуг»².

Одной из наиболее распространенных форм государственно-частного партнерства являются концессионные соглашения. В соответствии с положением ст. 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»³ по концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет

создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением недвижимое имущество, право собственности, которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности.

А.Т. Джигоев выделяет следующие виды реализации проектов государственно-частного партнерства:

– **ВОТ (Build-Operate-Transfer)** – «строительство-управление-передача». Концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, после чего объект передается государству.

– **ВТО (Transfer-Operate)** – «строительство-передача-управление». Концессионер строит объект, который передается государству (концеденту) в собственность сразу после завершения строительства, после чего он переходит в эксплуатацию концессионера.

– **ВОО (Build-Own-Operate)** – «строительство-владение-управление». Концессионер строит объект и осуществляет последующую эксплуатацию, владея им на праве собственности, срок действия которого не ограничивается.

– **ВООТ (Build-Own-Operate-Transfer)** – «строительство-владение-управление-передача». Владение и пользование построенным объектом на праве частной собственности осуществляется в течение определенного срока, по истечении которого объект переходит в собственность государства.

– Обратный **ВООТ (Build-Own-Operate-Transfer)** – «строительство-владение-управление-передача». Государственный сектор финансирует и создает инфраструктуру, передает ее в эксплуатацию частной компании, которая постепенно приобретает ее в собственность.

– **ВВО (Buy-Build-Operate)** – «покупка-строительство-управление» – форма продажи, которая включает восстановление или расширение существующего объекта. Государство продает объект частному сектору, который делает необходимые усовершенствования для эффективного управления⁴.

В то же время достаточно распространенным видом государственно-частного партнерства является партнерство в инновационной сфере, обладающее тем не менее большинством проблем, характерных для государственно-частного партнерства в целом. Более того, отсутствует и единое определение термина, отражающее все специфические черты рассматриваемого явления.

Как отмечают Д.А. Рубвальтер, А.В. Кольцов и Е.А. Наумов, «в целом государственно-частное партнерство в инновационной сфере можно определить как сотрудничество, при котором государственные и частные структуры выступают как равноправные партнеры, взаимно дополняя друг друга. Государство поддерживает систему образования и науки, являющиеся источниками инноваций, создает благоприятные правовые условия и инновационную инфраструктуру, стимулирующие инновационное предпринимательство, а предпринимательский сектор берет на себя основной коммерческий риск работы на рынке и получает основную часть прибыли.

Государство получает свои дивиденды в форме увеличения налоговых поступления, решения социальных проблем и повышение общего уровня производства, тем самым увеличивая конкурентоспособность продукции и услуг на мировом рынке. Важно отметить, что такое взаимодействие государства и бизнеса отвечает и интересам гражданского общества в целом»⁵.

Определение государственно-частного партнерства в инновационной сфере было разработано Комитетом **OECD** по научной и технологической политике. Первоначально оно определялось как любые официальные отношения или договоренности на фиксированный бесконечный период времени между государственными и частными участниками, в которых обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информации для достижения конкретных целей в определенной области науки, технологий и инноваций. Позднее были предложены несколько иные критерии государственно-частного партнерства в инновационной сфере, основным из которых является институциональность, то есть государственно-частное партнерство должно предполагать официальные отношения или договоренности между государственными и частными секторами.

Правительство должно, несомненно, стать партнером частного сектора, а не просто катализатором или регулятором частного сектора. Совместные цели и четко определенный государственный интерес, сами цели должны быть ясно идентифицированы с государственной точки зрения и связаны с конкретными целями и миссиями правительства. Должно быть активное привлечение и совместное инвестирование ресурсов, где активное участие в принятии решения, процессе менеджмента и соинвестирования ресурсов должны принимать все партнеры (финансировании, оборудовании, персонале, информации и услугах)⁶.

Анализируя данные определения, Д.А. Рубвальтер, А.В. Кольцов и Е.А. Наумов выделяют шесть основных признаков, характеризующих государственно-частное партнерство:

1. Стороны партнерства должны быть представлены как государственными, так и частными секторами экономики.

2. Взаимоотношения сторон государственно-частного партнерства должны быть зафиксированы в официальных документах (договорах, контрактах и др.).

3. Взаимоотношения сторон государственно-частного партнерства должны носить партнерский, то есть равноправный характер.

4. Стороны государственно-частного партнерства должны иметь общие цели и четко определенный государственный интерес.

5. Стороны государственно-частного партнерства должны объединить свои вклады для достижения общих целей.

6. Стороны государственно-частного партнерства должны распределять между собой расходы и риски, а также участвовать в использовании полученных результатов⁷.

Особо следует отметить и роль государственно-частного партнерства в реализации проектов ФСИН России, которые предполагают вовлечение осужденных в трудовую деятельность. Решением данной проблемы на федеральном уровне может стать введение значительной льготы по налогу на прибыль либо полное освобождение от данного налога производства УИС.

Так, П.В. Голодов и Л.Л. Малкова считают, что «высвобождающиеся средства могут быть направлены на модернизацию и техническое перевооружение основных производственных фондов, как следствие, создание дополнительных рабочих

мет, обеспечивающих максимальную занятость спецконтингента». Базой для создания и успешного функционирования центров трудовой адаптации осужденных должны стать соответствующие кооперационные соглашения о сотрудничестве с местными центрами занятости населения, общественными организациями в лице профсоюзов, объединений предпринимателей и государственными органами. На основе таких соглашений смогут более эффективно решаться вопросы развития учебно-производственной базы исправительных учреждений, а также вопросы трудоустройства осужденных после отбытия наказания⁸.

Следовательно, основой государственно-частного партнерства с органами УИС является не только содействие трудовой занятости осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, за счет развития прямых связей с промышленными предприятиями, использование осужденных для выполнения работ, не требующих высокой квалификации, рассмотрение вопроса о предоставлении квот предприятиям различных форм собственности для трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы и осужденных к исправительным работам, но и обеспечение взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями государственной власти субъекта федерации и органами местного самоуправления в целях совместного решения вопросов трудоустройства осужденных.

Более того, установление договорных отношений с местными центрами занятости населения, общественными организациями в лице крупных профсоюзов и объединений предпринимателей, некоммерческих общественных организаций правоохранительной и социальной направленности может осуществляться в целях решения вопросов развития учебно-производственной базы исправительных учреждений и профессиональных училищ, созданных при них⁹.

Мотивы участия в рассматриваемой разновидности государственно-частного партнерства различаются в зависимости от того, о какой стороне соглашения идет речь. Так, участие в данных отношениях представителей частного предпринимательства непосредственно связано с возможностью получения прибыли, а также с реализацией возможностей для становления и развития бизнеса.

В отношении публичных образований С.Н. Сильвестров поясняет, что «государство первым и в обязательном порядке должно ясно и определенно сформулировать свои интересы прежде, чем организовывать партнерство с бизнесом. Интересы эти должны выражать ту общественную заинтересованность, те потребности, которые существуют на данный момент в конкретной области и в которой должны реализовываться те или иные партнеры»¹⁰.

Кроме того, «мотивация участия в партнерстве государственного сектора обусловлена как общими, так и специфическими целями. К общим целям условно можно отнести такие, как экономический рост и обеспечение конкурентоспособности научно-технической продукции и услуг, стимулирование инновационной активности производителей высокотехнологичной продукции и услуг. Особо следует подчеркнуть и создание новых наукоемких фирм и поддержку малых и средних инновационных предприятий, привлечение внебюджетных источников финансирования, повышение эффективности государственных расходов на исследования и разработки.

Более специфические цели включают как разработку ключевых технологий для федеральных государственных нужд, вовлечение в экономический оборот и коммерциализацию результатов исследований и разработок, полученных с использованием средств государственного бюджета, так и развитие инфраструктуры»¹¹.

Как правило, процесс реализации государственно-частного партнерства в инновационной сфере включает в себя несколько составляющих или этапов.

Первый этап предполагает финансирование фундаментальных исследований, если они имеют место в данном проекте. На этом этапе также происходит заключение договора, к условиям которого относятся: указание на вид партнерства, распределение имущественных взносов между сторонами, порядок перехода права собственности на вновь созданный объект (в том числе объект интеллектуальной собственности), порядок распределения прибыли, отдельные гарантии сторон соглашения и т.д.

Второй этап предусматривает работу над инновационным проектом, в том числе решение вопроса о распределении рисков и обязанностей между сторонами партнерства.

Третий этап заключается в проведении исследований, разработок, и последний – в коммерциализации результатов исследований, обеспечении производства и сбыта создаваемой продукции.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется целый ряд различных по целям и формам реализации программ и проектов, которые могут быть отнесены к государственно-частному партнерству в инновационной сфере. В целом данные проекты ориентированы на решение таких задач, как поддержка процесса трансферта результатов исследований и разработок, создаваемых организациями различных форм собственности, доведение их до рынка; международное сотрудничество; особая поддержка малых инновационных предприятий и т.д.

Вместе с тем, несмотря на существующие проблемы в рассматриваемой области, исключительная значимость государственно-частного партнерства как эффективного инструмента реализации инновационной политики определяется «развитием инновационной инфраструктуры с учетом интересов и при активном участии бизнеса, повышением эффективности использования государственной собственности и бюджетных расходов, в том числе направленных на поддержку инноваций, стимулированием частного сектора к развитию предпринимательской активности в областях, обладающих наибольшим потенциалом качественного экономического роста»¹².

Таким образом, несмотря на наличие определенных проблем в рассматриваемой области, государственно-частное партнерство представляет собой достаточно эффективную форму взаимодействия государства и частного предпринимательства. В качестве предпосылок его реализации можно выделить такие, как системность регулирования данной сферы общественных отношений, баланс приоритетов развития, привлечение иностранных ресурсов, привлечение внебюджетных средств финансирования и др.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сильвестров С.Н. Государственно-частное партнерство: Российские варианты // Научные труды вольного экономического общества России. М., 2009. С. 24.

² Варнавский В. Г. Альянс на неопределенный срок // Фельдпочта. 2004. № 29. С. 5.

³ См.: Российская газета. 2005. 26 июля.

⁴ См.: Джиоев А.Т. Государственно частное партнерство в России: проблемы становления // Научные труды вольного экономического общества России. М., 2009. С. 101–102.

⁵ Рубвальтер Д.А., Кольцов А.В., Наумов Е.А. Нормативно-правовое обеспечение государственно-частного партнерства в научно-технической и инновационной сферах в России: проблемы и направления совершенствования. <http://ipr.inage.ru>

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Там же.

⁸ Голодов П.В., Малкова Л.Л. Трудовая адаптация осужденных: теоретические и прикладные аспекты // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний: Материалы междунар. науч.-парк. конф. М., 2009. Ч. 2. С. 38–42.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Сильвестров С.Н. Государственно-частное партнерство: Российские варианты. С. 24.

¹¹ Рубвальтер Д.А., Кольцов А.В., Наумов Е.А. Нормативно правовое обеспечение государственно-частного партнерства в научно-технической и инновационной сферах в России: проблемы и направления совершенствования.

¹² Савранский П.В. Государственно-частное партнерство в реализации перспективных направлений инновационного развития экономики России. С. 2.

¹ Sil'vestrov S.N. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: Rossijskie varianty // Nauchnye trudy vol'nogo jekonomicheskogo obwestva Rossii. M., 2009. S. 24.

² Varnavskij V. G. Al'jans na neopredelennyj srok // Fel'dpochta. 2004. № 29. S. 5.

³ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2005. 26 ijulja.

⁴ Sm.: Dzhioev A.T. Gosudarstvenno chastnoe partnerstvo v Rossii: problemy stanovlenija // Nauchnye trudy vol'nogo jekonomicheskogo obwestva Rossii. M., 2009. S. 101–102.

⁵ Rubval'ter D.A., Kol'cov A.V., Naumov E.A. Normativno-pravovoe obespechenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj sferah v Rossii: problemy i napravlenija sovershenstvovanija. <http://ipr.inage.ru>

⁶ Sm.: Tam zhe.

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Golodov P.V., Malkova L.L. Trudovaja adaptacija osuzhdennyh: teoreticheskie i prikladnye aspekty // Istorija razvitija i sovremennoe sostojanie penitenciarnoj nauki, mediciny i praktiki ispolnenija nakazanij: Materialy mezhdunar. nauch.-parkt. konf. M., 2009. Ch. 2. S. 38–42.

⁹ Sm.: Tam zhe.

¹⁰ Sil'vestrov S.N. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: Rossijskie varianty. S. 24.

¹¹ Rubval'ter D.A., Kol'cov A.V., Naumov E.A. Normativno pravovoe obespechenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj sferah v Rossii: problemy i napravlenija sovershenstvovanija.

¹² Savranskij P.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realizacii perspektivnyh napravlenij innovacionnogo razvitija jekonomiki Rossii. S. 2.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

О новой реформе уголовного и уголовно-процессуального законодательства Швейцарии

МАРТИН ШМИД – руководитель службы пробации Кантона Золотурн (Швейцария);

Е.А. ОГРОХИНА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

Статья посвящена актуальным вопросам современной уголовной политики Швейцарии. В ней освещены основные положения реформы уголовного законодательства 2007 г. и реформы уголовно-процессуального законодательства 2011 г. При этом авторами особое внимание уделено проблемам уголовного и уголовно-процессуального права в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика Швейцарии; уголовное и уголовно-процессуальное право в отношении несовершеннолетних; уголовное наказание; принудительная мера уголовно-правового характера; профилактическая мера.

About the new reform of criminal and criminal procedure legislation in Switzerland

MARTIN SCHMID – the head of the probation service Of the canton Solothurn (Switzerland)

E.A. OGROKHINA – a candidate of philological sciences, docent, a docent of the Russian and Foreign languages Chair, the Vologda Institute of Law and Economicsof the Penal Service of Russia,

The article is devoted to the urgent issues of the present-day criminal policy of Switzerland. Some basic regulations of the reform in the field of criminal legislature in 2007 and the reform of criminal procedure legislature in 2011 are pointed out. The authors pay special attention to the problems of the criminal law and criminal procedure law with regard to juveniles.

Key words: criminal policy of Switzerland; criminal law and criminal procedure law with regard to juveniles; criminal sanctions; penal forcible measures; preventive measure.

Значение общешвейцарского уголовного кодекса можно оценить в полной мере только в том случае, если при этом хорошо известны основы швейцарского федерализма, поскольку федерализм наряду с инструментами прямой демократии является главной опорой политической культуры в Швейцарии¹. Швейцарская Конфедерация состоит из 26 кантонов, в каждом из кото-

рых есть своя конституция, своя законодательная, исполнительная и судебная власть. Компетенции Федерации, кантонов и общин закреплены в конституции и многочисленных законах. Все государственные сферы, которые не отнесены федеральной конституцией к компетенциям федерального уровня или не регулируются федеральным законом, относятся к компетенции канто-

нов. Это, прежде всего, школьное образование, полиция и т.д. У Федерации во многих из этих областей равным образом широкие компетенции, поэтому здесь всегда возникают споры о подведомственности. В свою очередь, кантоны предоставляют своим общинам известную автономию, при этом объем компетенций в различных кантонах не одинаков.

Все сказанное касается и сферы уголовного права, в которой также действует федералистский принцип. Федерация как законодатель регулирует нормы материального и формального уголовного права. Следует, однако, особо отметить, что до 2011 г. формальное уголовное право в Швейцарии, а также организация деятельности органов, осуществляющих уголовный процесс, целиком и полностью находились в ведении кантонов. Это означает, что до указанного времени в Швейцарии наличествовал общешвейцарский уголовный кодекс и 26 различных кантональных уголовно-процессуальных кодексов. В настоящее время к компетенции кантонов относится только исполнение наказаний и мер принудительного характера.

До введения в Швейцарии первого уголовного кодекса каждый кантон располагал своим собственным уголовным законодательством. С введением единого швейцарского уголовного кодекса кантоны отказались от этой автономии. В 1898 г. Федерация получила полномочие унифицировать уголовное право в Швейцарии. 21 декабря 1937 г. после многолетних дебатов парламент утвердил Уголовный кодекс Швейцарии (Schweizerisches Strafgesetzbuch, сокр. StGB). При этом были отменены все определения, относящиеся к общефедеральному законодательству, которые противоречили новому кодексу. В первую очередь это касалось смертной казни, которая тогда еще сохранялась в некоторых кантонах². На референдуме 3 июля 1938 г. Уголовный кодекс был принят народом Швейцарии. До перехода от кантонального уголовного права к общешвейцарскому прошло еще несколько лет. Закон вступил в силу только 1 января 1942 г. после того, как каждый кантон издал соответствующий закон о вступлении в силу федерального уголовного кодекса.

В то же время активно началось обсуждение вопроса о необходимости законодательного урегулирования норм уголовно-процессуального права на общешвейцарском уровне. Однако эта попытка унификации формального уголовного права потерпела

неудачу. Ввиду сильного сопротивления кантонов сфера уголовного преследования в этот период целиком осталась в их ведении. Тем самым до введения 1 января 2011 г. Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии (Schweizerische Strafprozessordnung, сокр. StPO) каждый кантон располагал своим уголовно-процессуальным законодательством.

Уголовный кодекс Швейцарии, вступивший в силу в 1942 г., восходит к проекту 1898 г., разработанному Карлом Штоосом. Он был одним из первых, кто предложил ввести помимо уголовного наказания принудительные меры уголовно-правового характера. С этого времени Уголовный кодекс Швейцарии представляет собой дуалистическую систему, которая различает понятия наказания и принудительных мер³. Уголовное наказание и принудительные меры уголовно-правового характера могут применяться одновременно или взаимозаменять друг друга. При этом с понятием уголовного наказания связаны, прежде всего, понятия искупления и кары, социальной справедливости, а с понятием уголовно-правовой принудительной меры – понятия различного рода терапии и ресоциализации.

С момента вступления в силу Уголовный кодекс Швейцарии претерпел множество изменений. Особого внимания заслуживает реформа 2007 г. В результате данного пересмотра была целиком переработана Общая часть кодекса.

Важнейшей задачей пересмотра Уголовного кодекса явилось новое регулирование и дифференциация системы санкций по двум основным направлениям. С одной стороны, краткосрочное безусловное лишение свободы сроком до шести месяцев было широко заменено денежным штрафом по системе дневной ставки, то есть системе наказания в виде штрафа, определяемого суммой дохода виновного лица за один день, или общественно полезными работами. С другой стороны, с целью более эффективной защиты общества от насильственных преступников была введена такая мера, как пожизненная изоляция особо опасных рецидивистов после отбытия ими наказания, так называемое превентивное заключение. Наряду с этим новый уголовный кодекс содержал другие многочисленные нововведения: расширение компетенций правоохранительных органов в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление за пределами страны (прежде всего это касалось противоправных действий сексуального характера над детьми), упрощен-

ные правила установления сроков давности, а также нормы, касающиеся наказуемости предприятий и организаций⁴. Из Уголовного кодекса была вычленена совокупность норм уголовного права в отношении несовершеннолетних и зафиксирована в отдельном федеральном законе.

К наиболее значимым изменениям в Уголовном кодексе на данном этапе следует отнести:

1. Замену разграничения между такими понятиями, как длительное тюремное заключение (от одного года до пожизненного заключения) (Zuchthausstrafe)⁵, тюремное заключение (от тридцати дней до трех лет) (Gefängnisstrafe) и арест (от одного дня до трех месяцев) (Haftstrafe), единым понятием «лишение свободы» (Freiheitsentzug).

2. Введение системы дневной ставки, при которой денежные штрафы назначаются пропорционально уровню доходов осужденного.

3. Фактическую отмену такого вида наказания, как лишение свободы сроком менее шести месяцев, и замену его денежным штрафом.

4. Введение общественно полезных работ как нового вида наказания⁶.

По прошествии трех лет с момента введения пересмотренного Уголовного кодекса Швейцарский парламент приступил к обсуждению и принятию новых изменений. Критика со стороны кантональных органов уголовного преследования и судов, начатая еще во время проведения реформы 2007 г., не умолкает и сегодня. Она направлена, прежде всего, против широкой замены краткосрочного лишения свободы денежными штрафами или общественно полезными работами, а также такого вида наказания, как условный денежный штраф, превентивное действие которого подвергается крайнему сомнению. Вследствие этого Швейцарским правительством вновь предполагается введение краткосрочного лишения свободы и упразднение условного денежного штрафа. В апреле 2009 г. судебно-полицейский департамент Швейцарии осуществил сбор мнений кантонов по вопросу внесения изменений в уголовный кодекс. 30 июня 2010 г. Швейцарское правительство представило к обсуждению новый проект общей части Уголовного кодекса⁷.

Особое место в системе уголовного права Швейцарии занимает совокупность уголовно-правовых норм в отношении несовершеннолетних и молодых людей. С момента унификации в 1937 г. уголовное право Швейцарии содержит особые нормы для

детей и молодежи. В уголовном праве в отношении несовершеннолетних и молодых людей на переднем плане стоит личность преступника, а не преступление. При этом приоритет имеют воспитательные меры и защита несовершеннолетнего. Назначение безусловного лишения свободы является крайней мерой. В связи с реформой общей части Уголовного кодекса в швейцарское уголовное право в 2007 г. был введен «Федеральный закон об уголовном праве в отношении несовершеннолетних» (Bundesgesetz über das Jugendstrafrecht, Jugendstrafgesetz, сокр. JStG). Он действует в отношении детей, подростков и молодых людей в возрасте от 10 до 18 лет.

В соответствии с новым законом одним из важнейших изменений было увеличение максимального срока наказания, который до этого составлял один год. Согласно новому закону несовершеннолетним с шестнадцати лет может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком до четырех лет.

До указанного времени в распоряжении швейцарских пенитенциарных учреждений не было специально подготовленных мест для размещения несовершеннолетних. Действующий уголовный закон в отношении несовершеннолетних предполагает строгое разграничение между исполнением наказаний для несовершеннолетних и совершенных преступников.

Согласно швейцарскому федеральному уголовному закону в отношении несовершеннолетних могут быть вынесены следующие виды наказания:

- 1) выговор;
- 2) общественно полезный труд (максимальная продолжительность – десять дней, для несовершеннолетних от 15 до 18 лет, совершивших преступление или незначительное правонарушение, – до трех месяцев);
- 3) штраф в размере до двух тысяч швейцарских франков (для несовершеннолетних от 15 до 18 лет);
- 4) лишение свободы до одного года (для несовершеннолетних от 15 до 18 лет);
- 5) лишение свободы до четырех лет (для несовершеннолетних от 16 до 18 лет, совершивших тяжкие преступления).

В соответствии с основной идеей уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних – «Воспитание прежде наказания» (Erziehung kommt vor Strafe) – в уголовном законе в отношении несовершеннолетних предусмотрены так называемые профилактические меры. Таковыми являются:

- 1) надзор;
- 2) индивидуальное сопровождение;
- 3) амбулаторное лечение;
- 4) размещение у частных лиц, в воспитательных или лечебных учреждениях⁸.

1 января 2011 г. вступило в силу общеевропейское унифицированное уголовно-процессуальное законодательство. К этой дате новый федеральный Уголовно-процессуальный кодекс заменил 26 действовавших до этого кантональных уголовно-процессуальных кодексов. Одновременно с этим было унифицировано уголовно-процессуальное право в отношении несовершеннолетних. Из имеющихся до этого кодексов на федеральном уровне впредь будут действовать только Уголовно-процессуальный кодекс в отношении военнослужащих и Процессуальный кодекс, связанный с наложением административных наказаний⁹.

Введение нового уголовно-процессуального закона значительно облегчило процесс уголовного преследования в Швейцарии, особенно в тех случаях, когда в уголовном процессе речь идет о межкантональных или международных отношениях. Нормы действующего уголовно-процессуального права соответствуют нормам швейцарского конституционного права, а также практике Федерального суда Швейцарии и Европейского суда по правам человека. Новый Уголовно-процессуальный кодекс продолжает швейцарскую традицию полной кодификации. Он содержит более 450 статей и гарантирует быстрое и стандартизированное их применение благодаря большому количеству определений и детальным формулировкам.

Действующее уголовно-процессуальное право отдает предпочтение модели, при которой полномочия на проведение расследования уголовных дел закреплены за прокуратурой. Тем самым был упразднен институт независимых следственных судей, который существовал в некоторых кантонах. Благодаря этому в ходе уголовного преследования прокуроры имеют основные полномочия. Они руководят следствием и могут при этом самостоятельно проводить следственные мероприятия, принимать решения о предъявлении обвинения, представлять сторону обвинения в суде или в случаях, предусмотренных законом, выносить решения о назначении наказания. Широта компетенций прокуратуры ограничивается, с одной стороны, специализированными судами, которые выносят решения о предварительном заключении и назначении прину-

дительных мер (Zwangsmahmengericht), с другой – введением института «адвоката первого часа», который должен присутствовать уже при первом допросе подозреваемого в полиции.

1 января 2011 г. также вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии в отношении несовершеннолетних (Schweizerische Jugendstrafprozessordnung, сокр. JStPO). Он содержит нормы, отличающиеся от норм Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии тем, что они учитывают особенности личности несовершеннолетних преступников. Уголовно-процессуальный кодекс в отношении несовершеннолетних оставляет, несмотря на унификацию данной отрасли права, широкую организационную свободу кантонам. В соответствии со своими потребностями кантоны могут свободно выбирать между двумя процессуальными моделями¹⁰.

В первом случае речь идет о модели, в соответствии с которой производство по уголовному делу осуществляется судьей по делам несовершеннолетних (Jugendrichtermodell) и в рамках которой одно и то же лицо расследует обстоятельства дела, в предусмотренных законом случаях выносит решение о назначении наказания и контролирует его исполнение. При этом судья является членом суда по делам несовершеннолетних. Таким образом, расследование, решение о назначении наказания и контроль исполнения наказания относятся к компетенции одного судьи по делам несовершеннолетних. Данная процессуальная модель распространена главным образом во франкоязычных кантонах.

Во втором случае имеет место модель, в соответствии с которой производство по уголовному делу осуществляет адвокат по делам несовершеннолетних (Jugendanwaltsmodell) и которая предполагает разделение названных выше функций. Адвокат по делам несовершеннолетних выясняет обстоятельства дела, в предусмотренных законом случаях выносит решение о назначении наказания, представляет сторону обвинения в суде и затем является доверенным лицом в ходе исполнения решения суда. Таким образом, в соответствии с данной процессуальной моделью разные лица, с одной стороны, осуществляют расследование и исполнение наказания, а с другой – выносят судебное решение. Эта модель распространена в немецкоязычных кантонах.

Из сказанного следует, что судьи и адвокаты по делам несовершеннолетних могут

единолично выносить решения о назначении наказания. Однако, если речь идет о назначении такой профилактической меры, как стационарное лечение, или лишения свободы сроком свыше трех месяцев, в рамках обеих процессуальных моделей решение выносит суд по делам несовершеннолетних¹¹.

Особого внимания при характеристике уголовно-правовой системы Швейцарии заслуживает тот факт, что она не располагает единым законодательством в области исполнения наказаний. Кантоны опираются на федеральное законодательство, определяющее рамки, в которых может действовать законодательство кантонов в данной сфере. Уголовный кодекс, однако, устанавливает только отдельные нормы и содержит общие положения, касающиеся целей и задач в области исполнения наказаний. Границы и критерии уголовно-исполнительной политики и практики в Швейцарии определяются в основном рекомендациями Совета Европы, и в особенности Европейскими пенитенциарными правилами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А. Веррен. Исполнение наказания в виде лишения свободы и иных видов наказаний в Швейцарии // Уголовное наказание: правовая идеология, законотворчество и пенитенциарная практика: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Вологда, 2004. Ч. 1. С. 89.

² См.: <http://www.amnesty.ch/de/themen/todesstrafe/info/geschichte-der-todesstrafe>

³ См.: http://wapedia.mobi/de/Strafgesetzbuch_%28Schweiz%29

⁴ См.: http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/de/home/themen/sicherheit/ref_gesetzgebung/ref_abgeschlossene_projekte/ref_straf_gesetzbuch_allg.html

⁵ Примечательным является тот факт, что на протяжении всего XX в. в уголовном законодательстве Швейцарии использовалось понятие „Zuchthaus“ – «каторжная тюрьма». При этом не следует понимать данное слово буквально, так как оно использовалось традиционно для обозначения учреждения, в котором отбывают наказание лица, осужденные к длительному лишению свободы.

⁶ См.: http://wapedia.mobi/de/Strafgesetzbuch_%28Schweiz%29

⁷ См.: <http://www.bj.admin.ch/bj/de/home/themen/sicherheit/gesetzgebung/sanktionensystem.html>

⁸ См.: <http://www.ch.ch/private/index.html>

⁹ См.: [http://de.wikipedia.org/wiki/Strafprozessordnung_\(Schweiz\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Strafprozessordnung_(Schweiz))

¹⁰ См.: <http://www.ch.ch/private/00093/00104/00514/00524/index.html?lang=de>

¹¹ См.: <http://www.julex.ch/index.php?page=281>

¹² См.: <http://www.tagesanzeiger.ch/schweiz/standard/Kritik-an-Amerikanisierung-des-Strafrechts--/story/13033700>

¹³ См.: Там же.

В настоящее время в Швейцарии идет полемика по поводу реформы уголовного права. В связи с этим постоянно выдвигается требование ужесточения наказаний, связанных с лишением свободы, и введения более жестких требований к условному исполнению наказаний. Требования такого рода могут быть обозначены как «американизация» в сфере уголовной политики Швейцарии. При этом опыт США свидетельствует о том, что ужесточение наказания не способствует снижению уровня преступности¹². Необходимо также отметить, что многие швейцарские политики ориентируются на незначительную группу так называемых интенсивных преступников. Однако треть всех мужчин в Швейцарии хотя бы один раз в жизни вступала в конфликт с уголовным законом. При этом впоследствии в большинстве случаев рецидивов не наблюдалось¹³. Последний факт можно связать с тем, что в Швейцарии решающее значение имеет не устрашающая функция уголовного наказания, а функция ресоциализирующая.

¹ См.: А. Веррен. Исполнение наказания в виде лишения свободы и иных видов наказаний в Швейцарии // Уголовное наказание: правовая идеология, законотворчество и пенитенциарная практика: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Вологда, 2004. Ч. 1. С. 89.

² См.: <http://www.amnesty.ch/de/themen/todesstrafe/info/geschichte-der-todesstrafe>

³ См.: http://wapedia.mobi/de/Strafgesetzbuch_%28Schweiz%29

⁴ См.: http://www.ejpd.admin.ch/ejpd/de/home/themen/sicherheit/ref_gesetzgebung/ref_abgeschlossene_projekte/ref_straf_gesetzbuch_allg.html

⁵ Примечательным является тот факт, что на протяжении всего XX в. в уголовном законодательстве Швейцарии использовалось понятие „Zuchthaus“ – «каторжная тюрьма». При этом не следует понимать данное слово буквально, так как оно использовалось традиционно для обозначения учреждения, в котором отбывают наказание лица, осужденные к длительному лишению свободы.

⁶ См.: http://wapedia.mobi/de/Strafgesetzbuch_%28Schweiz%29

⁷ См.: <http://www.bj.admin.ch/bj/de/home/themen/sicherheit/gesetzgebung/sanktionensystem.html>

⁸ См.: <http://www.ch.ch/private/index.html>

⁹ См.: [http://de.wikipedia.org/wiki/Strafprozessordnung_\(Schweiz\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Strafprozessordnung_(Schweiz))

¹⁰ См.: <http://www.ch.ch/private/00093/00104/00514/00524/index.html?lang=de>

¹¹ См.: <http://www.julex.ch/index.php?page=281>

¹² См.: <http://www.tagesanzeiger.ch/schweiz/standard/Kritik-an-Amerikanisierung-des-Strafrechts--/story/13033700>

¹³ См.: Там же.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Проблемы противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: научная значимость и задачи исследования

■ **С.А. КУТЯКИН** – доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрывается современное состояние противоправной деятельности в местах лишения свободы «воров в законе» и созданной ими организации криминальной оппозиции. Приводится структура этой преступной организации, обосновывается научная значимость и формулируются задачи исследования противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России.

Ключевые слова: организованная преступность; «вор в законе»; «смотрящие»; криминальная оппозиция; пенитенциарный конфликт.

Scientific relevance and research issues of criminal opposition counteracting of the Russian Federal Penal System

■ **S.A. KUTYAKIN** – Candidate Science (Law), assistant professor, the Chair of Administrative and Financial Law, the Russian Federal Penal Service Academy of Law and Management, colonel of the Ministry of the Interior

The scientific paper considers the current condition of the illegal activities of thieves in penal institutions and the criminal opposition established by them. In the article the structure of this criminal organization is described, the scientific relevance of the issue is proved, and research aims of counteracting criminal opposition in the Russian Federal Penal System are formulated.

Key words: the organized crime; «thieves in the law»; «looking»; criminal opposition; the penitentiary conflict.

В современной России организованной преступности удалось не только установить контроль над целыми отраслями экономики, но и проникнуть в органы власти и управления. На совещании по реформированию МВД России, проходившем 7 февраля 2011 г. в Академии управления МВД России, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев особо подчеркнул значимость этой проблемы: «Почти невозможно в ряде случаев отличить, где заканчивается та или иная организованная преступная

группировка и начинается бизнес-сообщество или структуры власти»¹.

По некоторым данным, около 20% депутатов Государственной Думы поддерживают тесный контакт с мафией². Внедряясь в государственные и муниципальные структуры, организованная преступность «перенастраивает» их деятельность в соответствии с собственными криминальными интересами. Вступая в сговор с коррумпированными чиновниками, члены преступных сообществ принимают участие в распределении и пе-

перераспределении собственности, регулировании финансовых потоков.

Преступные сообщества не только «курируют», но и деятельно способствуют развитию теневой экономики. Отдельные авторы определяют ежегодный доход преступных сообществ в 100 млрд руб., а удельный вес теневой экономики в 40% совокупного национального дохода³. Несомненно, что тот, кто управляет 40% экономики страны, обладает реальной возможностью управлять государством в целом.

Наряду с этим преступные структуры активно распространяют свое влияние на такие сферы жизни общества, как культура, идеология, воспитание молодежи. Современная история России являет собой пример создания такой социально-экономической и нравственной среды, где организованная преступность стремится поглотить саму государственную власть. Следует отметить, что при всем многообразии преступных сообществ и преступных организаций координирующей и управляющей «надорганизацией» продолжает оставаться сообщество «воров в законе»⁴.

Под «ворами в законе» следует понимать особую категорию профессиональных преступников, объединенных в отдельное, имеющее собственную квазинормативную базу сообщество и являющихся топ-менеджерами криминального мира. История этого преступного «ордена» получила мощный стимул к развитию в результате ухудшения общекриминальной ситуации в государстве на рубеже XX–XXI вв. Сегодня «воры» вновь сосредотачивают в своих руках рычаги власти среди разношерстного криминального сообщества. «Для разрешения конфликтов бизнесмены нередко приглашают воров. Им оказывается больше доверия, чем официальным властям»⁵.

Исторически сложилось так, что «воры в законе» являются не только общепризнанными лидерами тюремной общины, но и организаторами массовых беспорядков, групповых неповиновений и других акций по противодействию администрации в местах лишения свободы. В этих целях «воры в законе» объединяют вокруг себя других отрицательно характеризующихся осужденных (блатных). Умело манипулируя фактами нарушения прав осужденных как со стороны администрации, так и со стороны других членов тюремной общины, «воры в законе» выступают защитниками пострадавших от «беспредела» и борниками «восстановления справедливости». Это позволяет им значительно укрепить

свое влияние среди осужденных. Авторитет «воров» во многих исправительных учреждениях становится для большинства осужденных значительно весомее авторитета сотрудников этих учреждений.

Повсеместное развитие в исправительных учреждениях получает институт «смотрящих», так называемых «наместников воров». «Смотрящие» осуществляют руководство сообществом осужденных и несут ответственность перед «ворами» за положение дел в исправительном учреждении. В свою очередь, они назначают объектов «смотрящих» и «смотрящих» за направлениями деятельности преступного сообщества. В подчинении у «смотрящих» находится целый штат добровольных помощников из числа осужденных.

В условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации сложилась отлаженная организационно-управленческая структура, регулирующая внутренние, неформальные стороны жизнедеятельности осужденных, управляющая их сообществом, определяющая и контролирующая принципы их взаимоотношений с администрацией и другими правоохранительными органами, государством и обществом. Указанная структура активно использует в своих противоправных целях институт правозащитного движения в нашем государстве. Одной из основных целей ее деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации является нейтрализация или ослабление уголовно-исполнительного воздействия на осужденных.

В первую очередь это касается лидеров преступной среды. Для этого ими активно используются методы коррупции должностных лиц уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Наличие коррумпированных связей позволяет «ворам в законе» и другим лидерам уголовной среды не только уклоняться от установленного порядка отбывания наказания, но и организовывать в отдельных исправительных учреждениях собственный нелегальный бизнес. Доходы от организации азартных игр, незаконной торговли, эксплуатации производственного потенциала исправительных учреждений регулярно пополняют «воровской общак».

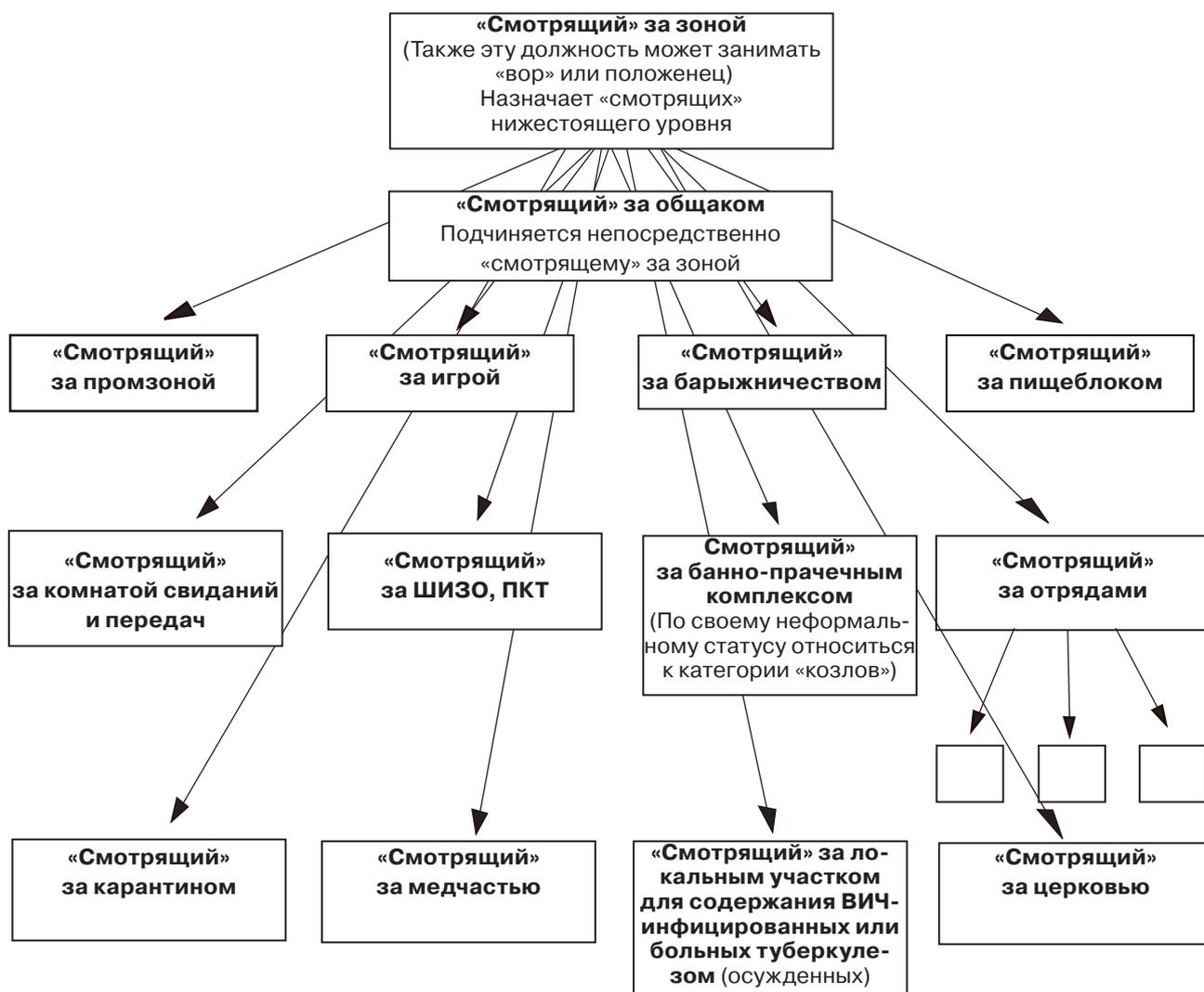
Наиболее ярко противоречие между лидерами преступной среды и государством проявляется в сфере его правоохранительной и правоприменительной деятельности по реализации норм оперативно-розыскного, уголовного, уголовно-процессуального

и уголовно-исполнительного законодательства. «Мы должны четко сознавать, что постоянное противодействие со стороны криминальных сообществ как на свободе, так и за колючей проволокой имеет место»⁶.

По сути, в настоящее время мы имеем дело с качественно новым преступным явлением – криминальной оппозицией, действующей внутри исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Криминальная оппозиция является своеобразным «инструментом», используемым осужденными для преобразования внешних агрессивных условий среды мест лишения свободы в соответствии с существующими у них физиологическими,

социальными и правовыми потребностями. Организационно криминальная оппозиция принимает все более структурированные формы, скопированные с государственно-административного аппарата управления и распределения. Под руководством «воров в законе» в исправительных учреждениях России зарождается новая организационная форма деятельности преступных сообществ – криминальная бюрократия.

Говоря о структуре криминальной оппозиции, мы можем представить себе ее в виде некоей общей универсальной схемы, присущей практически всем исправительным учреждениям, которые относятся к так называемым «черным зонам»⁷.

По степени влияния на осужденных криминальная оппозиция не уступает, а зачастую и превосходит администрацию исправительных учреждений. В тех учреждениях, где криминальная оппозиция имеет разветвленную структуру и пользуется поддержкой осужденных, власть «раздваивается»

между ней и администрацией. В этих случаях каждое решение руководства учреждения, затрагивающее права и свободы осужденных, должно найти свое одобрение у руководства криминальной оппозиции. В противном случае возникает конфликт, следствием которого очень часто являются

групповые неповиновения, факты членоредительства, а в отдельных случаях и массовые беспорядки.

Конфликт между криминальной оппозицией и администрацией исправительного учреждения представляет собой предельно обостренную форму социального противоречия, существующего в местах лишения свободы. Данный конфликт обладает свойством структурирования вокруг себя более широкого социального окружения, «втягивания» новых участников как со стороны лиц, содержащихся в местах лишения свободы, так и со стороны администрации этих учреждений. В некоторых случаях границы конфликта могут выходить за пределы исправительного учреждения, что в свою очередь оказывает негативное влияние на формирование общественного мнения по отношению к ФСИН России и ее сотрудникам.

Необходимо сказать о том, что исследование проблемы организации противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России представляется актуальным и в свете разработки новых подходов к проблеме права в целом. В соответствии с доминировавшей до недавнего времени концепцией социалистического позитивизма право рассматривалось по большей части только в его исторической конкретике и никогда согласно смыслу своего понятия и существования. Собственное бытие права при таком подходе просто игнорировалось. А сама идея его самостоятельности считалась ошибочной. Неформальные нормы права, регулирующие отношения внутри тюремной общины («воровские» и тюремные законы, «понятия») правом не признавались и всячески подавлялись со стороны действующего позитивного права и правоохранительных органов государства. В свою очередь, такая позиция неизбежно приводила к противоречиям между позитивным и естественным правом, лежащим в основе таких неформальных норм. Исследование таких противоречий, прежде всего с точки зрения их правовой природы, позволит, на наш взгляд, выработать практические рекомендации по устранению этого правового конфликта.

Научная значимость исследования организации противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России обусловлена не только необходимостью поиска механизма совершенствования его организационно-правовых

форм, но и существующей в настоящее время потребностью выработки теоретического обоснования единого доктринального толкования понятия «противодействие преступности». Только решив эту задачу, мы получаем возможность определить понятие «противодействие криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России» и раскрыть его содержание.

Очевидно, что и криминальная оппозиция, и все организационные формы противодействия ей органически вплетены в социальную жизнь мест лишения свободы, определяются ею и воздействуют на нее. Поэтому ни криминальная оппозиция, ни организация противодействия ей со стороны уголовно-исполнительной системы России не могут быть поняты вне связи с социальными реалиями мест лишения свободы, рассмотренными к тому же в ретроспективном контексте истории тюремной общины.

Исследования механизма взаимодействия и противодействия преступника и администрации мест лишения свободы насчитывают не одну сотню лет. Однако, как считают отдельные авторы⁸, и мы разделяем их точку зрения, поиск ответа на эти вопросы пока ведется в рамках отдельных юридических наук государственно-правового или криминального цикла. Такой подход, обусловленный естественной дифференциацией юридических наук⁹, каждая из которых претендует на свой предмет и метод исследования, приводит к отраслевому рассмотрению криминальной оппозиции как разновидности пенитенциарной преступности, форм и методов противодействия ей. В то же время такой подход не позволяет воспроизвести целостную картину социальной реальности противодействия криминальной оппозиции, общества и государства.

Связать в систему накопившийся теоретический и эмпирический материал и определить наиболее эффективные способы противодействия криминальной оппозиции можно лишь одним путем – выйти за пределы специальных интересов отраслевых наук и научных дисциплин. Для этого нами было предпринято комплексное междисциплинарное исследование, осуществленное на едином методологическом фундаменте. К числу задач этого исследования относятся:

1. Проведение исторического и правового анализа факторов, детерминирующих возникновение, развитие и устойчивое су-

ществование криминальной оппозиции в местах лишения свободы России.

2. Научное обоснование понятия и комплексное исследование сущности, социальной и организационной природы криминальной оппозиции в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

3. Исследование характерных свойств лидеров, структуры, функций и содержания деятельности криминальной оппозиции в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

4. Раскрытие сущности, содержания и соотношения понятий «противодействие преступности», «борьба с преступностью». Обоснование сущности и содержания понятия «противодействие криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России».

5. Исследование взаимного воздействия криминальной оппозиции и уголовно-исполнительной системы как фактора, детерминирующего взаимное развитие этих организационных структур.

5. Анализ современной организационно-правовой основы и содержания организационно-правовых форм противодействия

криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России.

6. Исследование природы и содержания неформальных методов противодействия криминальной оппозиции со стороны сотрудников исправительных учреждений.

7. Анализ организационно-структурного преобразования системы исправительных учреждений и его влияния на организацию противодействия криминальной оппозиции.

8. Научное обоснование исключения из действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства цели исправления осужденных и необходимости законодательного признания основной целью деятельности уголовно-исполнительной системы противодействие преступности посредством исполнения уголовного наказания и в связи с этим переименования исправительных учреждений в учреждения, исполняющие наказания, или исполнительные учреждения.

9. Разработка научных, правовых и организационных основ перспективных формальных и неформальных методов противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://prezident.rf/08.02.2011>.

² См.: Гриб В.Г., Астрошабов А.В., Шайдаев Ш.Г. Мафия в России: Современное состояние, прогноз // Проблемы борьбы с организованной преступностью: Материалы науч.-практ. конф. М., 1996. С. 14.

³ См.: Фаломеев М. Бригады без грима // Комсомольская правда. 2003. 15 мая.

⁴ См.: Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарии и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.

⁵ Фаломеев М. Бригады без грима.

⁶ Калинин Ю. Мы за конструктивное сотрудничество // Преступление и наказание. 2005. № 11. С. 2.

⁷ «Черная зона» (жарг.) – исправительное учреждение, в котором большинство осужденных придерживается традиций, обычаев и законов преступного мира.

⁸ См., напр.: Преступность, общество, государство: Проблемы социогенеза. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Моногр. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002. С. 18.

⁹ См.: Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Курс лекций. 1995. Ч. 1. С. 7–8.

¹ <http://prezident.rf/08.02.2011>.

² См.: Grib V.G., Astroshabov A.V., Shajdaev Sh.G. Mafija v Rossii: Sovremennoe sostojanie, prognoz // Problemy bor'by s organizovannoj prestupnost'ju: Materialy nauch.-prakt. konf. M., 1996. S. 14.

³ См.: Falomeev M. Brigady bez grima // Komsomol'skaja pravda. 2003. 15 maja.

⁴ См.: Belocerkovskij S. Novyj federal'nyj zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobwestvami: kommentarii i problemy primeneniya // Ugolovnoe pravo. 2010. № 2. S. 9–14.

⁵ Falomeev M. Brigady bez grima.

⁶ Kalinin Ju. My za konstruktivnoe sotrudnichestvo // Prestuplenie i nakazanie. 2005. № 11. S. 2.

⁷ «Chernaja zona» (zharg.) – ispravitel'noe uchrezhdenie, v kotorom bol'shinstvo osuzhdennyh priderzhivaetsja tradicij, obychaev i zakonov prestupnogo mira.

⁸ См., напр.: Prestupnost', obwestvo, gosudarstvo: Problemy sociogenez. Opyt mezhdisciplinarnogo teoretiko-prikladnogo issledovanija: Monogr. / Pod obw. red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2002. S. 18.

⁹ См.: Kartashov V.N. Vvedenie v obwuju teoriju pravovoj sistemy obwestva: Kurs lekcij. 1995. Ch. 1. S. 7–8.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Международные пенитенциарные конгрессы и развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей

Л.И. БЕЛЯЕВА – профессор Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

В статье рассматривается история зарождения и развития такой формы международного сотрудничества в сфере исполнения уголовных наказаний, как международные пенитенциарные конгрессы. Раскрывается их влияние на развитие учения о воспитании несовершеннолетних правонарушителей, совершенствование законодательства и государственной политики в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних, усиление педагогических начал уголовного права, создание качественно новых учреждений для исправления и воспитания молодых преступников как во всем мире, так и в России.

Ключевые слова: международный пенитенциарный конгресс; наказание; преступность; воспитание; несовершеннолетний правонарушитель.

The international penal congresses and the development of study on juvenile delinquent upbringing

L.I. BELYAEVA – professor, Academy of Home Affairs Management Department of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation

The article examines the history of origin and development of such form of international cooperation in the field of execution of criminal penalties as the International Penal Congresses. The author reveals their impact on developing the study about juvenile delinquent upbringing, on improving the legislation and state policy in the field of juvenile crime prevention, enhancing the educational principles of criminal law and creating qualitatively new institutions for correction and upbringing of young offenders all over the world and in Russia.

Key words: International Penal Congress; penalty; crime; upbringing; juvenile delinquents.

2011 г. был ознаменован одной любопытной датой, которая, к сожалению, осталась незамеченной. Речь идет о зарождении международного сотрудничества в области пенитенциарного дела и, в частности, воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Одной из форм такого сотрудничества были международные пенитенциарные конгрессы.

Международные пенитенциарные конгрессы ведут свое начало с 40-х гг. XIX в. Они возникли под влиянием общественного дви-

жения, вызванного изменением философских учений и взглядов на преступление и наказание, стремлением найти альтернативу позорящим наказаниям, подавляющим личность и имевшим целью только возмездие¹.

Войны XVIII – начала XIX вв. мешали развитию этих идей, но, как только установился мир, за них, как отмечал И.Я. Фойницкий, «взялись со рвением»².

В этот период государства стали активнее заниматься внутренними делами и вопросами, которые долго копились. Обнаружилось,

что один из главных вопросов – это преобразование тюрем. Здесь положение дел было одинаково плачевным во всех странах. Те мероприятия по улучшению тюрем, которые проводились в отдельных странах, не влияли на общее положение дел. Статистические данные свидетельствовали об огромном числе рецидивистов. В некоторых странах он составлял до 2/3, а то и 3/4 от общего числа заключенных³.

Появилось понимание того, что в решении общих и столь серьезных проблем невозможно обойтись только своим опытом, необходимо обращаться к знаниям и опыту других людей и стран⁴.

Один из энтузиастов этого дела, тюремный врач Варентрапп, осознав полезность объединения усилий интересующихся указанными проблемами, организовал международный съезд, который состоялся в 1846 г. во Франкфурте-на-Майне. Здесь присутствовали почти все видные представители тюремной науки того времени, всего около 75 чел.⁵ На конгрессе обсуждались проблемы, касающиеся тюремных систем, вопросы одиночного заключения. Но уже здесь, на этом самом первом международном собрании, при обсуждении пенитенциарных систем была высказана мысль о необходимости их дополнения попечением над выходцами из тюрем и созданием особых учреждений для детей.

В дальнейшем вопрос об учреждениях для детей был предметом обсуждения практически всех международных пенитенциарных конгрессов.

Следующий конгресс состоялся в 1847 г. в Брюсселе. Он, по существу, касался тех же вопросов, которые обсуждались на предыдущем, но дальше подтверждения ранее сделанных выводов не пошел⁶.

Революционные события в Париже и создание Второй империи приостановили международное сотрудничество. Но вопросы пенитенциарного дела свое развитие продолжали, хотя под другими названиями и в рамках конкретных государств. В Бельгии, Дании, Швейцарии, Швеции проходили съезды статистические, гигиенические, сельскохозяйственные и другие, где так или иначе затрагивались пенитенциарные вопросы, в особенности касающиеся учреждений для детей-правонарушителей. Они подготовили почву для дальнейшей работы⁷.

В 1857 г. съезд вновь собрался во Франкфурте-на-Майне. Это был конгресс благотворительности, но его третья секция свою работу посвятила пенитенциарным во-

просам и, по существу, была продолжением предыдущих конгрессов⁸.

Общим для съездов было то, что все они носили частный характер. Созывались они не правительствами и объединяли людей, посвятивших себя тюремному делу. Официального представительства здесь не было, а потому резолюции, которые принимались, были скорее добрыми пожеланиями, чем решениями, имеющими какую-нибудь силу⁹. Однако, несмотря на то, что эти съезды были делом частной инициативы, что работа их строилась односторонне и носила чисто теоретический характер, они способствовали развитию пенитенциарного дела, дали толчок к участию в нем официальных представителей государств. Под влиянием этих съездов в различных странах стали развиваться учреждения для перевоспитания порочных и преступных детей (Англия, Франция).

В 60-х гг. XIX в. с окончанием междоусобных войн был поднят вопрос об устройстве более совершенной, чем существующая пенитенциарной системы. В поисках ее вариантов Нью-Йоркское тюремное общество обратилось к европейским специалистам с просьбой представить описание существующих тюрем. Автором одного из них был В.А. Сологуб, который в своем письме отмечал, что в вопросах развития пенитенциарного дела полезно возобновление международных съездов¹⁰.

В 1870 г. в Цинциннати состоялась конференция пенологов, где обсуждались вопросы организации тюремного дела. Как отмечал впоследствии начальник ГТУ С.С. Хрулев, это была первая национальная конференция, рассмотревшая основные принципиальные вопросы пенитенциарной науки: понятие преступления и наказания; классификацию преступников; меры исправительного воздействия (поощрения и наказания, значение религии, нравственного поучения, специальных журналов, работы), выбор и подготовку персонала; устройство центральной администрации; характер тюремных построек; тюремную гигиену; расходы по содержанию; тюремный патронаж и предупредительные меры борьбы с преступностью. Здесь была принята декларация, и последующие конгрессы, по мнению С.С. Хрулева, посвящались главным образом детальной практической разработке основных положений этой декларации¹¹.

Это собрание приняло 37 резолюций, содержащих принципиальные положения, которые в течение долгого времени сохраняли свое значение.

На конференции было принято решение о проведении международных пенитенциарных конгрессов с целью установления общих начал тюремных реформ, выработки общих правил тюремного дела. С этого времени характер конгрессов изменился: они стали более официальными, в них принимали участие представители правительств. Кроме официальных представителей в работе конгрессов участвовали практики, ученые, специалисты в различных областях: медики, юристы, архитекторы, религиозные деятели.

Программа конгрессов стала более обширной. И хотя здесь рассматривались все вопросы и все стороны тюремной деятельности, пришло понимание того, что улучшение и совершенствование пенитенциарных систем есть частный вопрос, вытекающий из общей проблемы предупреждения преступлений. Исходя из этого конгрессы стали включать в свои программы более широкий круг вопросов, касающихся уголовного права, благотворительности, общественного призрения и др. Причем круг этих вопросов от конгресса к конгрессу расширялся, но так или иначе все это было связано с одним видом наказания – лишением свободы.

Поскольку характер деятельности конгрессов, их состав стали иными, то специалисты определили это как новую эпоху, новую серию конгрессов. Первый из них состоялся в 1872 г. в Лондоне. Главным предметом обсуждения здесь стали системы заключения. Программа была большой, поэтому ни один вопрос до конца рассмотрен не был, все свелось к обмену мнениями¹². Несмотря на это, Лондонский международный пенитенциарный конгресс сыграл большую роль в развитии основных идей, касающихся несовершеннолетних правонарушителей.

Работа конгресса строилась на принципиально новом подходе к обсуждаемым проблемам. Он исходил из того уже распространенного убеждения, что в основе разумной государственной уголовной политики должна лежать не кара, а предупреждение преступлений. Поэтому программа конгресса включала в себя не только вопросы филантропии и репрессий, но и мер предупреждения. Поэтому внимание конгресса было обращено к проблемам помощи освобожденным из мест заключения, устройства заведений для малолетних преступников и детей нищих, бродяжничающих и сирот¹³.

На Лондонском конгрессе решительно был поставлен вопрос о необходимости в предупреждении детской преступности направлять всевозможные усилия на устройство участи заброшенных и обездоленных детей¹⁴.

Вопрос о малолетних преступниках здесь обсуждался в общей постановке: какую систему следует признать наиболее действенной для их нравственного возрождения¹⁵. И хотя к единому мнению участники конгресса не пришли, заслуга его состоит в том, что этот вопрос был поднят, к нему было приковано внимание правительств. Влияние конгресса ощущалось повсеместно¹⁶.

В России к этому времени появились первые учреждения для детей-правонарушителей. После участия в конгрессе российские специалисты особое внимание обратили на устройство исправительных учреждений для малолетних за границей¹⁷. Этот вопрос находился в поле зрения уже после конгрессов первой серии¹⁸, однако после Лондонского интерес к этому вопросу возрос. К 1878 г. в России появились 8 исправительных заведений для малолетних правонарушителей.

Идеи и труды Лондонского конгресса нуждались в дальнейшей разработке и развитии, требовалось также и упорядочение деятельности самих конгрессов. В этих целях была избрана постоянная комиссия из делегатов различных стран, позднее был выработан и ее регламент. В состав комиссии входили только официальные делегаты, Россию в разное время представляли А.П. Соломон и М.Н. Галкин-Враский¹⁹. Частные лица привлекались в качестве экспертов для рассмотрения отдельных вопросов. В круг обязанностей, принятых на себя комиссией, входили организация международной тюремной статистики, сбор сведений о мерах, способствующих предупреждению преступности и правильной организации наказания, связь с национальными тюремными обществами, подготовка конгрессов, разработка их программ. С 1887 г. комиссией стал ежеквартально издаваться на французском языке «Бюллетень международных пенитенциарных конгрессов»²⁰.

Комиссия собиралась ежегодно, конгрессы – каждые пять лет. Очередной из них состоялся 20–26 августа 1878 г. в Стокгольме²¹. До начала конгресса доклады по каждому вопросу были заранее разосланы участникам и опубликованы. Для придания конгрессу практической направленности в его программу были включены вопросы чисто практического характера²².

Начиная со Стокгольмского работа конгрессов организовывалась в рамках трех секций: 1) общие вопросы уголовного законодательства; 2) внутренний режим мест заключения; 3) вопросы о предупреждении преступлений. После обсуждения вопросов

по секциям наиболее значимые из них выносились на общее заседание, где принимались окончательные резолюции²³.

Группа вопросов Стокгольмского пенитенциарного конгресса касалась учреждений для малолетних преступников. Здесь впервые, во всяком случае официально, как подчеркивала Л. Богушевская, обсуждались два вопроса: об учреждении отдельных колоний для нищих и бродяг, с одной стороны, и для малолетних преступников – с другой. Второй вопрос относился к проблемам невмешательства суда в определение участи малолетних заключенных²⁴.

Стокгольмским конгрессом признано уже, что малолетние преступники, действовавшие без разумения, а также бродяги, нищие и просто порочные дети нуждаются не в наказании, а в воспитании.

Конгресс рассмотрел вопрос о том, как следует организовывать заведения для малолетних²⁵. Обсуждение его проходило с исключительным вниманием. Участники конгресса пришли к мнению о том, что по отношению к детям общество должно преследовать исключительно цель исправления или перевоспитания.

По мнению участников конгресса, заведения для малолетних должны быть небольшими, чтобы каждому питомцу можно было уделить внимание. Детям необходимо предоставлять возможность учиться. Девочек следует приучать вести хозяйство²⁶. В обсуждении этого вопроса принял участие С.П. Яковлев, который выступил на конгрессе с двумя докладами: «О праве судей отсылать в приюты несовершеннолетних, действовавших без разумения» и «О пределах законной ответственности родителей за проституцию детей»²⁷.

Стокгольмский конгресс затронул вопрос о причинах детской преступности. Рассматривая вопрос о детях-правонарушителях, конгресс включал в это понятие и детей бродяжничающих, нищенствующих и просто порочных. Участники обсуждения этой проблемы обратили внимание на значение и роль семьи в жизни ребенка, на то, что большинство детей-правонарушителей стали таковыми вследствие того, что им недоставало семейного окружения и воспитания²⁸.

При обсуждении данного вопроса конгресс пришел к выводу, который не утратил своего значения до настоящего времени. Его суть состоит в том, что превентивное воспитание может достичь своих целей только в том случае, если ребенок будет возвращен в семью, хотя бы и искусственную, которая восполнит то, отсутствие чего и привело на

неверный путь: дом, семейную атмосферу, чувство личной значимости.

В резолюции конгресса отмечалось, что в отношении детей-правонарушителей господствующей должна быть мысль не столько о наказании, сколько о воспитании²⁹.

Конгресс обратился и к вопросу о делении детей до 16 лет на действовавших с разумением и действовавших без разумения. При этом участники критически отнеслись к такому делению, не усматривая каких-либо оснований к этому и считая, что оно осуществляется судьями произвольно. Конгресс обратил внимание на то, что ребенок, задержанный за нищенство или бродяжничество, часто оказывается более развращенным, чем тот, который совершил преступление³⁰.

Резолюции по этому вопросу принято не было, да и сам спор по вопросу действия детей с разумением или без такового здесь не закончился и продолжился на последующих конгрессах. Так, Римский конгресс, состоявшийся 16–24 ноября 1885 г., обратился к вопросу о правах уголовного суда при направлении несовершеннолетних в воспитательные или исправительные заведения в случае оправдания в связи с отсутствием разумения, а также в случае присуждения их к лишению свободы³¹.

Римский конгресс определил, что вопрос об организации воспитания несовершеннолетних должен решать суд.

Нельзя не отметить, что на Римском конгрессе присутствующими была отдана дань должного уважения и признания российской практике исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Для участников конгресса была организована выставка изделий, произведенных заключенными и воспитанниками исправительных заведений. Свои изделия представили Варшавская колония, «Студзенец», Московский городской Рукавишниковский приют, Санкт-Петербургская колония, Саратовский учебно-исправительный приют³². Исправительные заведения России принимали участие в выставках и на последующих конгрессах.

Вывод о необходимости предупреждения преступлений приводит к расширению программ конгрессов и выходу за пределы одной лишь пенитенциарной тематики³³. Было обращено внимание на рассмотрение вопросов предупреждения нищенства, бродяжничества, других условий, способствующих совершению преступлений³⁴.

Очередной пенитенциарный конгресс проходил в Санкт-Петербурге 15–24 июня

1890 г. Здесь нашли развитие те вопросы, которые были обозначены или подняты ранее. Как отмечал Д.А. Дриль, одним из наиболее интересных из обсуждаемых на конгрессе был вопрос об ответственности несовершеннолетних³⁵. Доклад о детях преступных и порочных был сделан И.Я. Фойницким, который подчеркивал, что нет детей преступных, есть дети несчастные³⁶. Конгресс исходил из того, что сама постановка вопроса о разумии детей до 16 лет не имеет под собой никаких оснований, следовательно, до этого возраста уголовной ответственности быть не должно. Поэтому нужно решать вопрос не о разумии, а о том, нуждается ли ребенок в государственной опеке, в воспитании или перевоспитании, для чего необходимы специальные заведения. Между воспитательными заведениями и теми, которые будут заниматься перевоспитанием, по мнению конгресса, необходима связь и возможность перевода туда и обратно.

Конгресс пришел к выводу о том, что дети до 14 лет не должны помещаться в карательные учреждения, а после 14 и до 18 лет – только при исключительных обстоятельствах и только юноши³⁷. Наиболее подходящими для несовершеннолетних признаны заведения сельскохозяйственного характера, но и в них следует избегать длительных сроков пребывания. Однако лучше все-таки воспитывать детей вне исправительных заведений при помощи благонадежных и благонаправленных хозяев, способных продолжить дело приюта. Конгресс полагал, что воспитание вне исправительного заведения следует организовать примерно через год после поступления при условии соответствующего поведения³⁸.

Конгресс обратил внимание на необходимость определить в том, кто (какой орган, какая власть) должен принимать решение о судьбе детей, виновных в преступлении. Участники конгресса пришли к выводу о том, что в случае совершения преступного деяния несовершеннолетними в возрасте от 16 до 20 лет вопрос о них следует рассматривать суду.

Анализ архивных материалов конгресса свидетельствует о том, что здесь предметом обсуждения являлся и вопрос о специализированном судопроизводстве по делам о несовершеннолетних. В материалах конгресса отмечается, что в случае совершения деяния уголовно безответственным несовершеннолетним, не достигшим 16-летнего возраста, вопрос о его дальнейшей судьбе должен рассматривать не суд, а другой, более соответствующий обстоятельствам

орган. «Обыкновенный уголовный суд с его торжественной обстановкой и его торжественными формами производства, как показывает опыт, оказывал самое пагубное влияние на детей и подростков. Он клеймит их, он приучает спозаранку смотреть на себя как на особые отдельные существа – малолетних преступников, и часто разжигает в них самое болезненное тщеславие – быть героем преступления и судебной драмы. Известно немало случаев, когда судившиеся малолетние позируют на суде и интересуются, что пишут о них журналы». Учитывая это, решение о судьбе малолетнего должен принимать не обычный суд, а такой, который состоит из представителей опеки, воспитательных учреждений и судей³⁹.

Стоит отметить, что вопрос об особом производстве рассматривался здесь столь широко впервые и задолго до того, как такие суды появились в Америке. В решении конгресса отмечалось, что при выборе мер по отношению к малолетним (10–16 лет) и несовершеннолетним (16–20 лет) необходимо принимать во внимание не только особенности совершенного деяния, но и все условия, способствующие этому: возраст, степень умственного развития, особенности среды⁴⁰. И хотя решения по этому вопросу не было принято и даже отложено до следующих конгрессов как требующее коренного преобразования судопроизводства, сам факт обращения к проблеме на конгрессе, проходящем в России, является показательным.

Петербургский конгресс стал первым форумом, где участники поставили вопрос об ответственности несовершеннолетних, по своему развитию не соответствующих возрасту. Здесь отмечалось, что если лица в 16 лет в силу недостаточного развития не могут быть признаны уголовно ответственными, то и после того возраста, вплоть до совершеннолетия, могут нуждаться в изменении мер уголовной ответственности⁴¹. То есть петербургский конгресс впервые обратился к проблеме уменьшенной вменяемости.

Конгресс исходил из того, что система борьбы с детской преступностью не может и не должна основываться исключительно на теоретическом и отвлеченном понятии «человека в детстве», взятого вне пространства, времени, экономической и социальной среды, семьи⁴². Последнему конгресс уделил особое внимание, исходя из того, что дети часто сбиваются с пути именно под влиянием семьи. И возвращение в нее способствует дальнейшей порче и развращению ребенка⁴³.

Вопрос об устранении пагубного влияния семьи стал предметом коллегиального

обсуждения впервые. Конгресс признал, что государство обязано устранить вредное влияние родителей или опекунов, и в интересах детей судам необходимо предоставлять право лишения родительских прав. Инициатива в этом вопросе должна принадлежать самому суду или административным властям⁴⁴. Детей в этих случаях следует, по мнению конгресса, помещать в тюрьму или исправительное заведение, если было совершено преступление, или в учреждения призрения. При этом родители должны принимать участие в жизни детей. Конгресс подчеркивал, что, если обстоятельства изменятся, родители станут вести иной, непорочный образ жизни, то суд может восстановить права родителей.

Как подчеркивается в отзывах о конгрессе, «такая дробность постановлений» вызвана, с одной стороны, стремлением обезопасить детей от злоупотреблений родителей, с другой – не ущемлять без крайности права родителей⁴⁵. Несмотря на активное обсуждение вопроса, он не был исчерпан, поэтому предполагалась его дальнейшая проработка.

Предметом внимания конгресса стал и вопрос о помещении детей-правонарушителей в семьи. Единогласия здесь не было. Одни считали, что семья, даже искусственная, важнее для ребенка, чем жизнь в воспитательном учреждении. Другие имели по этому вопросу много сомнений. Так, например, И. Тарасов обратил внимание на то, что помещение порочных детей в семью связано с опасностью, с одной стороны, разращения детей, имеющих в этих семьях, а с другой – с возможной эксплуатацией их хозяевами. Поэтому подбирать следует семьи, где собственных детей нет. Это мнение конгрессом поддержано не было⁴⁶.

Рассматривая вопрос о мерах, которые мог бы принимать суд к детям-правонарушителям и детям порочным, конгресс подчеркивал необходимость специальных исправительных заведений, однако эта тема самостоятельно на данном конгрессе не стала предметом отдельного обсуждения. Ее затрагивали в связи с обсуждением проблем в каждой из трех секций конгресса⁴⁷.

Стоит отметить, что с состоявшимся конгрессом совпал очередной Съезд представителей русских исправительных заведений, делегаты которого приняли участие и в работе конгресса. Участники конгресса по уже сложившейся традиции посетили исправительные заведения. В России это были Большевский исправительный приют для нищенствующих девочек и Рукавишниковский приют в Москве.

Несмотря на то что состоявшийся конгресс и его работа не всеми оценивались положительно, более того, вызвали резко критические отзывы⁴⁸, необходимо отметить, что Санкт-Петербургский международный пенитенциарный конгресс в вопросах предупреждения детской преступности и правонарушений сделал шаг вперед уже хотя бы тем, что поставил на обсуждение вопросы о повышении возраста уголовной ответственности; уменьшенной вменяемости; ограничении злоупотреблений родителей; специализированном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних; исправительных учреждениях и передаче детей на воспитание в частные семьи; о помощи служащим исправительных учреждений и др. Далеко не все вопросы по причине их многочисленности и объемности были здесь обсуждены и потребовалось их перенесение на очередной конгресс, по ряду вопросов решения не были приняты. Тем не менее конгресс позволил выявить и обозначить уже назревшие и требующие разрешения вопросы, установить имеющиеся точки зрения, стимулировать развитие теоретических подходов и практики. Конгресс, безусловно, способствовал дальнейшему формированию передовых взглядов на борьбу с детской преступностью.

Особенностью очередного конгресса, состоявшегося в Париже 30 июня – 9 июля 1895 г., было то, что вопросы, касающиеся несовершеннолетних, были выделены по предложению российской делегации в особую секцию⁴⁹. То есть на Парижском конгрессе вопросы обсуждались в рамках четырех секций, а не трех, как было ранее.

Члены Парижского конгресса были единодушны в признании значения исправительно-воспитательных заведений для воспитания беспризорных детей. Этим объяснялся особый интерес и внимание к докладам и сообщениям, касавшимся данного предмета⁵⁰. Конгрессом с восторгом было принято сообщение о том, что в России учреждения для несовершеннолетних приняты под высочайшее покровительство Его Императорского Величества.

Вопросы, касающиеся несовершеннолетних, объединялись в четыре группы:

1. О мерах предупреждения нравственного падения ребенка.
2. О типах приютов и колоний.
3. О ведении дел в них (о школах, библиотеках, физическом труде, поощрениях и наказаниях, дисциплине, оплате труда и др.).
4. О заботе о выпущенных из них детях, помещении в семьи, мерах, препятствующих

щих растрате личных средств и способствующих получению заработка⁵¹.

Конгресс активно работал над обсуждением вопросов, позволяющих выявить причины преступности и меры по ее предупреждению. Парижский конгресс остановил внимание на таких ее причинах, как злоупотребление родительской властью, нищенство и бродяжничество⁵², пьянство, проституция. По мнению конгресса, главной причиной является злоупотребление родительской властью и дурное воспитание детей. Конгресс признал необходимость расширения права уголовного и гражданского суда на ограничение родительской власти⁵³.

Парижский конгресс поставил вопрос о праве и обязанности государства на опеку над заброшенными детьми, об особых опекунских судах, разрешающих вопрос о назначении опеки над детьми. По этому вопросу в числе других с докладом выступил Д.А. Дриль⁵⁴.

Конгресс обратил внимание на необходимость создания исправительных заведений для различных категорий несовершеннолетних: для малолетних, действовавших без разрешения, – коррекционных приютов; для несовершеннолетних, которые осуждены по приговорам судов, – исправительных колоний, а также заведений для перевоспитания тех, кто содержался в приютах, но зарекомендовал себя отрицательно и не проявил признаков исправления. Конгресс активно обсуждал эту проблему, однако единодушия в принятии решения не проявил. Не всем такое разнообразие заведений показалось оправданным⁵⁵.

Кроме этого, конгресс рассмотрел вопросы о том, что учреждения для несовершеннолетних должны ориентироваться на возраст. Практики отмечали, что исправление несовершеннолетних, которым исполнилось 15 лет, дело непростое, так как они уже настолько безнравственны и опыты в преступном поведении, что с трудом поддаются влиянию. Между тем сами такие подростки вредно влияют на других. Для несовершеннолетних старшего возраста необходимы особые учреждения – вывод, последовавший после обсуждения вопроса о заведениях для несовершеннолетних.

Конгресс отметил, что для воспитания детей-правонарушителей важное значение имеет ручной труд. Для несовершеннолетних необходимы правильно организованные физические упражнения, физический труд на свежем воздухе.

Парижский конгресс признал, что независимо от срока пребывания в учреждении

для несовершеннолетних должны быть доступны школа и книги. Цель школ и библиотек состоит в нравственном улучшении и обучении. Здесь были высказаны рекомендации по составу книг в библиотеках⁵⁶.

Изучение архивных материалов показывает, что от конгресса к конгрессу расширялся круг обсуждаемых вопросов.

Очередной международный пенитенциарный конгресс, состоявшийся 6–23 августа 1900 г. в Брюсселе, по мнению некоторых его участников, шел вяло и оказался менее интересным, чем предыдущие⁵⁷. Это объяснялось отсутствием многих известных специалистов: сказалось проведение в этом же году съезда Международного союза криминалистов, на котором обсуждались аналогичные вопросы. Кроме того, по мнению, например, А.А. Жижиленко, программа конгресса была составлена не слишком удачно, недостаточно продуманными оказались организационные вопросы.

Несмотря на это, Брюссельский конгресс представлял значительный интерес, так как многие вопросы были обсуждены и решения по ним приняты. Правда, некоторые из участников сочли, что это по преимуществу вопросы частного характера, страдавшие излишними подробностями⁵⁸.

На конгрессе было обсуждено несколько вопросов, касающихся несовершеннолетних правонарушителей. Один из вопросов второй секции был посвящен важному карательному институту, который получил распространение в Америке и был тесно связан с неопределенными приговорами – исправительным заведениям под названием реформаториев. Пропагандируя этот вид исправительных заведений, докладчики рекомендовали создание их и для лиц, достигших совершеннолетия и совершивших тяжкое деяние в первый раз. При этом суду предписывалось назначение наказания на неопределенный срок (в рамках максимального предусмотренного за конкретное деяние) до исправления. Конгресс с осторожностью отнесся к тому, чтобы рекомендовать реформатории к широкому распространению⁵⁹.

На четвертой секции конгресса обсуждались вопросы охраны детства. В их числе был и вопрос, поднятый на Санкт-Петербургском и Парижском конгрессах, о том, при каких условиях несовершеннолетние могут быть признаны рецидивистами и какие последствия должно влечь для них повторение преступлений⁶⁰. Мнения докладчиков по этому вопросу не было единодушным. Одни допускали возможность признания рецидивистами несовершеннолетних и установ-

ления соответственно этому ограничений. В числе разделяющих этот взгляд был и А.А. Жижиленко⁶¹. Другая точка зрения заключалась в том, что понятия «несовершеннолетие» и «рецидив» несовместимы. Участники конгресса, разделяющие эту позицию, были в меньшинстве.

Несмотря на это, конгресс одобрил выводы о том, что понятие рецидива совершенно чуждо преступности несовершеннолетних, поэтому несовершеннолетний не может быть признан рецидивистом. Допустимо признавать повторение преступлений, и в этом случае следует предусмотреть изменение режима для несовершеннолетнего⁶².

Предметом обсуждения на конгрессе стал вопрос об организации обучения ремеслам несовершеннолетних в исправительных заведениях для них⁶³. Вопрос вызвал живой интерес, по нему было сделано 16 докладов, в которых так или иначе развивались идеи, высказанные на Стокгольмском (1878) и Антверпенском (1898) конгрессах. В обсуждении вопроса принял участие В.Д. Набоков, выступивший с сообщением о постановке профессионального обучения в Рукавишниковском приюте, а также Д.А. Дриль, В.В. Пржевальский⁶⁴.

Важное значение имели несколько общих положений, которые хотя и не установили ничего принципиально нового, но получили общее международное признание. Так, конгресс рекомендовал тщательно изучать и обращать внимание на особенности (способности и недостатки) детей при выборе для них занятий. Было сделано предложение составить вопросник для физиологических исследований, которые следует производить с тем, чтобы избежать при выборе занятий случайностей. Конгресс подчеркнул, что избираемые занятия должны соответствовать способностям ребенка⁶⁵.

Конгресс выработал рекомендации, касающиеся организации и методики обучения профессиональным занятиям, применения ручного труда. Было обращено внимание на то, что профессиональное обучение должно быть ориентировано на те ремесла, которые легче и быстрее осваиваются, имеют будущее и сочетаются с экономическими условиями страны.

Эти положения были очень важны. Являясь наиболее проработанными из числа рассмотренных Брюссельским конгрессом, они не касались деталей вопроса⁶⁶.

Не менее живо обсуждался еще один вопрос: не следует ли для обеспечения правильного воспитания детей-правонарушителей применять две системы – систему

помещения в исправительные заведения и систему отдачи в ученики к мастерам и помещения для воспитания в чужие семьи⁶⁷? Никакой другой вопрос конгресса не привлекал такого внимания, как обозначенный здесь. По нему были сделаны 24 доклада. Особая ценность их состояла в том, что 13 из них принадлежали практикам – директорам разных исправительных заведений. Большинство докладчиков были за смешанную систему, подчеркивая необходимость комбинирования помещения в исправительные заведения и отдачи на обучение в мастерские или на воспитание в семейства.

Большую дискуссию вызвала идея об отдаче детей на воспитание в семью. Против этой идеи были главным образом российские участники конгресса: Л.Э. Вольфринг, Д.А. Дриль⁶⁸, В.В. Пржевальский, И.Т. Тарасов и др.⁶⁹

Конгресс рекомендовал для обеспечения правильного воспитания детей-правонарушителей комбинирование двух систем: индивидуальное размещение, обеспечивающее нормальное воспитание, и интернатное, обеспечивающее исправление.

По уже установившейся традиции подготовка к очередному конгрессу началась вскоре после предыдущего. Международная пенитенциарная комиссия приступила к выработке программы⁷⁰.

На очередном конгрессе, который состоялся в Будапеште, рассматривались четыре вопроса, касающихся детей и несовершеннолетних:

1. Следует ли государству принимать какие-либо меры попечения над детьми осужденных?

2. Нужно ли устраивать особые учреждения для наблюдения над несовершеннолетними преступниками, порочными детьми или нравственно заброшенными?

3. Законодательства ряда стран предусматривают заключение для несовершеннолетних преступников. Какой режим должен к ним применяться, в частности, допустимо ли одиночное заключение?

4. Какие меры, кроме обычных средств воспитания, наиболее обеспечивают предохранение от преступлений нравственно покинутых детей и исправление порочных, не совершивших пока преступного деяния⁷¹?

В работе конгресса, как всегда, приняла участие и делегация от России, внесшая свой вклад в выработку рекомендаций. Так, например, профессору И. Тарасову принадлежит идея о принятии правил организации для наблюдения над несовершеннолетними

преступниками, порочными и нравственно заброшенными детьми⁷².

Д.А. Дриль подчеркивал важность того, что международный конгресс обратил свое внимание на проблему предупреждения преступлений и исправления порочных детей, не совершивших преступления⁷³. Специалисты были единодушны в выводах по этому вопросу, суть которых состоит в том, что для предохранения от преступлений нравственно заброшенных и исправления порочных детей необходимо воздействовать на причины детской заброшенности и порочности в самих семьях, стремиться к ослаблению тех неблагоприятных условий жизни, в которых находятся дети⁷⁴.

Однако широкого резонанса в России решения конгресса не получили, пресса по этому вопросу была более чем скромной, материалы немногочисленными и преимущественно общего характера. Это объясняется той политической обстановкой, которая вызвала к жизни более актуальные вопросы: война с Японией, волнения и нестабильность внутри страны. Тем не менее подготовка к участию в конгрессе, осмысление его итогов способствовали развитию отечественной правовой мысли в области предупреждения преступлений несовершеннолетних и их воспитания.

Спустя пять лет, 2–8 октября, в Вашингтоне состоялся VIII Международный пенитенциарный конгресс. Он строил свою работу по уже сложившейся традиции в рамках четырех секций⁷⁵, где обсуждались различные вопросы, касающиеся несовершеннолетних. Так, конгресс обсудил вопрос о том, следует ли признать необходимость специального режима для юных преступников, хотя бы и рецидивистов, возраст которых от 16 до 23 лет, ввиду податливости этого возраста воспитательному воздействию и возможности искоренения порочных наклонностей юных преступников посредством особых методов физического, морального и интеллектуального воздействия?

Конгресс пришел к выводу о том, что для этой категории осужденных желательно устанавливать особый режим, который способствовал бы исправлению. При этом судам в каждом конкретном случае следовало бы выносить об этом соответствующее постановление. Такой специальный режим должен быть достаточно длительным для наиболее полного использования всесторонних мер и предполагал бы возможность применения условного досрочного освобождения.

Конгресс выразил пожелание, чтобы подследственные и краткосрочные заключенные содержались раздельно⁷⁶.

Вашингтонский конгресс подтвердил решения Парижского конгресса (1895) о предупредительных мерах против нищенства и бродяжничества и развил его основные положения. В частности, конгресс отметил необходимость учета при принятии мер возраста, степени устойчивости занятия бродяжничеством или нищенством и определения меры воздействия в зависимости от этого⁷⁷.

Наиболее глубоко вопросы, касающиеся детей и несовершеннолетних, рассматривались на четвертой секции, которая специально этому посвящалась. Вопрос о спасении детей являлся одним из самых важных. Заброшенные дети всегда увеличивали собой ряды преступников. Эта секция дала толчок вопросу о судах для малолетних и о репрессивном воздействии на детей, которые обвиняются в преступлениях⁷⁸.

Первый вопрос, обсуждавшийся на этой секции, явился продолжением разговора, начатого еще на Санкт-Петербургском конгрессе, о том, что судопроизводство в отношении несовершеннолетних должно быть отличным от практикуемого в отношении взрослых.

Вашингтонский конгресс этому вопросу уделил значительное внимание. Было сделано более 20 докладов, в том числе три из России (А. Гольденвейзер – Киев, П. Люблинский – Санкт-Петербург, Э. Неандер – Москва)⁷⁹. Все выступавшие сошлись во мнении о том, что процедура суда в отношении несовершеннолетних должна быть изменена. Это мнение нашло закрепление в резолюции конгресса⁸⁰. Конгрессом была разработана система принципов, на которых должна строиться процедура судопроизводства. Одобряя решение конгресса, его участники, в частности П.И. Люблинский, отмечали, что конгресс ограничился рассмотрением только вопроса о специализации производства. Другие не менее важные вопросы остались вне внимания конгресса: организация попечительного надзора, расширение прав этих судов по отношению ко взрослым⁸¹.

Следующим вопросом, который также со вниманием обсуждался, был вопрос об учреждении специальных заведений для детей, проявляющих «опасные в нравственном отношении наклонности – ненормальных, отсталых и слабоумных детей»⁸². Для принятия решения конгресс не нашел достаточных оснований и пришел к выводу о необходимости дополнительного изучения вопроса посредством анкеты⁸³.

Пенитенциарные конгрессы видели своей задачей обсуждение вопросов не только борьбы с уже имеющейся преступностью, но и в меньшей степени вопросов превен-

ции. Здесь важное значение имело обсуждение вопроса о мерах борьбы с праздностью и бродяжничеством детей, живущих в больших городах⁸⁴.

Конгресс по этому вопросу принял резолюцию, в которой были изложены рекомендации по искоренению привычки к праздности и бродяжничеству. В них подчеркивалась необходимость усиления ответственности за исполнение отцовского долга; развитие системы детских учреждений; улучшение внутришкольной работы; укрепление совместной работы администрации школы и общественности, развитие системы центров отдыха, спорта; педагогическое просвещение родителей; воспитание общественного сознания силами духовенства и печати⁸⁵.

Последний вопрос секции был посвящен злободневному вопросу покровительства детям, рожденным вне брака.

В числе докладов, представленных Вашингтонскому международному тюремному конгрессу, был доклад от Рукавишниковского приюта по вопросу об устройстве исправительных заведений. В нем были изложены основные положения, касающиеся вопросов размещения воспитанников, организации мастерских и работ в них малолетних, в том числе подследственных.

Как следовало из доклада, заведения для несовершеннолетних не должны иметь карцера. Здесь подчеркивалась важность наличия в заведении сада, грядок, клумб – того, что благотворно влияет на детскую психику. Докладчики видели огромное преимущество в деле перевоспитания земледельческих колоний.

Отмечалась, что для успешной деятельности исправительных заведений их необходимо обеспечить подготовленными кадрами, имеющими в том числе и высокие нравственные качества: «в деле, где весь центр тяжести лежит на нравственном возрождении несчастных детей, нравственные силы и нравственное влияние всегда останутся первым и главным условием его успеха»⁸⁶.

Анализ архивных материалов, относящихся к международным пенитенциарным конгрессам, позволяет присоединиться к тем выводам, которые сделаны были их современниками, отмечавшими, что международные тюремные конгрессы оказали заметное влияние на современную цивилизацию. Они вызвали к жизни более современные законы, создание лучших учреждений, введение улучшенных методов защиты общества от преступлений, применение новых приемов изучения заключенных, нового режима и новых условий исправительного воздействия на преступников, особое внимание к несовершеннолетним. Все это результат влияния конгрессов⁸⁷.

Увеличение числа государств-участников конгрессов способствовало подъему их международного значения. Расширилась программа, включившая в себя и вопросы борьбы с преступностью, ее предупреждения, при этом особое внимание обращалась на малолетних преступников, усиление педагогических начал уголовного права, нашедших выражение в институте досрочного (под условием хорошего поведения) освобождения, патроната, подготовки кадров для работы с заключенными, обсуждении вопросов преподавания тюремоведения и др.⁸⁸

Обмен опытом оказал влияние как на тюремную практику различных стран, так и на развитие в обществе более правильных взглядов на преступность и меры борьбы с нею.

Участие России в международных пенитенциарных конгрессах способствовало изучению и заимствованию имевшегося в различных странах опыта, а также пропаганде своего, отечественного.

Идеи, выработанные совместной деятельностью специалистов многих стран, находили отражение в законодательстве о несовершеннолетних правонарушителях, практике их воспитания, работе с кадрами. Нельзя не заметить, что многие из выводов конгрессов прочно вошли в жизнь и не утратили актуальности и интереса на сегодняшний день.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Арепьев Н. Международные тюремные конгрессы // Наблюдатель. 1886. № 1. С. 336.

² См.: Фойницкий И.Я. Пенитенциарный конгресс в Риме // Вестник Европы. 1886. Кн 3. С. 341.

³ См.: Случевский В. Международный тюремный конгресс в С.-Петербурге // Наблюдатель. 1890. № 6. С. 43.

⁴ См.: Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе // Вестник права. 1901. № 3. С. 126.

⁵ См.: Debats du Congres penitenciaire de Frankfort-sur-le-Main. 28, 29 et 30 Septembre. Paris, 1847.

⁶ См.: Debats du congres penitentiaire de Bruxeelles. Section de 1847. Bruxelles, 1847.

¹ Sm.: Arep'ev N. Mezhdunarodnye tjuremnye kongressy // Nabljudatel'. 1886. № 1. S. 336.

² Sm.: Fojnickij I.Ja. Penitenciarный kongress v Rime // Vestnik Evropy. 1886. Kn 3. S. 341.

³ Sm.: Sluchevskij V. Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v S.-Peterburge // Nabljudatel'. 1890. № 6. S. 43.

⁴ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj penitenciarный kongress v Brjussele // Vestnik prava. 1901. № 3. S. 126.

⁵ Sm.: Debats du Congres penitenciaire de Frankfort-sur-le-Main. 28, 29 et 30 Septembre. Paris, 1847.

⁶ Sm.: Debats du congres penitentiaire de Bruxeelles. Section de 1847. Bruxelles, 1847.

- ⁷ См.: Фойницкий И.Я. Пенитенциарный конгресс в Риме. С. 341.
- ⁸ См.: *Congres international de Bienfaisance de Frankfort sur le M. Secion de 1857. Francfort, 1858.*
- ⁹ См.: Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. II. С. 73–74.
- ¹⁰ См.: *La question des prison en vue du Congre's internationale de Londres, juillet 1872. Par Il comte W. Sollohub. Odessa, 1871.*
- ¹¹ См.: Из отчета начальника ГТУ С.С. Хрулева о поездке в Северо-Американские Штаты и в Англию в 1910 г. // Тюремный вестник. 1911. № 1. С. 59–61.
- ¹² См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1896. С. 343; Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы. СПб., 1873.
- ¹³ См.: Фойницкий И.Я. Пенитенциарный конгресс в Риме С. 342–344.
- ¹⁴ См.: Гольденвейзер А.С. Вопросы о малолетних на международном пенитенциарном конгрессе в Вашингтоне. Киев, 1911. С. 12–13.
- ¹⁵ См.: Случевский В.К. С.-Петербургский тюремный конгресс // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 29.
- ¹⁶ См.: Арепьев Н. Международные тюремные конгрессы. С. 341–345.
- ¹⁷ См.: Михачев В.И. Швейцарские исправительные колонии // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 476–491.
- ¹⁸ Фон-дер-Ховен. О домах исправления и спасения малолетних // Семья и школа. 1872. № 1. Кн. 2. С. 41–61; № 4. Кн. 2. С. 903–937; Он же. Забота общества о судьбе малолетних преступников // Дело. 1873. № 9; Дети бродяги в Нью-Йорке // Сын отечества. 1875. № 6, 9; Меры призрения порочных и беспризорных детей // Юридический вестник. 1876. № 8–9. С. 33–56.
- ¹⁹ См.: Струков Д. Исправительное училище в Руссельде // Журнал министерств государственных имуществ. 1859. LXXII. С. 183–208; О мерах, предпринимаемых в Англии для доставления образования маленьким бродягам и ворам // Русский педагогический вестник. 1859. № 8. С. 101–110; Белир Ф. Песталоциев институт в Панкове // Журнал для воспитания. 1859. № 5. С. 313–322; № 7. С. 17–31; Приюты для малолетних бродяг в Бельгии // Наше время. 1860. № 24. С. 6; Пассек А. Очерк истории наказаний малолетних преступников и развитие исправительных колоний для малолетних // Современник. 1863. Т. 98. № 9. С. 155–204; Щербань Н. Мэтре – исправительная колония для малолетних преступников // Отечественные записки. 1866. № 18. С. 380–402; Он же. Исправительные колонии для малолетних преступников // Там же. № 9. С. 511–524; Заведения для несовершеннолетних преступников во Франции // Северная почта. 1866. № 49; Школы и приюты во Франкфурте // Детский сад. 1870. № 2. С. 100–111; № 3. С. 155–160; № 4. С. 214–219.
- ¹⁹ См.: Международная тюремная комиссия // Тюремный вестник. 1897. № 10. С. 495.
- ²⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 122. Оп. 1. Л. 1279.
- ²¹ См.: *Le Congres Penitentiaire internationale de Stokhim. Vol. 1–2. Guillaume, 1879.*
- ²² См.: Арепьев Н. Международные тюремные конгрессы. С. 345–346.
- ²³ См.: Мишле Э.И. Второй международный тюремный конгресс. Стокгольм, 20–26 августа 1878 г. СПб., 1878.
- ²⁴ См.: Детская помощь. 1886. № 3. С. 101–105.
- ²⁵ См.: Случевский В.К. С.-Петербургский пенитенциарный конгресс. С. 29.
- ²⁶ См.: Арепьев Н. Международные пенитенциарные конгрессы. С. 351–352.
- ²⁷ См.: Яковлевский воспитательно-исправительный приют для девочек в с. Болшево Московской губернии // Трудовая помощь. 1913. № 7. С. 192.
- ²⁸ См.: Н.Я. Два конгресса // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 1. № 2. Отд. V. С. 12.
- ²⁹ См.: *La science penitentiaire au Congres de Stockholm par Desportes et Lefebure. Paris, 1880. С. 271–281.*
- ³⁰ См.: Там же. С. 273.
- ³¹ См.: Случевский В.К. С.-Петербургский международный тюремный конгресс. С. 29; *Rapports sur deux questions a discuter au Congres penitentiaire internationale, qui aura Cieu a Rome en 1885 / Par S.P. Yakowlew. Moscou, 1885.*
- ³² См.: А.Л. Свод решений Международных тюремных конгрессов // Тюремный вестник. 1894. № 5. С. 251–253; Международный тюремный конгресс в Риме. Отчет начальника ГТУ. СПб., 1885. С. 44–45.
- ⁷ Sm.: Fojnickij I.Ja. Penitenciarnyj kongress v Rime. S. 341.
- ⁸ Sm.: *Congres international de Bienfaisance de Frankfort sur le M. Secion de 1857. Francfort, 1858.*
- ⁹ Sm.: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava. 1880. Kn. II. S. 73–74.*
- ¹⁰ Sm.: *La question des prison en vue du Congre's internationale de Londres, juillet 1872. Par Il comte W. Sollohub. Odessa, 1871.*
- ¹¹ Sm.: *Iz otcheta nachal'nika GTU S.S. Hruleva o poezdke v Severo-Amerikanskije Shtaty i v Angliju v 1910 g. // Tjurennyj vestnik. 1911. № 1. S. 59–61.*
- ¹² Sm.: Fojnickij I.Ja. Uchenie o nakazanii v svjazi s tur'movedenijem. SPb., 1896. S. 343; Annenkov M.N. Mezhdunarodnyj tjurennyj kongress i anglijskie tjur'my. SPb., 1873.
- ¹³ Sm.: Fojnickij I.Ja. Penitenciarnyj kongress v Rime S. 342–344.
- ¹⁴ Sm.: Gol'denvejzer A.S. Voprosy o maloletnih na mezhdunarodnom penitenciarom kongresse v Vashingtone. Kiev, 1911. S. 12–13.
- ¹⁵ Sm.: Sluchevskij V.K. S.-Peterburgskij tjurennyj kongress // Juridicheskaja letopis'. 1890. № 7. S. 29.
- ¹⁶ Sm.: Arep'ev N. Mezhdunarodnye tjurennye kongressy. S. 341–345.
- ¹⁷ Sm.: Mihachev V.I. Shvejcarskie ispravitel'nye kolonii // Vestnik Evropy. 1871. № 9. S. 476–491.
- ¹⁸ Fon-der-Hoven. O domah ispravlenija i spasenija maloletnih // Sem'ja i shkola. 1872. № 1. Kn. 2. S. 41–61; № 4. Kn. 2. S. 903–937; On zhe. Zabota obwestva o sud'be maloletnih prestupnikov // Delo. 1873. № 9; Deti brodjagi v N'ju-Jorke // Syn otechestva. 1875. № 6, 9; Mery prizrenija porochnyh i besprizornyh detej // Juridicheskij vestnik. 1876. № 8–9. S. 33–56.
- ¹⁹ Sm.: Strukov D. Ispravitel'noe uchiliwe v Rjussel'lede // Zhurnal ministerstv gosudarstvennyh imuwstv. 1859. LXXII. S. 183–208; O merah, predprinimaemyh v Anglii dlja dostavljenija obrazovanija malen'kim brodjagam i voram // Russkij pedagogicheskij vestnik. 1859. № 8. S. 101–110; Belir F. Pestalociev institut v Pankove // Zhurnal dlja vospitanija. 1859. № 5. S. 313–322; № 7. S. 17–31; Prijuty dlja maloletnih brodjag v Bel'gii // Nashe vremja. 1860. № 24. S. 6; Passek A. Ocherk istorii nakazanj maloletnih prestupnikov i razvitie ispravitel'nyh kolonij dlja maloletnih // Sovremennik. 1863. T. 98. № 9. S. 155–204; Werban' N. Mjetre – ispravitel'naja kolonija dlja maloletnih prestupnikov // Otechestvennye zapiski. 1866. № 18. S. 380–402; On zhe. Ispravitel'nye kolonii dlja maloletnih prestupnikov // Tam zhe. № 9. S. 511–524; Zavedenija dlja nesovershennoletnih prestupnikov vo Francii // Severnaja pochta. 1866. № 49; Shkoly i prijuty vo Frankfurte // Detskij sad. 1870. № 2. S. 100–111; № 3. S. 155–160; № 4. S. 214–219.
- ¹⁹ Sm.: Mezhdunarodnaja tjuremnaja komissija // Tjurennyj vestnik. 1897. № 10. S. 495.
- ²⁰ Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 122. Op. 1. L. 1279.
- ²¹ Sm.: *Le Congres Penitentiaire internationale de Stokhim. Vol. 1–2. Guillaume, 1879.*
- ²² Sm.: Arep'ev N. Mezhdunarodnye tjurennye kongressy. S. 345–346.
- ²³ Sm.: Mishle Je.I. Vtoroj mezhdunarodnyj tjurennyj kongress. Stokgol'm, 20–26 avgusta 1878 g. SPb., 1878.
- ²⁴ Sm.: *Detskaja pomow'. 1886. № 3. S. 101–105.*
- ²⁵ Sm.: Sluchevskij V.K. S.-Peterburgskij penitenciarnyj kongress. S. 29.
- ²⁶ Sm.: Arep'ev N. Mezhdunarodnye penitenciarne kongressy. S. 351–352.
- ²⁷ Sm.: Jakovlevskij vospitatel'no-ispravitel'nyj prijut dlja devochek v s. Bolshevo Moskovskoj gubernii // Trudovaja pomow'. 1913. № 7. S. 192.
- ²⁸ Sm.: N.Ja. Dva kongressa // Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava. 1880. Kn. 1. № 2. Otd. V. S. 12.
- ²⁹ Sm.: *La science penitentiaire au Congres de Stockholm par Desportes et Lefebure. Paris, 1880. S. 271–281.*
- ³⁰ Sm.: Tam zhe. S. 273.
- ³¹ Sm.: Sluchevskij V.K. S.-Peterburgskij mezhdunarodnyj tjurennyj kongress. S. 29; *Rapports sur deux questions a discuter au Congres penitentiaire internationale, qui aura Cieu a Rome en 1885 / Par S.P. Yakowlew. Moscou, 1885.*
- ³² Sm.: A.L. Svod reshenij Mezhdunarodnyh tjurennyh kongressov // Tjurennyj vestnik. 1894. № 5. S. 251–253; Международный тюремный конгресс в Риме. Отчет начальника ГТУ. СПб., 1885. С. 44–45.

- ³³ См.: Лушников А. Петербургский тюремный конгресс. Б/м. Б/г. С. 1.
- ³⁴ См.: Фойницкий И. Пенитенциарный конгресс в Риме. С. 359.
- ³⁵ См.: Дриль Д. Уголовная ответственность малолетних // Юридический вестник. 1890. Т. 4. Кн. 2. С. 389.
- ³⁶ См.: Подготовительные работы С.-Петербургского юридического общества к IV Международному пенитенциарному конгрессу в С.-Петербурге // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 3. С. 83–103.
- ³⁷ См.: Международный пенитенциарный конгресс и вопрос о преступных детях // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 773.
- ³⁸ См.: IV Международный пенитенциарный конгресс в С.-Петербурге // Бюллетень, издаваемый секретариатом конгресса. 1890. № 5. С. 3–4.
- ³⁹ См.: Дриль Д. Уголовная ответственность малолетних. С. 395; IV Международный тюремный конгресс в С.-Петербурге. С. 4.
- ⁴⁰ См.: Дриль Д. Уголовная ответственность малолетних. С. 398.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 397.
- ⁴² См.: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с социологией. СПб., 1910. С. 259–360.
- ⁴³ См.: Сорокин В. Педагогические размышления, вызванные решениями Тюремного конгресса // Педагогический сборник. 1890. XI. С. 398; Случевский В. Международный тюремный конгресс в С.-Петербурге. С. 54.
- ⁴⁴ См.: Сорокин В. Педагогические размышления, вызванные решениями Тюремного конгресса. С. 398–399; Международный пенитенциарный конгресс и вопрос о преступных детях // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 774–775.
- ⁴⁵ См.: Случевский В.К. С.-Петербургский международный тюремный конгресс. С. 32.
- ⁴⁶ См.: IV Международный тюремный конгресс в С.-Петербурге. 1890. С. 3.
- ⁴⁷ См.: Доклад директора колонии В.И. Виноградова о поездке в 1890 г. на IV Международный конгресс.... Н. Новгород, 1890. С. 15–16.
- ⁴⁸ См.: IV Международный тюремный конгресс в С.-Петербурге // Юридическая летопись. 1890. № 8. С. 113–140.
- ⁴⁹ См.: Гольденвейзер А.С. Современная система наказаний и ее будущность по трудам Парижского пенитенциарного конгресса. Киев, 1896. С. 11; Тюремный вестник. 1895. № 11. С. 551; Протокол сообщения И.Я. Фойницкого о Парижском пенитенциарном международном конгрессе // Журнал юридического общества. 1896. Кн. 5. С. 27.
- ⁵⁰ См.: Закревский И.П. Пятый международный пенитенциарный конгресс // Журнал Министерства юстиции. 1894/95. № 10. С. 143–144; Международный тюремный конгресс в Париже // Тюремный вестник. 1895. № 9. С. 462.
- ⁵¹ См.: Духовской М.В. Парижский пенитенциарный конгресс по поводу малолетних и несовершеннолетних // Труды IV Съезда представителей русских исправительных заведений. М., 1890. С. 301.
- ⁵² См.: Жижиленко А. Вопросы о нищенстве и бродяжничестве на Международном пенитенциарном конгрессе в Париже 1895 г. // Трудовая помощь. 1898. XI. С. 476–489; XII. С. 596–614.
- ⁵³ См.: Духовской М.В. Парижский пенитенциарный конгресс по поводу малолетних и несовершеннолетних. С. 302–306.
- ⁵⁴ См.: Bulletin de la commission penitentiare internationale. Livre // Mai. 1895. P. 381.
- ⁵⁵ См.: Международный тюремный конгресс в Париже // Тюремный вестник. 1895. № 8. С. 477.
- ⁵⁶ См.: Духовской М.В. Парижский пенитенциарный конгресс по поводу малолетних и несовершеннолетних С. 307–311; Решения V Международного тюремного конгресса // Тюремный вестник. 1895. № 7. С. 367.
- ⁵⁷ См.: Дриль Д. Итоги международного конгресса в Брюсселе // Журнал министерства юстиции. 1900. XI. С. 3–4; Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе // Вестник права. 1901. № 3. С. 130–131.
- ⁵⁸ См.: Дриль Д. Итоги международного конгресса в Брюсселе. С. 7.
- ⁵⁹ См.: Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе // Вестник права. 1901. № 4. С. 95–98.
- ⁶⁰ См.: Международная тюремная комиссия // Тюремный вестник. 1897. № 10. С. 495–496.
- ⁶¹ См.: Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе. С. 125.
- ³³ Sm.: Lushnikov A. Peterburgskij tjuremnyj kongress. B/m. B/g. S. 1.
- ³⁴ Sm.: Fojnickij I. Penitencijarnyj kongress v Rime. S. 359.
- ³⁵ Sm.: Dril' D. Ugolovnaja otvetstvennost' maloletnih // Juridicheskij vestnik. 1890. T. 4. Kn. 2. S. 389.
- ³⁶ Sm.: Podgotovitel'nye raboty S.-Peterburgskogo juridicheskogo obwestva k IV Mezhdunarodnomu penitencijarnomu kongressu v S.-Peterburge // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1890. № 3. S. 83–103.
- ³⁷ Sm.: Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress i vopros o prestupnyh detjah // Vestnik Evropy. 1890. № 6. S. 773.
- ³⁸ Sm.: IV Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress v S.-Peterburge // Bjulleten', izdavaemyj sekretariatom kongressa. 1890. № 5. S. 3–4.
- ³⁹ Sm.: Dril' D. Ugolovnaja otvetstvennost' maloletnih. S. 395; IV Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v S.-Peterburge. S. 4.
- ⁴⁰ Sm.: Dril' D. Ugolovnaja otvetstvennost' maloletnih. S. 398.
- ⁴¹ Sm.: Tam zhe. S. 397.
- ⁴² Sm.: Gogel' S.K. Kurs ugolovnoj politiki v svjazi s sociologiej. SPb., 1910. S. 259–360.
- ⁴³ Sm.: Sorokin V. Pedagogicheskie razmyshlenija, vyzvannye reshenijami Tjuremnogo kongressa // Pedagogicheskij sbornik. 1890. XI. S. 398; Sluchevskij V. Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v S.-Peterburge. S. 54.
- ⁴⁴ Sm.: Sorokin V. Pedagogicheskie razmyshlenija, vyzvannye reshenijami Tjuremnogo kongressa. S. 398–399; Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress i vopros o prestupnyh detjah // Vestnik Evropy. 1890. № 6. S. 774–775.
- ⁴⁵ Sm.: Sluchevskij V.K. S.-Peterburgskij mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress. S. 32.
- ⁴⁶ Sm.: IV Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v S.-Peterburge. 1890. S. 3.
- ⁴⁷ Sm.: Doklad direktora kolonii V.I. Vinogradova o poezdke v 1890 g. na IV Mezhdunarodnyj kongress.... N. Novgorod, 1890. S. 15–16.
- ⁴⁸ Sm.: IV Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v S.-Peterburge // Juridicheskaja letopis'. 1890. № 8. S. 113–140.
- ⁴⁹ Sm.: Gol'denvejzer A.S. Sovremennaja sistema nakazanzij i ee buduwnost' po trudam Parizhskogo penitencijarnogo kongressa. Kiev, 1896. S. 11; Tjuremnyj vestnik. 1895. № 11. S. 551; Protokol soobwenija I.Ja. Fojnickogo o Parizhskom penitencijarnom mezhdunarodnom kongresse // Zhurnal juridicheskogo obwestva. 1896. Kn. 5. S. 27.
- ⁵⁰ Sm.: Zakrevskij I.P. Pjatyj mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress // Zhurnal Ministerstva justicii. 1894/95. № 10. S. 143–144; Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v Parizhe // Tjuremnyj vestnik. 1895. № 9. S. 462.
- ⁵¹ Sm.: Duhovskoj M.V. Parizhskij penitencijarnyj kongress po povodu maloletnih i nesovershennoletnih // Trudy IV S#ezda predstavitelej russkih ispravitel'nyh zavedenij. M., 1890. S. 301.
- ⁵² Sm.: Zhizhilenko A. Voprosy o niwenstve i brodzazhnichestve na Mezhdunarodnom penitencijarnom kongresse v Parizhe 1895 g. // Trudovaja pomow'. 1898. XI. S. 476–489; XII. S. 596–614.
- ⁵³ Sm.: Duhovskoj M.V. Parizhskij penitencijarnyj kongress po povodu maloletnih i nesovershennoletnih. S. 302–306.
- ⁵⁴ Sm.: Bulletin de la commission penitentiare internationale. Livre // Mai. 1895. P. 381.
- ⁵⁵ Sm.: Mezhdunarodnyj tjuremnyj kongress v Parizhe // Tjuremnyj vestnik. 1895. № 8. S. 477.
- ⁵⁶ Sm.: Duhovskoj M.V. Parizhskij penitencijarnyj kongress po povodu maloletnih i nesovershennoletnih S. 307–311; Reshenija V Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa // Tjuremnyj vestnik. 1895. № 7. S. 367.
- ⁵⁷ Sm.: Dril' D. Itogi mezhdunarodnogo kongressa v Brjussele // Zhurnal ministerstva justicii. 1900. XI. S. 3–4; Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress v Brjussele // Vestnik prava. 1901. № 3. S. 130–131.
- ⁵⁸ Sm.: Dril' D. Itogi mezhdunarodnogo kongressa v Brjussele. S. 7.
- ⁵⁹ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress v Brjussele // Vestnik prava. 1901. № 4. S. 95–98.
- ⁶⁰ Sm.: Mezhdunarodnaja tjuremnaja komissija // Tjuremnyj vestnik. 1897. № 10. S. 495–496.
- ⁶¹ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress v Brjussele. S. 125.

- ⁶² См.: Дриль Д. Итоги международного тюремного конгресса в Брюсселе // Журнал министерства юстиции. 1900. № 11. С. 9–10.
- ⁶³ См.: Христианович А. Шестой пенитенциарный конгресс // Тюремный вестник. 1901. № 3. С. 163–165.
- ⁶⁴ См.: Жижиленко А.А. Международный тюремный конгресс в Брюсселе. С. 130–133.
- ⁶⁵ См.: Дриль Д. Международный тюремный конгресс // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 1. С. 15–19.
- ⁶⁶ См.: Жижиленко А.А. Международный тюремный конгресс в Брюсселе. С. 133.
- ⁶⁷ См.: Христианович А. Шестой пенитенциарный конгресс. С. 165.
- ⁶⁸ См.: Дриль Д. Международный тюремный конгресс. С. 20–23.
- ⁶⁹ См.: Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе. С. 136–137.
- ⁷⁰ См.: Гундеггер М. Заседания Международной тюремной комиссии в Будапеште в 1904 г. // Тюремный вестник. 1905. № 2. С. 129–133.
- ⁷¹ См.: Малинин Ф. VII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 г. // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9. С. 214–218.
- ⁷² См.: З.Ш. VII Международный пенитенциарный конгресс в Будапеште в 1905 г. // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 4. С. 320–322.
- ⁷³ См.: Дриль Д. Меры борьбы с преступностью // Право. 1905. № 4. Стб. 215.
- ⁷⁴ См.: Там же. Стб. 218.
- ⁷⁵ См.: Пенитенциарный конгресс в Вашингтоне 1910 года // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 1. С. 207–209.
- ⁷⁶ См.: Постановление VIII Международного тюремного конгресса, состоявшегося 2–8 октября 1910 г. в Вашингтоне // Тюремный вестник. 1910. № 10. С. 1286–1287; Набоков В.К. Открытию Международного тюремного конгресса в Вашингтоне // Право. 1910. № 38. Стб. 2219–2220.
- ⁷⁷ См.: Постановление VIII Международного тюремного конгресса, состоявшегося 2–8 октября 1910 г. в Вашингтоне. С. 1289–1290.
- ⁷⁸ См.: Официальные сведения о VIII Тюремном конгрессе в Вашингтоне // Тюремный вестник. 1909. № 4. С. 395.
- ⁷⁹ См.: Доклады, представленные на VIII Международный тюремный конгресс в Вашингтоне Московским городским Руквишниковским приютом // Тюремный вестник. 1910. № 8–9. С. 1075–1079.
- ⁸⁰ См.: Гольденвейзер А.С. Вопросы о малолетних на Международном пенитенциарном конгрессе в Вашингтоне. С. 10–11.
- ⁸¹ См.: Люблинский П.И. Международный тюремный конгресс в Вашингтоне // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 3. С. 101.
- ⁸² См.: Дриль Д. Следует ли учреждать специальные заведения для проявляющих опасные в нравственном отношении наклонности, для ненормальных, отсталых и слабоумных детей (Доклад VIII Международному тюремному конгрессу в Вашингтоне) // Тюремный вестник. 1910. № 3. С. 436–440; Доклады, представленные на VIII Международный тюремный конгресс в Вашингтоне Московским городским Руквишниковским приютом. С. 1079–1081.
- ⁸³ См.: Постановление VIII Международного тюремного конгресса, состоявшегося 2–8 октября 1910 г. в Вашингтоне. С. 1292.
- ⁸⁴ См.: Гольденвейзер А.С. Вопросы о малолетних на Международном пенитенциарном конгрессе в Вашингтоне. С. 32–33; Доклады, представленные на VIII Международный тюремный конгресс в Вашингтоне Московским городским Руквишниковским приютом. С. 1081–1087.
- ⁸⁵ См.: Постановление VIII Международного тюремного конгресса, состоявшегося 2–8 октября 1910 г. в Вашингтоне. С. 1293; Доклады, представленные на VIII Международном конгрессе в Вашингтоне Московским городским Руквишниковским приютом. С. 1087–1089.
- ⁸⁶ Доклады, представленные на VIII Международный конгресс в Вашингтоне Московским городским Руквишниковским приютом. С. 1089–1093.
- ⁸⁷ См.: Официальные сведения о VIII тюремном конгрессе в Вашингтоне // Тюремный вестник. 1904. № 4. С. 396.
- ⁸⁸ Случевский В.К. С.-Петербургский международный тюремный конгресс. С. 21–22.
- ⁶² Sm.: Dril' D. Itogi mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa v Brjussele // Zhurnal ministerstva justicii. 1900. № 11. S. 9–10.
- ⁶³ Sm.: Hristianovich A. Shestoj penitenciarnyj kongress // Tjurementnyj vestnik. 1901. № 3. S. 163–165.
- ⁶⁴ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Brjussele. S. 130–133.
- ⁶⁵ Sm.: Dril' D. Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress // Zhurnal Ministerstva justicii. 1900. № 1. S. 15–19.
- ⁶⁶ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Brjussele. S. 133.
- ⁶⁷ Sm.: Hristianovich A. Shestoj penitenciarnyj kongress. S. 165.
- ⁶⁸ Sm.: Dril' D. Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress. S. 20–23.
- ⁶⁹ Sm.: Zhizhilenko A.A. Mezhdunarodnyj penitenciarnyj kongress v Brjussele. S. 136–137.
- ⁷⁰ Sm.: Gundegger M. Zasedaniya Mezhdunarodnoj tjuremnoj komissii v Budapeshte v 1904 g. // Tjurementnyj vestnik. 1905. № 2. S. 129–133.
- ⁷¹ Sm.: Malinin F. VII Mezhdunarodnyj penitenciarnyj kongress v Budapeshte v 1905 g. // Zhurnal Ministerstva justicii. 1902. № 9. S. 214–218.
- ⁷² Sm.: Z.Sh. VII Mezhdunarodnyj penitenciarnyj kongress v Budapeshte v 1905 g. // Zhurnal Ministerstva justicii. 1904. № 4. S. 320–322.
- ⁷³ Sm.: Dril' D. Mery bor'by s prestupnost'ju // Pravo. 1905. № 4. Stb. 215.
- ⁷⁴ Sm.: Tam zhe. Stb. 218.
- ⁷⁵ Sm.: Penitenciarnyj kongress v Vashingtone 1910 goda // Zhurnal Ministerstva justicii. 1909. № 1. S. 207–209.
- ⁷⁶ Sm.: Postanovleniya VIII Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa, sostojavshegosja 2–8 oktjabrja 1910 g. v Vashingtone // Tjurementnyj vestnik. 1910. № 10. S. 1286–1287; Nabokov V.K. Otkrytiju Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa v Vashingtone // Pravo. 1910. № 38. Stb. 2219–2220.
- ⁷⁷ Sm.: Postanovleniya VIII Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa, sostojavshegosja 2–8 oktjabrja 1910 g. v Vashingtone. S. 1289–1290.
- ⁷⁸ Sm.: Oficial'nye svedenija o VIII Tjurementnom kongresse v Vashingtone // Tjurementnyj vestnik. 1909. № 4. S. 395.
- ⁷⁹ Sm.: Doklady, predstavlennye na VIII Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Vashingtone Moskovskim gorodskim Rukavishnikovskim prijutom // Tjurementnyj vestnik. 1910. № 8–9. S. 1075–1079.
- ⁸⁰ Sm.: Gol'denvejzer A.S. Voprosy o maloletnih na Mezhdunarodnom penitenciarnom kongresse v Vashingtone. S. 10–11.
- ⁸¹ Sm.: Ljublinskij P.I. Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Vashingtone // Zhurnal Ministerstva justicii. 1911. № 3. S. 101.
- ⁸² Sm.: Dril' D. Sleduet li uchrezhdat' special'nye zavedeniya dlja pojavljajuwih opasnye v nrvastvennom otnoshenii naklonnosti, dlja nenormal'nyh, otstalych i slaboumnyh detej (Doklad VIII Mezhdunarodnomu tjurementnomu kongressu v Vashingtone) // Tjurementnyj vestnik. 1910. № 3. S. 436–440; Doklady, predstavlennye na VIII Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Vashingtone Moskovskim gorodskim Rukavishnikovskim prijutom. S. 1079–1081.
- ⁸³ Sm.: Postanovleniya VIII Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa, sostojavshegosja 2–8 oktjabrja 1910 g. v Vashingtone. S. 1292.
- ⁸⁴ Sm.: Gol'denvejzer A.S. Voprosy o maloletnih na Mezhdunarodnom penitenciarnom kongresse v Vashingtone. S. 32–33; Doklady, predstavlennye na VIII Mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress v Vashingtone Moskovskim gorodskim Rukavishnikovskim prijutom. S. 1081–1087.
- ⁸⁵ Sm.: Postanovleniya VIII Mezhdunarodnogo tjuremnogo kongressa, sostojavshegosja 2–8 oktjabrja 1910 g. v Vashingtone. S. 1293; Doklady, predstavlennye na VIII Mezhdunarodnom kongresse v Vashingtone Moskovskim gorodskim Rukavishnikovskim prijutom. S. 1087–1089.
- ⁸⁶ Doklady, predstavlennye na VIII Mezhdunarodnyj kongress v Vashingtone Moskovskim gorodskim Rukavishnikovskim prijutom. S. 1089–1093.
- ⁸⁷ Sm.: Oficial'nye svedenija o VIII tjurementnom kongresse v Vashingtone // Tjurementnyj vestnik. 1904. № 4. S. 396.
- ⁸⁸ Sluchevskij V.K. S.-Peterburgskij mezhdunarodnyj tjurementnyj kongress. S. 21–22.

В.А. Соллогуб и его эксперименты в области организации труда арестантов

В.Б. ЛЕБЕДЕВ – доцент кафедры философии и истории Псковского юридического института ФСИН России, кандидат исторических наук;

Е.В. СТЕПАНОВА – курсант третьего курса Псковского юридического института ФСИН России

В статье рассматривается деятельность известного русского писателя Владимира Александровича Соллогуба в качестве руководителя эксперимента, целью которого было создание эффективной модели исправительного учреждения нового типа. Эксперимент был начат в 1865 г. на базе Московской исправительной тюрьмы и являлся важным этапом в процессе разработки проекта преобразования отечественной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: В.А. Соллогуб; тюрьма; арестант; реформа; XIX век; история уголовно-исполнительной системы.

V.A. Sollogub and his experiments in the field of the convict labour organization

V.B. LEBEDEV – candidate of historical sciences associate professor of philosophy and history of the Pskov legal institute of Federal service of execution of punishments of Russia;

E.V. STEPANOVA – cadet of a third year of the Pskov legal institute of Federal service of execution of punishments of Russia

The article is concerned with the work of the noted Russian writer Vladimir Alexandrovich Sollogub as the project manager to create the effective model of a new type correction facility. The experiment was started in 1865 on the basis of the Moscow bridewell and was an important stage in the development process of the Russian correctional system reform.

Key words: V.A. Sollogub; prison; prisoner; reform; the 19th century; the history of correctional system.

Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. затронули и отечественную пенитенциарную систему. Российская общественность была хорошо осведомлена о несоответствии мест лишения свободы их основным задачам и желала их скорейшего исправления. Экономически развитые страны Западной Европы, в кругу которых стремилась оказаться и Россия, уже в 30-х гг. XIX в. отказались от попыток исправления преступников исключительно филантропическими методами и перешли к дорогостоящим опытам по созданию совершенной пенитенциарной системы. Под влиянием западной пенитенциарной мысли находились и представители государственного аппарата Российской империи. Попытки Николая I и его окружения в 1830–1840-е гг. ввести в российскую карательную систему «исправительные элементы» были по достоинству

оценены исследователями тюремного вопроса в период Великих реформ¹.

В ходе подготовки и осуществления судебной реформы 1864 г. в министерских кругах была осознана необходимость усовершенствовать систему содержания под стражей подсудимых и исправления осужденных. По замечанию В.Н. Юферова, «со введением судебной реформы нормальное число арестантов определилось и оказалось значительно превышающим имеющиеся помещения; с отменой же розог наказание потеряло для нашей массы свой устрашающий характер, и даровое помещение, даровый корм, даровая одежда сделались для известного испорченного контингента привлекающим элементом, противовесом которого не может служить, при существующих тюремных условиях, одно лишение свободы»².

В 1862 г. начала свою деятельность Особая комиссия по преобразованию тюремной системы под председательством товарища министра юстиции графа К.И. Палена. По инициативе комиссии было проведено исследование состояния российской пенитенциарной системы, результаты которого были обнародованы в 1865 г.³ За границу для изучения передового опыта были командированы чиновники по особым поручениям при Министерстве внутренних дел: надворный советник М.Н. Галкин-Враской (впоследствии возглавивший Главное тюремное управление) и коллежский секретарь А.В. Пассек⁴.

Активное участие в обсуждении хода реформы представителей российской интеллигенции и рост в ее среде интереса к проблемам криминологии способствовали зарождению и развитию в 60-х гг. XIX в. отечественной пенитенциарной науки, перед которой стояла задача определения направления развития пенитенциарной системы России. В условиях отсутствия признанных отечественных специалистов по проблемам исполнения наказаний в центре дискуссий о будущем российской уголовно-исполнительной системы оказывались люди, не имевшие в прошлом опыта практической работы с арестантами. Так, в числе основателей отечественной пенитенциарной науки оказался известный писатель Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882).

Получив основы юридического образования в Дерптском университете, В.А. Соллогуб вошел в круг таких литераторов, как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, И.С. Тургенев, Е.А. Баратынский и М.Ю. Лермонтов. Свою служебную карьеру Соллогуб начал в качестве чиновника по особым поручениям при тверском губернаторе. Обладая солидным состоянием, граф в молодые годы не проявлял особого служебного рвения, предпочитая службе светский образ жизни⁵.

В.А. Соллогуб был особенно популярен как беллетрист в начале 1840-х гг. В эти же годы он делает служебную карьеру и к 1848 г. становится коллежским советником⁶. В 1850-х гг. литературная слава Соллогуба была уже не столь велика. В воспоминаниях современников этого времени Соллогуб характеризуется как человек несерьезный и несолидный. Продвигаясь по чиновной лестнице, он не имел постоянного штатного места. В начале царствования Александра II В.А. Соллогуб – действительный статский советник и камергер. В эти годы он ак-

тивно занимался устройством театров, был командирован с целью изучения этого предмета за границу⁷.

В литературных произведениях Соллогуба вопросы, связанные с жизнью российской тюрьмы, не нашли практически никакого отражения. По собственному признанию В.А. Соллогуба, к тюремной проблематике он впервые обратился с целью доказать наличие у него способности к самостоятельной административной деятельности. Знакомство с делом М.Н. Галкин-Враской, на которого Министерство внутренних дел возлагало определенные надежды, ходатайствовал перед министром П.А. Валуевым за В.А. Соллогуба, как за чиновника, способного энергично взяться за проведение эксперимента, целью которого было получение действующей образцовой модели исправительного заведения нового типа⁸. В 1865 г. произошло первое знакомство В.А. Соллогуба с Московским смирительно-рабочим домом, во главе которого ему предстояло находиться с 1865 по 1872 гг.⁹

В.А. Соллогуб не получил штатной должности, считаясь чиновником, состоявшим при Министерстве внутренних дел¹⁰. Руководство Московским смирительным и рабочим домом он осуществлял, занимая «общественную» должность директора Московского попечительного о тюрьмах комитета.

В.А. Соллогуб с усердием берется за организацию арестантских работ, знакомится с новейшей литературой по организации тюремного дела за рубежом, интересуется ходом эксперимента в срочной тюрьме в Санкт-Петербурге¹¹.

Соллогубом было подсчитано, что арестант, чтобы окупить свое пребывание в тюрьме, должен производить в пользу государства ежедневно работ на сумму в 20 копеек. На деле российские арестанты отработывали едва ли сотую часть этой суммы¹². В то же время, по его мнению, тюремный труд имел два преимущества перед трудом вольнонаемных рабочих: относительная дешевизна и наличие гарантий выполнения работ.

Основными препятствиями в деле развития арестантского труда В.А. Соллогуб считал его чрезвычайно низкую оплату, а также отсутствие в пенитенциарной теории и практике дифференцированного подхода к организации арестантских работ в зависимости от их конечной цели. Согласно российскому законодательству арестант получал на руки 1/3 от заработанной суммы, что, по мнению

Соллогуба, являлось недостаточным стимулом для отказа от праздного времяпрепровождения в пользу работы.

Необходимо отметить, что В.А. Соллогуб считал естественным подразделение труда заключенных на три вида: карательный (тяжелая физическая работа), дисциплинарный (механическая работа в помещении) и поощрительный (ремесленные работы, предполагающие освоение новой профессии). Эти работы для доступности понимания малограмотных арестантов Соллогуб предложил именовать «черными», «серыми» и «белыми». По мере исправления арестант должен был перемещаться по «тюремной иерархии», получая доступ к более выгодным для него работам. Если карательный труд был безвозмездным, дисциплинарный давал заключенному возможность получить в свою пользу 1/3 заработка, то поощрительный труд предполагал, что 2/3 заработанных денег перейдут в распоряжение арестантов. Заработанные деньги должны были составить неприкосновенный капитал арестанта, который он получал, выходя на волю.

Таким образом, проведя несколько лет в пенитенциарном учреждении, осужденный получал нужную обществу профессию и первоначальный капитал на обзаведение собственными инструментами, что, по глубокому убеждению реформатора, служило лучшей гарантией от рецидива¹³.

Являясь сторонником разработки отечественной пенитенциарной системы, учитывая особенности менталитета русского человека, Соллогуб тем не менее выступал за перенос на русскую почву ирландской системы поощрений заключенных. По его мнению, указанная система была нужна для «возбуждения еще большей ревности к работе»¹⁴. За отличное поведение арестант, по замыслу В.А. Соллогуба, должен был получать специальную нашивку, которой мог лишиться за любой проступок. Ношение такой нашивки в течение определенного времени давало бы арестанту возможность сократить срок своего заключения¹⁵.

Главным своим практическим нововведением директор Московского попечительного о тюрьмах комитета считал организацию ремесленных арестантских артелей для осуществления «белых» работ. Артели стали «краеугольным камнем» системы тюремных работ, организованных Соллогубом. Они соответствовали основам народного быта, их существование позволяло государству обходиться при организации работ минимумом усилий. Однако оборотной стороной

эффективности артелей были коренившиеся в тех же основах народного быта традиции артельного самоуправления. В.А. Соллогуб в подведомственном ему учреждении не только дал возможности артелям избирать своих старост и казначеев, но и предоставил им право самостоятельно, в случае совершения серьезных проступков, производить следственные действия, устанавливать виновных и производить физическую расправу¹⁶.

Уже в течение первого года своей деятельности в тюремном ведомстве граф Соллогуб добился серьезных успехов. В Московском смиренно-рабочем доме, численность заключенных в котором составляла около 200 чел., было организовано 7 артелей: сапожная, картузная, чунная (по изготовлению суконных туфель), переплетная, швальная и женская чулочная¹⁷. Считая главной задачей тюрьмы исправление, а не получение дохода, Соллогуб пришел к выводу, что в отдельных случаях арестанту следует не только выплачивать полную сумму заработанных денег, но и предоставлять дополнительное денежное вознаграждение. Таким образом, ежегодный доход арестанта должен был составить 100 руб. – достаточную для заведения собственного дела сумму. Выдать ему на руки меньшую сумму – значит ввести его в соблазн промотать деньги, в результате чего арестант вернется в прежнее состояние¹⁸.

По итогам первого года эксперимента Соллогуб пришел к двум выводам, которые легли в основу его воззрений на реформирование русской тюрьмы. Во-первых, человек, попавший в тюрьму, продолжает оставаться личностью, имеющей свои понятия о чести, совести и достоинстве. Именно поэтому невозможно создать эффективную систему исправления осужденных, не соответствующую принципам гуманизма, игнорирующую наличие у заключенных тщеславия, честолюбия, усердия и других качеств, присущих людям на воле. Необходимо отказаться от бессмысленных притеснений (система молчания, бесцельные работы, оскорбления). Во-вторых, при создании исправительной тюрьмы необходимо учитывать такое свойство русской природы, как склонность к «товариществу». Отсюда одна из основных задач разработчиков тюремной реформы – «избегнуть порочных последствий товарищества» и «воспользоваться его хорошими сторонами». Так, по мнению Соллогуба, одиночное заключение губительно для русского мужика, а работа в артели с ее круго-

вой порукой, напротив, имеет воспитательный эффект¹⁹.

В 1866 г. Московский смирительно-рабочий дом был изъят из ведомства Попечительного совета и передан в ведение Московского губернского правления²⁰. В марте 1866 г. граф В.А. Соллогуб был представлен к чину тайного советника (III класс), что свидетельствует о высокой оценке результатов московского эксперимента министром внутренних дел. Однако, как следует из содержания писем В.А. Соллогуба М.Н. Галкину-Враскому, он ожидал более существенной награды – назначения на должность в министерство, открывающую новые перспективы для карьерного роста²¹.

Тем не менее Соллогуб продолжил свою работу над благоустройством Московского смирительно-рабочего дома. Им были организованы так называемые «черные» работы на разбитом при тюрьме огороде, запрашивались средства на дальнейшую перестройку зданий, были созданы тюремная библиотека и школа. Часть денежных средств на благоустройство исправительного заведения было пожертвовано самим В.А. Соллогубом²².

Вместе с педагогом Ф. Савенко В.А. Соллогуб разработал учебные курсы как для неграмотных арестантов, так и для осужденных, умеющих читать и писать. Программа курсов включала в себя помимо прочих предметов географию, историю и пение по цифирному способу. Граф поощрял использование педагогами передовых методик обучения и являлся поборником проведения с арестантами воскресных бесед, посвященных «технологическим сведениям»²³. К сентябрю 1866 г. было закончено строительство здания женского отделения смирительно-рабочего дома, которое В.А. Соллогуб с гордостью называл первой в России женской тюрьмой²⁴.

О результатах своей деятельности в качестве попечителя Московского смирительно-рабочего дома В.А. Соллогуб написал в статье «Об организации в России тюремного труда», которая, по словам самого автора, получила высокую оценку ряда известных российских юристов²⁵.

Статья вышла в свет с подстрочными примечаниями редактора, ставящими под сомнение некоторые теоретические выкладки автора. По мнению М.Н. Галкина-Враского, подстрочные примечания редактора были сделаны либо по указаниям министра внутренних дел П.А. Валуева, либо им самим²⁶. В ноябре 1866 г. В.А. Соллогуб высылает

М.Н. Галкину-Враскому свое письмо о тюремной реформе, желая напечатать его в издании «Вести», и просит предварительно показать министру²⁷.

Достигнув успеха в своем эксперименте, Соллогуб, по собственному признанию, начинает «томиться бездельем», тяготясь должностью фактического начальника тюрьмы. Эксперимент подтвердил жизнеспособность предложенной модели пенитенциарного учреждения, и его руководитель ожидал внедрения экономически оправдавшей себя модели в масштабах всей страны. В июле 1867 г. Соллогуб открыто написал М.Н. Галкину-Враскому: «Я бы желал, чтобы весь тюремный вопрос был отделен от департамента полиции исполнительной и передан мне в качестве члена совета с докладом министру. Тогда можно будет двигать многое. А если я останусь дилетантом, докучающим директору, начальникам отделения и столоначальникам, которые, чтобы исполнять дела, будут громоздить противоречия, то право игра не стоит свеч»²⁸. На должность начальника создаваемого тюремного управления В.А. Соллогуб мог рассчитывать лишь в том случае, если бы он получил должность губернатора²⁹.

В 1867 г. в Санкт-Петербурге была открыта исправительная срочная тюрьма, рассчитанная на 600 заключенных. Попечителем этого пенитенциарного учреждения стал М.Н. Галкин-Враской. При разработке тюремных порядков были учтены результаты московского эксперимента Соллогуба. Галкин, отказавшись от идеи организации арестантских артелей и артельных попечителей (закупкой материалов и реализацией продукции занимались сотрудники тюрьмы), тем не менее взял на вооружение саму идею разделения работ на «черные», «серые» и «белые». Арестанты, как и в Московском смирительно-рабочем доме, рассчитывались по заведенным книжкам, деньги так же хранились под присмотром казначея-арестанта в специальном ящике и выдавались на руки лишь при выходе заключенного на волю. По аналогии с учреждением Соллогуба вводилось ночное разъединение. Введенная в тюрьме система молчания, затруднившая работы в мастерских, была отменена³⁰. В итоге именно М.Н. Галкин-Враский, получивший за свои успехи в организации работы экспериментальной срочной тюрьмы назначение на должность губернатора Эстляндии, стал рассматриваться в министерских кругах

как наиболее подходящий кандидат на должность руководителя тюремного ведомства.

Весь 1867 г. Соллогуб занимался главным образом пропагандой в периодической печати выработанной им системы перевоспитания заключенных³¹. В октябре 1868 г. Соллогуб просил нового министра внутренних дел Е.А. Тимашева командировать для оценки результатов его деятельности комиссию во главе с товарищем министра А.Б. Лобановым-Ростовским или М.Н. Галкиным-Врасским³².

В 1869 г. Соллогуб был включен в состав Особой комиссии под председательством товарища министра внутренних дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского, главной целью которой стали подготовительные работы по составлению проекта положения об исправительных тюрьмах³³. Члены комиссии дали высокую оценку результатам проведенного в Московском смирительно-рабочем доме эксперимента. В справке, приведенной в «Правительственном вестнике», указывалось, что за три с половиной года в этом учреждении сложилась устойчивая система организации работ, приносящая прибыль казне. Работы были разделены на неоплачиваемые принудительные (до 10 часов в день) и добровольные. От воли арестантов зависел переход к дисциплинарному или ремесленному труду. За дисциплинарный труд арестант получал 1/3 заработка. За ремесленную работу – 2/3, но лишь по достижении статуса мастера в своем ремесле; ученики должны были работать бесплатно. Важную роль в организации работ играли артельные учредители, которые доставляли артелям заключенных инструмент и материал, принимали вещи и рассчитывались с ними в присутствии начальства. За работами в мастерских наблюдали мастер, начальник тюрьмы и староста артели из

числа арестантов. За время эксперимента арестанты (в среднем 170 чел.) произвели ремесленных работ на общую сумму в 14 125 руб., бесплатных работ по хозяйству – на 10 139 руб. Значительная часть содержащихся изучила ремесла. За четыре года было 34 случая нарушения тюремных правил и только 3 случая рецидива.

Несмотря на то что экономический эффект от организации работ в Московском смирительно-рабочем доме превосходил итоги работы М.Н. Галкина-Враского в Санкт-Петербургской исправительной тюрьме, классификация работ, придуманная Соллогубом, была подвергнута критике и отвергнута. Более правильным было признано разделить тюремный труд на хозяйственный и посторонний, последний же на принудительный и добровольный. К хозяйственному был отнесен ремонт здания, изготовление пищи, стирка белья и т.п., к принудительному – трепанье мочалы и т.п., к добровольному – ремесленные производства. Выплата 2/3 заработка мастерам-ремесленникам показалась членам комиссии по составлению проекта избыточной мерой поощрения, усложняющей к тому же систему расчетов. Посчитав, что ремесленный труд и так является поощрением для арестантов, так как оплачивается выше механических работ, члены комиссии установили единую долю оплаты арестантского труда – 1/3 от заработанной суммы³⁴.

Успешный эксперимент в Московской исправительной тюрьме сделал имя Соллогуба известным специалистам в области тюремного дела как в России, так и за рубежом. Он убедительно продемонстрировал, как российская тюрьма из «школы преступников» может превратиться в безусловно полезное обществу учреждение, отвечающее духу буржуазных реформ.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тальберг Д. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем (Первая часть сочинения «Тюремный вопрос в современном его состоянии, и в частности о положении русских тюрем», удостоенного Советом Университета Св. Владимира золотой медалью). Киев, 1875. С. 28.

² Юферов В.Н. Материалы тюремной статистики в России. СПб., 1873. С. 3.

³ См.: Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. Изданы Министерством Внутренних Дел по сведениям, доставленным от начальников губерний. СПб., 1865.

⁴ См.: Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах // Правительственный вестник. 1870. № 37. С. 1.

⁵ См.: Якушкин Н.И. Писатель с замечательным дарованием // Соллогуб В.А. Повести и рассказы. М., 1988. С. 6–7.

¹ См.: Tal'berg D. Istoricheskij ocherk tjuremnoj reformy i sovremennye sistemy evropejskih tjurem (Pervaja chast' sochinenija «Tjurennyj vopros v sovremennom ego sostojanii, i v chastnosti o polozhenii russkih tjurem», udostoennogo Sovetom Universiteta Sv. Vladimira zolotoj medalii). Kiev, 1875. S. 28.

² Juferov V.N. Materialy tjuremnoj statistiki v Rossii. SPb., 1873. S. 3.

³ См.: Materialy po voprosu o preobrazovanii tjuremnoj chasti v Rossii. Izdany Ministerstvom Vnutrennih Del po svedenijam, dostavlenym ot nachal'nikov gubernij. SPb., 1865.

⁴ См.: Podgotovitel'nye raboty po sostavleniju proekta Polozhenija ob ispravitel'nyh tjur'mah // Pravitel'stvennyj vestnik. 1870. № 37. S. 1.

⁵ См.: Jakushkin N.I. Pisatel' s zamechatel'nym darovaniem // Sollogub V.A. Povesti i rasskazy. M., 1988. S. 6–7.

- ⁶ См.: Там же. С. 12.
- ⁷ См.: Там же. С. 18–19.
- ⁸ См.: Галкин-Враской М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 17–18.
- ⁹ См.: Симатов А.А. Тюремная реформа в России (1860–90-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 92.
- ¹⁰ См.: Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах // Правительственный вестник. 1870. № 37. С. 1.
- ¹¹ См.: Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Грота к М.Н. Галкину-Враскому. СПб., 1901. С. 5, 9, 11.
- ¹² См.: Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда // Северная почта. 1866. № 140. С. 4.
- ¹³ См.: Там же.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ См.: Там же.
- ¹⁶ См.: Там же.
- ¹⁷ См.: Там же.
- ¹⁸ См.: Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Грота к М.Н. Галкину-Враскому. С. 6.
- ¹⁹ См.: Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда. С. 4.
- ²⁰ См.: Московская исправительная тюрьма. Из отчета о деятельности Московской губернской тюремной инспекции за 1892 г. // Тюремный вестник. 1893. № 4. С. 166.
- ²¹ См.: Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Грота к М.Н. Галкину-Враскому. С. 10, 12–13.
- ²² См.: Там же. С. 14, 19–20.
- ²³ См.: Опыт тюремной педагогики, с предисловием графа В.А. Соллогуба. Вып. 1. Азбука гражданская. Составлена учителем арестантской школы Московского смирительного рабочего дома Ф. Савенко. СПб., 1869. С. 5–6.
- ²⁴ См.: Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Грота к М.Н. Галкину-Враскому. С. 24.
- ²⁵ См.: Там же. С. 15, 21.
- ²⁶ См.: Там же. С. 24.
- ²⁷ См.: Там же. С. 28–29.
- ²⁸ Там же. С. 31.
- ²⁹ См.: Там же. С. 29–30.
- ³⁰ См.: Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах // Правительственный вестник. 1870. № 37. С. 2; Хрыпов И.А. Настоящее положение мест заключения в Санкт-Петербурге. Записка директора С.-Петербургского попечительного о тюрьмах комитета Хрыпова. СПб., 1869. С. 19.
- ³¹ См.: Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В.А. Соллогуба и К.К. Грота к М.Н. Галкину-Враскому. С. 35.
- ³² См.: Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах. С. 1.
- ³³ См.: Там же.
- ³⁴ Подготовительные работы по составлению проекта Положения об исправительных тюрьмах // Правительственный вестник. 1870. № 40. С. 2.
- ⁶ Sm.: Tam zhe. S. 12.
- ⁷ Sm.: Tam zhe. S. 18–19.
- ⁸ Sm.: Galkin-Vraskoj M.N. Materialy k izucheniju tjuremnogo voprosa. SPb., 1868. S. 17–18.
- ⁹ Sm.: Simatov A.A. Tjurenjnaja reforma v Rossii (1860–90-eg.) Dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 1998. S. 92.
- ¹⁰ Sm.: Podgotovitel'nye raboty po sostavleniju proekta Polozhenija ob ispravitel'nyh tjur'mah // Pravitel'stvennyj vestnik. 1870. № 37. S. 1.
- ¹¹ Sm.: Materialy k istorii tjuremnoj reformy v Rossii. Pis'ma grafa V.A. Solloguba i K.K. Grota k M.N. Galkinu-Vraskomu. SPb., 1901. S. 5, 9, 11.
- ¹² Sm.: Sollogub V.A. Ob organizacii v Rossii tjuremnogo truda // Severnaja pochta. 1866. № 140. S. 4.
- ¹³ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁴ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁵ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁶ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁷ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁸ Sm.: Materialy k istorii tjuremnoj reformy v Rossii. Pis'ma grafa V.A. Solloguba i K.K. Grota k M.N. Galkinu-Vraskomu. S. 6.
- ¹⁹ Sm.: Sollogub V.A. Ob organizacii v Rossii tjuremnogo truda. S. 4.
- ²⁰ Sm.: Moskovskaja ispravitel'naja tjur'ma. Iz otcheta o dejatel'nosti Moskovskoj gubernskoj tjuremnoj inspekcii za 1892 g. // Tjurennyj vestnik. 1893. № 4. S. 166.
- ²¹ Sm.: Materialy k istorii tjuremnoj reformy v Rossii. Pis'ma grafa V.A. Solloguba i K.K. Grota k M.N. Galkinu-Vraskomu. S. 10, 12–13.
- ²² Sm.: Tam zhe. S. 14, 19–20.
- ²³ Sm.: Opyt tjuremnoj pedagogiki, s predisloviem grafa V.A. Solloguba. Vyp. 1. Azbuka grazhdanskaja. Sostavlena uchitelem arestantskoj shkoly Moskovskogo smiritel'nogo rabocheho doma F. Savenko. SPb., 1869. S. 5–6.
- ²⁴ Sm.: Materialy k istorii tjuremnoj reformy v Rossii. Pis'ma grafa V.A. Solloguba i K.K. Grota k M.N. Galkinu-Vraskomu. S. 24.
- ²⁵ Sm.: Tam zhe. S. 15, 21.
- ²⁶ Sm.: Tam zhe. S. 24.
- ²⁷ Sm.: Tam zhe. S. 28–29.
- ²⁸ Tam zhe. S. 31.
- ²⁹ Sm.: Tam zhe. S. 29–30.
- ³⁰ Sm.: Podgotovitel'nye raboty po sostavleniju proekta Polozhenija ob ispravitel'nyh tjur'mah // Pravitel'stvennyj vestnik. 1870. № 37. S. 2; Hrypov I.A. Nastojawee polozhenie mest zakljuchenija v Sankt-Peterburge. Zapiska direktora S.-Peterburgskogo popechitel'nogo o tjur'mah komiteta Hrypova. SPb., 1869. S. 19.
- ³¹ Sm.: Materialy k istorii tjuremnoj reformy v Rossii. Pis'ma grafa V.A. Solloguba i K.K. Grota k M.N. Galkinu-Vraskomu. S. 35.
- ³² Sm.: Podgotovitel'nye raboty po sostavleniju proekta Polozhenija ob ispravitel'nyh tjur'mah. S. 1.
- ³³ Sm.: Tam zhe.
- ³⁴ Podgotovitel'nye raboty po sostavleniju proekta Polozhenija ob ispravitel'nyh tjur'mah // Pravitel'stvennyj vestnik. 1870. № 40. S. 2.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная школа «Военный плен, интернирование и депортация в годы Второй мировой войны и послевоенный период»¹

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

Одним из динамично развивающихся направлений современной российской историографии является изучение истории военного плена, интернирования и депортаций Второй мировой войны. Вологодские ученые были первыми, кто обратился к этой сложной и трагической теме истории XX в. В данной статье речь пойдет о становлении и развитии вологодской школы истории военного плена, интернирования и депортаций периода Второй мировой войны.

Исследованием судеб иностранных военнопленных вологодские историки начали заниматься еще в 60-е гг. прошлого века. Особая роль здесь принадлежит профессору Вологодского государственного педагогического института Александру Соломоновичу Бланку – автору первых книг по истории антифашистского движения немецких военнопленных. В период Великой Отечественной войны А.С. Бланк работал в лагере НКВД для военнопленных № 160 в г. Суздале в качестве политинструктора и контрразведчика, принимал непосредственное участие в допросах офицеров и генералов вермахта, в том числе фельдмаршала Фридриха Паулюса. Спустя годы личный опыт и литературный талант стали залогом его успешной исследовательской работы.

В 1963 г. А.С. Бланк опубликовал первую монографию об истории Национального комитета «Свободная Германия» – антифашистской организации из числа немецких военнопленных и политэмигрантов, действовавшей на территории СССР с июля 1943 по ноябрь 1945 гг.² Им были выделены основные этапы развития движения, показаны его идеологические основы. Главной целью НКСГ, по мнению А.С. Бланка, было

свержение нацистского режима и создание свободной демократической Германии.

В работах историка был показан сложный и противоречивый процесс переосмысления бывшими неприятельскими военнослужащими своих идейных убеждений и обретения новых идеалов. А.С. Бланк отмечал, что участие в антифашистском движении требовало от военнопленных мужества, так как встречало ожесточенное сопротивление со стороны профашистски настроенных солдат и офицеров. Более того, многим членам НКСГ приходилось работать на передовой в качестве агитаторов, что, по сути, делало их реальными участниками вооруженной борьбы с фашизмом³.

А.С. Бланк впервые указал на массовый характер идеологической обработки немецких военнопленных в СССР, которые рассматривались советским руководством как будущие участники социалистических преобразований в послевоенной Германии⁴. Впервые в книге затрагивалась тема становления диалога между победителями и побежденными. Историк отмечал: «Нередки были случаи, когда с помощью десятка знакомых русских и немецких слов возникала беседа между советскими людьми и немцами... У советского человека – широкая душа, и надо было видеть, как бывал тронут военнопленный, когда трудившийся рядом с ним советский рабочий или колхозник угощал его махоркой или табаком из своего кисета, а нередко и куском пайкового хлеба из скудного довольствия военного времени»⁵. Признание того факта, что не беседы лагерных политработников, а прежде всего особые душевные качества русского человека во многом способствовали изменению

отношения плененных солдат и офицеров вермахта к русскому народу, сквозит в этих строках.

Работы А.С. Бланка получают международное признание и издаются в ГДР, ФРГ, Австрии и других странах. Так, в 1979 г. в Кёльне на немецком языке выходит книга «Немецкие военнопленные в СССР»⁶, в которой в числе прочих был поднят вопрос об условиях содержания обезоруженных солдат и офицеров вермахта в советском плену. Автор отмечал, что пленные обеспечивались всеми необходимыми для жизни средствами – питанием, медикаментами, одеждой, жилыми помещениями в соответствии с международными нормами. Более того, многие советские врачи и медсестры погибли, спасая жизни бывших врагов, от тифа и других опасных болезней. Остается только сожалеть о том, что книга так и не была опубликована в Советском Союзе.

В последние годы жизни А.С. Бланк работал над биографией фельдмаршала Фридриха Паулюса⁷, издание которой в СССР затруднили обстоятельства идеологического характера. Возможно, партийные цензоры посчитали недопустимым показывать известного немецкого военачальника не только как исполнителя преступных приказов фюрера, но и как человека, прошедшего сложный и мучительный путь постижения правды о войне. Итогом этих размышлений стал разрыв бывшего «любимца фюрера» с фашизмом, вступление в антифашистский «Союз немецких офицеров» и движение «Свободная Германия».

Впервые книга «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса» была опубликована в Болгарии и Чехословакии. Впрочем, Александр Соломонович до конца жизни продолжал работать над русскоязычным вариантом этого издания. В январе 1985 г. ученый скоропостижно скончался на 64 году жизни. Незавершенная рукопись, представлявшая собой попытку соединить воспоминания очевидца и исследование историка, художественную прозу и документы, была подготовлена к печати учеником Александра Соломоновича кандидатом исторических наук Б.Л. Хавкиным и выпущена сотысячным тиражом в московском издательстве «Патриот» в 1990 г.

В начале 1990-х гг. идеи и начинания А.С. Бланка обрели «второе дыхание», чему в немалой степени способствовало изменение общественно-политической ситуации в стране в период «перестройки».

Активно разрабатывать проблему военного плена с 1990 г. стал вологодский историк

Виктор Борисович Конасов, к тому времени защитивший кандидатскую диссертацию по деятельности военно-санитарной службы Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Одним из первых он добивается допуска к архивным документам, на которых многие годы стоял гриф «совершенно секретно». В 1991 г. в Вологде вышла небольшая брошюра «Гриф секретности снят (К истории немецких военнопленных в СССР)», в которой автор, опираясь на материалы архива Управления внутренних дел Вологодского облисполкома, по сути дела, впервые в отечественной историографии на региональном комплексе источников попытался рассмотреть ряд вопросов, касавшихся содержания немецких военнопленных в СССР. В частности, автором были подняты вопросы соблюдения СССР положений международных конвенций о защите жертв войны, организации приема и эвакуации военнопленных, организации лагерного быта, труда, медицинского обслуживания, оперативно-розыскной и политической работы⁸.

В июне 1995 г. В.Б. Конасов совместно с профессором Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров В.В. Судаковым выступил в Гамбурге на 26-м Кирхентаге – многотысячном форуме, проводимом раз в два года по инициативе евангелической церкви. Свое выступление вологодские ученые сопроводили демонстрацией выставки «Немецкие военнопленные в Вологодской области», которая вызвала значительный интерес среди немецкой общественности. Отклики на эту выставку, которая в течение двух лет экспонировалась в нескольких городах Германии, были опубликованы на немецком языке отдельной брошюрой⁹. В июне 1997 г. в Лейпциге прошел очередной Кирхентаг, в котором В.Б. Конасов и В.В. Судаков также приняли деятельное участие.

В 1996 г. увидела свет, пожалуй, самая блестящая книга в научной биографии Виктора Борисовича – «Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы»¹⁰. Написанная прекрасным литературным языком и сопровождаемая уникальными архивными документами, она ознаменовала не только новый этап в исторической науке по исследованию проблематики плена, но и продолжила историографическую традицию, заложенную профессором А.С. Бланком, в которой центральное место занимала судьба человека в плену. В данной работе впервые в отечественной историографии

детально раскрывалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы Великой Отечественной войны, анализировались правовые аспекты пребывания немецких военнопленных в лагерях НКВД–МВД, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта из Советского Союза, освещались судьбы ряда представителей высшего немецкого военного командования. Книга вызвала огромный интерес в России и за рубежом¹¹.

В 1997 г. по инициативе Виктора Борисовича, поддержанной администрацией Вологодской области, в Вологде состоялась международная конференция «Проблемы военного плена: история и современность». О значимости этой конференции красноречиво свидетельствовал представительный состав участников и ее высокая оценка российской и зарубежной научной общественностью. По итогам работы конференции был принят ряд важных решений, в том числе о создании постоянной рабочей группы по координации исследований в области военного плена, о публикации сборников документов по истории пребывания иностранных военнопленных в СССР и ряд других. Был дан мощный импульс для дальнейшей разработки истории военного плена Второй мировой войны.

В сентябре 1998 г. в Москве, в Институте военной истории, В.Б. Конасов защитил докторскую диссертацию «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.)»¹². До настоящего времени это наиболее фундаментальное исследование по истории пребывания немецких военнопленных в СССР.

Благодаря усилиям В.Б. Конасова значительно обогатилась источниковая база по истории военного плена Второй мировой войны. Он принимал непосредственное участие в подготовке сборников документов «Немецкие военнопленные в СССР. 1941–1955», «Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР»¹³. Ряд документов о пребывании военнопленных и депортированных лиц на территории Вологодской области нашел отражение в сборнике «На стыке фронта и тыла»¹⁴.

Новые идеи и подходы В.Б. Конасова в области истории военного плена воплотились в монографиях «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР», «Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат», «Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском

Севере СССР», «Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД. 1939–1941 гг.»¹⁵. Положительные рецензии на указанные работы были опубликованы на страницах ведущих научных журналов¹⁶. С 2006 г. Виктор Борисович работал над проектом «Положение советских и немецких военнопленных в годы войны и мира: сравнительный анализ» (при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований). В планах была подготовка обобщающей монографии «Немецкие военнопленные в СССР», но, к сожалению, этому помешала скоропостижная смерть ученого 28 июня 2008 г.

Исследованием малоизученных проблем истории Второй мировой войны в настоящее время занимаются ученики Виктора Борисовича, в том числе доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России А.Л. Кузьминых, преподаватель этой кафедры Н.А. Белова, а также заместитель начальника отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Вологодской области С.И. Старостин. В декабре 2003 г. А.Л. Кузьминых под научным руководством В.Б. Конасова была защищена кандидатская диссертация «Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере СССР: 1939–1949 гг.»¹⁷. В ней на основе комплекса архивных документов была предпринята попытка охватить широкий спектр вопросов истории военного плена в СССР, таких как формирование региональных структур системы УПВИ–ГУПВИ НКВД–МВД СССР, правовой статус военнопленных, особенности их жизнеобеспечения и трудового использования, психология бывших неприятельских военнослужащих, методы политической и оперативно-следственной работы с ними, взаимоотношения пленных с местным населением и лагерным персоналом. На основе диссертации автором была подготовлена монография¹⁸, которая в 2008 г. получила золотую медаль Российской академии наук по итогам Всероссийского конкурса научных работ молодых ученых.

Истории лагерей, тюрем и колоний на Европейском Севере СССР посвятила серию публикаций Н.А. Белова¹⁹. Под научным руководством В.Б. Конасова она подготовила и в 2008 г. защитила диссертацию по теме «Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей)»²⁰.

Проблему депортации советских и иностранных граждан на Европейский Север СССР в 1930–1950 гг. рассматривает в своих работах С.И. Старостин²¹. В поле его исследовательского интереса – раскулаченные крестьяне, а также «наказанные народы» – советские немцы, народы Кавказа, Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики. В 2005 г. в Варшаве вышла книга, повествующая о судьбах польских спецпоселенцев на вологодской земле. Развернутую вступительную статью, подготовленную С.И. Старостиным и А.Э. Гурьяновым, сопровождает полный список польских граждан, оказавшихся на спецпоселении в Вологодской области²².

В 2000-е гг. вологодские историки опубликовали на страницах ведущих российских исторических журналов ряд статей, в которых освещались различные аспекты пребывания военнопленных на территории бывшего СССР и Европейского Севера в частности²³. Малоизученные страницы истории пенитенциарной практики советского государства также нашли отражение в серии сборников, подготовленных кафедрой философии и истории Вологодского института права и экономики²⁴.

Одновременно в Вологде проходит ряд международных, межрегиональных и межвузовских научно-практических конференций и семинаров по истории Второй мировой войны, где большое внимание уделялось проблеме военного плена, интернирования и депортаций. Так, в феврале 2005 г. в Вологодском государственном педагогическом университете состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма». В рамках конференции работала секция «Судьбы депортированных, осужденных и военнопленных: новые документы, новые подходы», на которой с докладами и сообщениями выступили как известные, так и начинающие исследователи истории военного плена и репрессивной политики советского государства²⁵.

В октябре 2005 г. в Вологодской областной универсальной научной библиотеке им. И.В. Бабушкина под эгидой Санкт-Петербургского регионального бюро Фонда имени Конрада Аденауэра состоялся международный научно-практический семинар «Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР», посвященный 50-летию установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией. В работе семи-

нара приняли участие ученые из Австрии, Германии, Финляндии, Швейцарии, Казахстана, Украины, различных регионов России. В рамках семинара был организован круглый стол «Немецкие военнопленные на Европейском Севере СССР», на котором прозвучали доклады В.А. Всеволодова, А.Е. Епифанова, М.Е. Ерина, В.Б. Конасова, Д.Д. Фролова, А. Хильгера, Б. Штельцль-Маркс²⁶.

Результаты работы историков повлияли на отношение общественности к проблеме военнопленных минувшей войны. Об общественном интересе к судьбам «узников войны» свидетельствовало создание тематических музейных экспозиций. В августе 2003 г. в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике состоялась встреча вологодских историков (В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых, С.Н. Цветкова) с финскими партнерами – председателем Союза бывших военнопленных Финляндии Т. Алавой и председателем «Общества памяти жертв войны» П. Питканеном. Ученые обменялись информацией, обсудили ряд дискуссионных проблем и наметили пути дальнейшего изучения судеб военнопленных минувшей войны.

В 2004 г. в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике открылась выставка «Трагедия плена». Помощь в подготовке этого проекта оказали департамент культуры Правительства Вологодской области и вологодское отделение общества «Мемориал». Данная выставка позволила вологжанам ознакомиться с фотографиями, рисунками, письмами военнопленных, предметами лагерного инвентаря. Наконец, в 2008 г. при непосредственном участии вологодских историков в музее г. Санкт-Галлена (Швейцария) была организована международная выставка «Холод, голод, тоска по родине», рассказывающая о пребывании швейцарских граждан в советском плену.

Необходимость комплексного изучения проблемы военного плена и развития международного диалога потребовала объединения усилий на ниве исторических изысканий. Летом 2005 г. вологодскими историками, членами вологодского отделения общества «Мемориал», представителями общественности России, Украины, Австрии, Германии, Швейцарии, Финляндии было основано международное общество «Русский плен». Его деятельность направлена на воссоздание объективной истории пребывания иностранных военнопленных на территории

СССР. Основными задачами общества являются исследования по истории советского военного плена; изучение системы лагерей, тюрем и колоний на Европейском Севере СССР; помощь родственникам умерших в плену иностранных граждан (информационная поддержка, помощь в установлении контактов, консультирование при посещении мест захоронений); содействие родственникам советских военнопленных в поиске мест захоронений за рубежом; уход за воинскими захоронениями; развитие международного диалога (международные встречи, школьные и студенческие обмены, организация визитов иностранных делегаций и т.д.).

В 2009 г. членами общества А.Л. Кузьминых, С.И. Старостиным и А.Б. Сычевым была подготовлена и опубликована книга «Теперь я прибыл на край света...»²⁷. В ее первом томе рассказывается об истории лагерей и спецгоспиталей для содержания обезоруженных

неприятельских военнослужащих на территории Вологодчины. Во втором томе приводится список умерших иностранных военнопленных и интернированных, а также дается информация о местах их погребения. Безусловно, выход данной книги – это только начало поисковой работы, позволяющей выяснить судьбы иностранных военнослужащих в советском плену. В будущем авторы книги планируют подготовить электронную базу данных, в которой будут систематизированы сведения о военнопленных и интернированных, умерших на территории региона.

Таким образом, вологодскими учеными достигнуты значительные успехи в изучении военного плена, интернирования и депортаций Второй мировой войны. Хочется надеяться, что традиции, заложенные А.С. Бланком и В.Б. Конасовым, будут продолжены и найдут свое воплощение в трудах молодых исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00344а.

² См.: Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда, 1963; Бланк А., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943–1945 гг. М., 1969.

³ См.: Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. С. 18–19.

⁴ См.: Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ См.: Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. K In, 1979.

⁷ См.: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

⁸ См.: Конасов В.Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991.

⁹ См.: Zwischen zwei Kirchentagen (Aus der Geschichte deutscher Kriegsgefangener). Hamburg, 1996.

¹⁰ См.: Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Вологда, 1996.

¹¹ Рецензии и отзывы на работы В.Б. Конасова опубликованы в отдельной брошюре. (См.: Историк о судьбах немецких военнопленных в СССР. М., 1997).

¹² См.: Конасов В.Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

¹³ См.: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2). Немецкие военнопленные в СССР. 1941–1955 гг.: Сб. документов. Кн. 1. М., 1999; Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950-е гг.): Документы, факты, комментарии. М., 2001.

¹⁴ См.: Конасов В.Б., Акинхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла: Материалы к вузовскому спецкурсу и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». Вологда, 1999.

¹⁵ См.: Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: Внешнеполитический аспект проблемы. М., 1998; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002; Они же. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере. Вологда, 2002; Они же. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.): Исторический очерк, документы и материалы. Вологда, 2002.

¹ Stat'ja podgotovlena pri finansovoj podderzhke RGNF, grant № 12-01-00344a.

² См.: Blank A.S. Nacional'nyj komitet «Svobodnaja Germanija» – centr antifashistskoj bor'by nemeckih patriotov. 1943–1945. Vologda, 1963; Blank A., Level' B. Nasha cel' – svobodnaja Germanija. Iz istorii antifashistskogo dvizhenija «Svobodnaja Germanija» 1943–1945 gg. M., 1969.

³ См.: Blank A.S. Nacional'nyj komitet «Svobodnaja Germanija» – centr antifashistskoj bor'by nemeckih patriotov. S. 18–19.

⁴ См.: Tam zhe. S. 4.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ См.: Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. K In, 1979.

⁷ См.: Blank A.S., Havkin B.L. Vtoraja zhizn' fel'dmarshala Pauljusa. M., 1990.

⁸ См.: Konasov V.B. Grif sekretnosti snjat. K istorii nemeckih voennoplennyh v SSSR. Vologda, 1991.

⁹ См.: Zwischen zwei Kirchentagen (Aus der Geschichte deutscher Kriegsgefangener). Hamburg, 1996.

¹⁰ См.: Суд'бы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Вологда, 1996.

¹¹ Recenzii i otzyvy na raboty V.B. Konasova opublikovany v otdel'noj broshjure. (Sm.: Istorik o sud'bah nemeckih voennoplennyh v SSSR. M., 1997).

¹² См.: Konasov V.B. Politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii nemeckih voennoplennyh (1941–1956 gg.): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1998.

¹³ См.: Russkij arhiv. Velikaja Otechestvennaja. T. 13 (2). Nemeckie voennoplennye v SSSR. 1941–1955 gg.: Sb. dokumentov. Kn. 1. M., 1999; Voennoplennye i internirovannye grazhdane Germanii: put' na roдину iz SSSR (1940–1950-е гг.): Dokumenty, fakty, kommentarii. M., 2001.

¹⁴ См.: Konasov V.B., Akin'hov G.A., Sudakov V.V. Na styke fronta i tyla: Materialy k vuzovskomu speckursu i shkol'nomu fakul'tativu «Vologodskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny». Vologda, 1999.

¹⁵ См.: Konasov V.B. Sudebnoe presledovanie nemeckih voennoplennyh v SSSR: Vneshnepoliticheskij aspekt problemy. M., 1998; Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Nemeckie voennoplennye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat. Vologda, 2002; Oni zhe. Finskie voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny na Evropejskom Severe. Vologda, 2002; Oni zhe. Pol'skie voennoplennye v Grjazoveckom lagere NKVD (1939–1941 gg.): Istoricheskiy ocherk, dokumenty i materialy. Vologda, 2002.

¹⁶ См.: Исупов П.П. [Рец. на кн. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002] // Отечественная история. 2003. № 3. С. 167–168; Крупенников А.А. Серьезное исследование о военнопленных вермахта в СССР [Рец. на кн. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002] // Военно-исторический журнал. 2003. № 3. С. 78; Филитов А.М. [Рец. на кн. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002] // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 162–163; Букин С.С., Долголюк А.А. [Рец. на кн. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002] // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 102–103; Петров П.В. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1956). Вологда, 2002] // Новый Часовой. 2004. № 15–16. С. 463–466; Фролов М.И. [Рец. на кн.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1956). Вологда, 2002] // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 65; Karner S. [Konasov V.B., Kuz'minych A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat [Deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR: Historiografie, Bibliografie, Begriffserklaerungs- und Nachschlageeteil] / Vologodskij institut razvitija obrazovanija. Vologda, 2002] // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Band 53 (2005). H. 3. S. 456–458.

¹⁷ См.: Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг. (на материалах Вологодской и Архангельской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2003.

¹⁸ См.: Он же. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005. На книгу были опубликованы рецензии: Всеволодов В.А. [Рец. на кн.: Кузьминых А.Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. Вологда, 2005] // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 170–172; Конасов В.Б. [Рец. на кн.: Кузьминых А.Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. Вологда, 2005] // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 68.

¹⁹ См., напр.: Белова Н.А. Вологодские тюрьмы и карательная политика государства в 1930–1950 годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы науч. конф. Вологда, 2005. С. 204–210; Она же. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма. Вологда, 2006. С. 94–101; Она же. Вологодские тюрьмы в период Великой Отечественной войны // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2005. Вып. 12. Ч. 1. С. 149–158; Она же. К вопросу о кадровом составе работников мест заключения в 1930–1950-е гг. на региональном уровне (на материалах Вологодской и Архангельской областей) // Европейский Север России: традиции и модернизационные процессы: Материалы науч. конф. Вологда; Молочное, 2006. Ч. 2. С. 35–41.

²⁰ См.: Она же. Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008.

²¹ См., напр.: Старостин С.И. Документы архива УВД Вологодской области о судьбах депортированных граждан СССР и других стран // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2004. Вып. 10. С. 184–196; Он же. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы // Там же. Вологда, 2003. Вып. 9. С. 109–125; Он же. Польские спецпереселенцы в Вологодской области (1940–1946 годы) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы науч. конф. Вологда, 2005. С. 218–229; Он же. Депортированные советские и иностранные граждане в годы Великой Отечественной войны (на мате-

¹⁶ См.: Isupov P.P. [Rec. na kn. Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat. Vologda, 2002] // Otechestvennaja istorija. 2003. № 3. S. 167–168; Krupennikov A.A. Ser'eznoe issledovanie o voennoplennyh vermahta v SSSR [Rec. na kn. Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat. Vologda, 2002] // Voennostoricheskij zhurnal. 2003. № 3. S. 78; Filitov A.M. [Rec. na kn. Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat. Vologda, 2002] // Voprosy istorii. 2003. № 3. S. 162–163; Bukin S.S., Dolgoljuk A.A. [Rec. na kn. Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat. Vologda, 2002] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2003. № 2. S. 102–103; Petrov P.V. [Rec. na kn.: Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Finskie voennoplennnye Vtoroj mirovoj vojny na Evropejskom Severe (1939–1956). Vologda, 2002] // Novyj Chasovoj. 2004. № 15–16. S. 463–466; Frolov M.I. [Rec. na kn.: Konasov V.B., Kuz'minyh A.L. Finskie voennoplennnye Vtoroj mirovoj vojny na Evropejskom Severe (1939–1956). Vologda, 2002] // Voennostoricheskij zhurnal. 2004. № 10. S. 65; Karner S. [Konasov V.B., Kuz'minych A.L. Nemeckie voennoplennnye v SSSR: istoriografija, bibliografija, spravocno-ponjatijnyj apparat [Deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR: Historiografie, Bibliografie, Begriffserklaerungs- und Nachschlageeteil] / Vologodskij institut razvitija obrazovanija. Vologda, 2002] // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Band 53 (2005). H. 3. S. 456–458.

¹⁷ См.: Kuz'minyh A.L. Polozhenie inostrannyh voennoplennyh na Evropejskom Severe: 1939–1949 gg. (na materialah Vologodskoj i Arhangel'skoj oblastej): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vologda, 2003.

¹⁸ См.: Он же. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005. На книгу были опубликованы рецензии: Всеволодов В.А. [Rec. na kn.: Kuz'minyh A.L. Inostrannye voennoplennnye Vtoroj mirovoj vojny na Evropejskom Severe SSSR. Vologda, 2005] // Voprosy istorii. 2007. № 10. S. 170–172; Konasov V.B. [Rec. na kn.: Kuz'minyh A.L. Inostrannye voennoplennnye Vtoroj mirovoj vojny na Evropejskom Severe SSSR. Vologda, 2005] // Voennostoricheskij zhurnal. 2007. № 12. S. 68.

¹⁹ См., напр.: Belova N.A. Vologodskie tjur'my i karatel'naja politika gosudarstva v 1930–1950 gody // Evropejskij Sever v sud'be Rossii: obwee i osobennoe istoricheskogo processa: Materialy nauch. konf. Vologda, 2005. S. 204–210; Она же. Dejatel'nost' mest lishenija svobody na territorii Vologodskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Uroki vojny – uroki pravdy, muzhestva i patriotizma. Vologda, 2006. S. 94–101; Она же. Vologodskie tjur'my v period Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoricheskoe kraevedenie i arhivy. Vologda, 2005. Vyp. 12. Ch. 1. S. 149–158; Она же. K voprosu o kadrovom sostave rabotnikov mest zakljuchenija v 1930–1950-e gg. na regional'nom urovne (na materialah Vologodskoj i Arhangel'skoj oblastej) // Evropejskij Sever Rossii: tradicii i modernizacionnyje processy: Materialy nauch. konf. Vologda; Molochnoe, 2006. Ch. 2. S. 35–41.

²⁰ См.: Она же. Dejatel'nost' penitenciarных uchrezhdenij i ih rol' v repressivnoj politike sovetskogo gosudarstva v 1937–1953 gg. (na materialah Arhangel'skoj i Vologodskoj oblastej): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Arhangel'sk, 2008.

²¹ См., напр.: Starostin S.I. Dokumenty arhiva UVD Vologodskoj oblasti o sud'bah deportirovannyh grazhdan SSSR i drugih stran // Istoricheskoe kraevedenie i arhivy. Vologda, 2004. Vyp. 10. S. 184–196; Он же. Struktura i funkcii administracii specpereselencheskih poselkov Vologodskoj oblasti v 1930–1956 gody // Tam zhe. Vologda, 2003. Vyp. 9. S. 109–125; Он же. Pol'skie specpereselenicy v Vologodskoj oblasti (1940–1946 gody) // Evropejskij Sever v sud'be Rossii: obwee i osobennoe istoricheskogo processa: Materialy nauch. konf. Vologda, 2005. S. 218–229; Он же. Deportirovannye sovetskie i inostrannye grazhdane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Vologodskoj i

риалах Вологодской и Архангельской областей) // Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2006. С. 101–112.

²² См.: *Deportowani w obwodzie wologodzki*. Warszawa, 2005.

²³ См.: Кузьминых А.Л. Военнопленные и северяне: становление диалога (1939–1949 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 120–126; Он же. Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 168–180; Он же. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119; Он же. Лагерь № 150 // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 221–238; Он же. Труд военнопленных в развитии экономики СССР. 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 129–141; Он же. Неизвестные строители Северной Магнитки. Военнопленные на предприятиях и стройках Череповца // Родина. 2011. № 6. С. 45–47; Кузьминых А.Л., Алиев Н.Н. Воспоминания немецких военнопленных Второй мировой войны как исторический источник // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 164–170; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Оперативно-следственная работа с иностранными военнопленными в лагерях Европейского Севера СССР. 1939–1949 гг. // Новый Часовой. 2006. № 17–18. С. 139–158; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Спецлагеря для бывших военнопленных Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.

²⁴ См.: Исправительные учреждения Европейского Севера России накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2005; Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2006; История пенитенциарных учреждений Вологодского края: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2006; История пенитенциарной системы России в XX веке: Сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007; Органы управления уголовно-исполнительной системы и карательная политика государства на Европейском Севере России: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2008; Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории. Вологда, 2009. Ч. 1: Исторические очерки; Территориальные органы управления уголовно-исполнительной системы: опыт формирования и функционирования (XIX–XX вв.): Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2009; Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации России во второй половине XIX – начале XXI веков: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2010; Власть и общество на Европейском Севере России: исторический опыт и современность: Материалы межрегион. науч. конф. Вологда, 2010; Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: Сб. ст. Вологда, 2010.

²⁵ См.: 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2006.

²⁶ См.: Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР: Материалы междунар. науч. семинара. Вологда, 2006.

²⁷ См.: Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Очерки и документы: В 2 т. Вологда, 2009.

Arhangel'skoj oblasti) // Uroki vojny – uroki pravdy, muzhestva i patriotizma: Materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. Vologda, 2006. S. 101–112.

²² Sm.: *Deportowani w obwodzie wologodzki*. Warszawa, 2005.

²³ Sm.: Kuz'minyh A.L. Voennoplennye i severjane: stanovlenie dialoga (1939–1949 gg.) // Otechestvennaja istorija. 2005. № 2. S. 120–126; On zhe. Nemeckie voennoplennye v SSSR: social'no-psihologicheskij aspekt problemy // Novaja i novejšaja istorija. 2006. № 1. S. 168–180; On zhe. Inostrannye voennoplennye i sovetskie zhenwiny // Otechestvennaja istorija. 2008. № 2. S. 114–119; On zhe. Lager' № 150 // Rossiya i sovremennij mir. 2008. № 2. S. 221–238; On zhe. Trud voennoplennyh v razvitii jekonomiki SSSR. 1939–1956 gg. // Voprosy istorii. 2010. № 8. S. 129–141; On zhe. Neizvestnye stroiteli Severnoj Magnitki. Voennoplennye na predpriijatijah i strojkah Cherepovca // Rodina. 2011. № 6. S. 45–47; Kuz'minyh A.L., Aliev N.N. Vospominanija nemeckih voennoplennyh Vtoroj mirovoj vojny kak istoricheskij istochnik // Voprosy istorii. 2009. № 11. S. 164–170; Kuz'minyh A.L., Starostin S.I. Operativno-sledstvennaja rabota s inostrannymi voennoplennymi v lagerjah Evropejskogo Severa SSSR. 1939–1949 gg. // Novyj Chasovoj. 2006. № 17–18. S. 139–158; Kuz'minyh A.L., Starostin S.I. Speclagerja dlja byvshih voennosluzhawih Krasnoj armii, nahodivshijsja v plenu i okruzenii protivnika // Rossijskaja istorija. 2010. № 3. S. 48–53.

²⁴ Sm.: Ispravitel'nye uchrezhdenija Evropejskogo Severa Rossii nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2005; Organy vnutrennih del Vologodskoj oblasti nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2006; Istorija penitencijarnyh uchrezhdenij Vologodskogo kraja: Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2006; Istorija penitencijarnoj sistemy Rossii v HH veke: Sb. materialov mezhdunar. nauch. seminar. Vologda, 2007; Organy upravlenija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i karatel'naja politika gosudarstva na Evropejskom Severe Rossii: Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2008; Organy vnutrennih del i ispravitel'no-trudovye uchrezhdenija Vologodskoj oblasti (1937–1953 gg.): neizvestnye stranicy istorii. Vologda, 2009. Ch. 1: Istoricheskie ocherki; Territorial'nye organy upravlenija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: opyt formirovanija i funkcionirovanija (XIX–HH vv.): Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2009; Ugolovno-ispolnitel'naja sistema v uslovijah modernizacii Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XXI vekov: Sb. materialov nauch.-prakt. seminar. Vologda, 2010; Vlast' i obwestvo na Evropejskom Severe Rossii: istoricheskij opyt i sovremennost': Materialy mezhtregion. nauch. konf. Vologda, 2010; Istorik i ego vremja. Pamjati professora V.B. Konasova: Sb. st. Vologda, 2010.

²⁵ Sm.: 1941–1945: uroki vojny – uroki pravdy, muzhestva i patriotizma: Materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf. Vologda, 2006.

²⁶ Sm.: Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru SSSR i FRG. Nemeckie voennoplennye v SSSR: Materialy mezhdunar. nauch. seminar. Vologda, 2006.

²⁷ Sm.: Kuz'minyh A.L., Starostin S.I., Sychev A.B. «Teper' ja pribyl na kraj sveta...»: Ocherki i dokumenty: V 2 t. Vologda, 2009.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой – проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

В первом квартале 2012 г. сотрудниками института защищены 4 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре в библиотеке института.

Канунникова Ольга Витальевна, преподаватель кафедры русского и иностранных языков.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.08 – Философия науки и техники (научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г.Н. Оботурова) состоялась 23 января 2012 г. в диссертационном совете Д 212.154.06 при Московском педагогическом государственном университете. **Тема: «Метаязык как способ образования абстракций в гуманитарных и когнитивных науках».**

Целью диссертационного исследования являлся анализ метаязыка как способа образования абстракций в гуманитарных и когнитивных науках.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Изучены концепции метаязыка как объекта исследования философии науки в контексте неклассической теории познания; осуществлена рациональная реконструкция метаязыковых подходов к образованию понятий в истории философии и науки; исследована роль и значение метаязыка как способа образования абстракций в лингвистике; рассмотрены особенности лексических универсалий в психологии культуры; проведен анализ метаязыковых концепций моделирования естественного интеллекта в когнитивных науках.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что дан анализ и проведена реконструкция различных концепций и подходов к пониманию метаязыка как способа образования абстракций. Обоснована необходимость использования метаязыка как своего рода познавательной модели, позволяющей выявлять лингвистическую и семантическую специфику языков конкретных гуманитарных наук, национальных культур, характеров, являющейся инструментом моделирования естественного интеллекта. Показана целесообразность рассмотрения метаязыка как семантической модели познания не только в рамках классических, формально-логических, но и в неклассических, гуманитарных, междисциплинарных, когнитивных исследованиях. Полученные результаты могут быть использованы в разработке основных проблем курса философии, при подготовке таких спецкурсов по общим проблемам философии науки, языка, гуманитарных наук, искусственного интеллекта, как «Концепции метаязыка в истории философии и аналитической философии XX в.», «Специфика метаязыка как семантической модели познания в гуманитарных и когнитивных науках», «Эволюция компьютерных семантических моделей метаязыка в современных информационных технологиях».

Дербина Ольга Васильевна, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор А.М. Кононов) состоялась 26 января 2012 г. в диссертационном совете Д 338.002.01 при Псковском юридическом институте Федеральной службы исполнения наказаний.

Тема: «Правовое и организационное обеспечение планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы России».

Целью диссертационного исследования являлась разработка теоретических, правовых и организационных основ планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы и обоснование комплекса мер, направленных на их совершенствование.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Исследованы понятие и сущность планирования правоохранительной деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Проведен ретроспективный анализ развития правового и организационного обеспечения функции планирования правоохранительной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний. Проанализировано содержание правового обеспечения планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы, выявлены проблемы в правовом регулировании планирования, определены направления их решения. Исследована специфика системы, структуры и содержания актов планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы, определены пути их совершенствования. Изучены правовые и организационные аспекты системы субъектов, участвующих в планировании правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы, предложены направления их совершенствования. Осуществлен анализ процессуально-правовых аспектов организации планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы, на основе которого разработаны предложения по совершенствованию этапов планирования.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что получены научные выводы, позволяющие расширить теоретические взгляды на организацию планирования в сфере исполнения уголовных наказаний, которые могут оказаться полезными при дальнейших научных исследованиях, связанных с совершенствованием отдельных видов, форм и методов планирования правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы. Практическая значимость исследования выражается в разработанных автором предложениях по совершенствованию нормативных правовых актов и практических рекомендациях по планированию правоохранительной деятельности органов и учреждений ФСИН России. Материалы диссертационного исследования могут применяться в учебном процессе при преподавании курсов, затрагивающих проблемы организации планирования работы правоохранительных органов, для подготовки учебных и учебно-методических пособий по соответствующим дисциплинам.

Михайлов Алексей Николаевич, преподаватель кафедры организации психологической службы в УИС.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 – Юридическая психология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор В.М. Поздняков) состоялась 8 февраля 2012 г. в диссертационном совете Д 229.003.02 при Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань). **Тема: «Психология трансформации личности осужденных молодежного возраста при использовании ими права бесконвойного передвижения».**

Цель диссертационного исследования состояла в выявлении внешних факторов и внутренних условий, влияющих на содержание трансформации личности осужденных молодежного возраста при использовании ими права передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения, а также в разработке на основе полученных эмпирических данных научно обоснованной классификации данной категории осужденных и методических рекомендаций по их психологическому сопровождению.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проведен теоретико-методологический анализ зарубежных и отечественных подходов к изучению трансформации личности в условиях изоляции; раскрыты психологические особенности личности и разработана программа изучения трансформации личности осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бесконвойного передвижения; выявлены детерминанты и психологические особенности трансформации личности осужденных молодежного возраста при использовании ими права передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения; научно обоснованы дифференциация и направления психологического сопровождения осужденных молодежного возраста, пользующихся правом передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения; разработаны методические рекомендации по их психологическому сопровождению.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что раскрыты психодинамические тенденции трансформации личности осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бесконвойного передвижения за пределами ИУ, а также разработана их классификация. Создана научно обоснованная модель организации психологического сопровождения данной категории осужденных, базирующаяся на выявлении и задействовании потенциала их личности, психологической коррекции деструкции и поддержке при становлении полноценными субъектами просоциальной жизнедеятельности. Результаты исследования востребованы для повышения целенаправленности исправительного воздействия на осужденных молодежного возраста, в том числе при рассмотрении аттестационными комиссиями ИУ вопроса о предоставлении осужденным права бесконвойного передвижения и применении к ним иных мер системы «социальных лифтов». Предложенные методические рекомендации по психологическому сопровождению осужденных применяются сотрудниками психологической службы как для отбора кандидатов из числа осужденных, так и для блокирования деструктивных последствий трансформации личности при нахождении в условиях бесконвойного передвижения. Материалы исследова-

ния используются при преподавании в высших образовательных учреждениях ФСИН России дисциплин «Юридическая психология», «Пенитенциарная психология», «Организация психологической службы в УИС», «Психология в деятельности сотрудников УИС», а также в рамках ряда спецкурсов при повышении квалификации и переподготовке психологов.

Морозов Роман Михайлович, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность (научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Л.В. Лазарева) состоялась 16 февраля 2012 г. в диссертационном совете ДМ 229.004.01 при Владимирском юридическом институте Федеральной службы исполнения наказаний. **Тема: «Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений».**

Целью диссертационного исследования являлся анализ теоретических и практических вопросов расследования побегов из исправительных учреждений на первоначальном этапе и разработка на этой основе практических рекомендаций.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач: дано определение понятия первоначального этапа расследования преступлений в ИУ; раскрыто содержание первоначального этапа расследования побегов из ИУ; проанализировано содержание отдельных элементов, составляющих криминалистическую характеристику побегов из ИУ; выделены типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования побегов из ИУ, и алгоритмы действий следователя и сотрудников органа дознания в этих ситуациях; рассмотрены тактические особенности и определены пути повышения результативности отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования побегов из ИУ; изучены особенности применения специальных познаний на первоначальном этапе расследования побегов, сформулированы соответствующие практические рекомендации; проанализирована практика взаимодействия сотрудников ОВД с должностными лицами УИС на первоначальном этапе расследования побегов из ИУ, сформулированы рекомендации по повышению эффективности этого процесса.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в нем теоретические положения и выводы, обладая элементами научной новизны, развивают и дополняют ряд разделов криминалистики, их совокупность вносит определенный вклад в совершенствование криминалистической методики. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования содержащихся в работе выводов и предложений в практической деятельности по расследованию побегов из ИУ на первоначальном этапе, а также для эффективного применения специальных познаний, организации взаимодействия при производстве отдельных следственных действий и в целом для повышения эффективности расследования уголовных дел данной категории. Отдельные положения диссертации могут быть использованы при подготовке учебно-методических материалов по криминалистике, в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на монографию
Смеловой Светланы Владимировны
на тему «Уголовная ответственность
за превышение должностных полномочий»**

З.С. ЗАРИПОВ – профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Монография Смеловой С.В. посвящена актуальной научно-прикладной проблеме. Актуальность темы работы обусловлена существующими противоречиями в законодательной регламентации и в практике определения правоприменительными органами признаков превышения должностных полномочий при сохраняющемся высоком удельном весе данного преступления в структуре преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Обеспечение защиты интересов гражданина, общества и государства должно выражаться и в совершенствовании уголовно-правовых средств, направленных на противодействие различного рода незаконным действиям должностных лиц.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней проведено комплексное исследование проблем квалификации превышения должностных полномочий, рассмотрены достоинства и недостатки, имеющиеся в практике применения норм ст. 286 УК РФ. Автором определены основания уголовной ответственности за превышение должностных полномочий, решен вопрос о соотношении данного состава преступления и составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 285¹ и 285², 288 УК РФ, а также некоторых преступлений против правосудия (ст. 299–302, 305 УК РФ).

Структура работы отличается логикой изложения материала. Обращают на себя внимание значительный объем использованных библиографических источников по проблемам должностных преступлений и добротность эмпирической базы, собранной в процессе подготовки материала.

В монографии имеются конкретные научно обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию УК РФ и практики его применения в части установления ответственности за превышение должностных полномочий с учетом отечественного и зарубежного опыта. В целом представленная работа соответствует всем предъявляемым требованиям к научным работам данного вида и может быть рекомендована для использования в практической деятельности правоохранительных органов, а также в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля при преподавании дисциплин «Уголовное право» и «Криминология».

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Панова О.Б. Становление правовой позиции воспитанника исправительного учреждения как педагогическая проблема: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 115 с. – ISBN 978-5-94991-196-9.

В монографии представлен историко-педагогический анализ подходов к правовому воспитанию, позволивший выявить и охарактеризовать наиболее востребованные юридически значимые характеристики в структуре личностных качеств человека; дано обоснование важности педагогического сопровождения процесса становления правовой позиции воспитанника исправительного учреждения, отражающей стратегию поведения несовершеннолетнего осужденного в соответствии с уровнем его правовой социальности.

Книга адресуется преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям ведомственных вузов ФСИН России, может представлять интерес для практических работников исправительных учреждений, иных специалистов, занимающихся профилактикой антиобщественного поведения детей.

Актуальные проблемы применения уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 27–28 апреля 2011 г.) / Отв. ред. В.Ф. Лапшин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 398 с. – ISBN 978-5-94991-190-7.

В настоящем сборнике представлены материалы научных исследований различных аспектов современной уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, особенностей их уголовной ответственности, предупреждения преступности несовершеннолетних в современных условиях, а также вопросов создания воспитательных центров для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Кроме этого, размещенные в сборнике материалы содержат предложения по совершенствованию профилактических мер, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям, изменению действующей в пенитенциарных учреждениях системы мер поощрения и дисциплинарного стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних.

Материалы сборника представляют интерес для научных и практических работников, студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, всех интересующихся проблемами правовой регламентации деятельности по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности: Сборник материалов III Международной электронной научной конференции (г. Вологда, 19 октября 2010 г.) / Отв. ред. А.А. Бабкин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 203 с.

Сборник посвящен актуальным вопросам применения новых информационных и компьютерных технологий в деятельности УИС и других правоохранительных органов, управлении социально-правовыми, социально-экономическими и техническими систе-

мами, а также математическим основам функционирования вычислительной техники.

Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов III Международного научно-практического семинара (Вологда, 27–28 апреля 2011 года) / Отв. ред. О.В. Кондрашин, И.В. Огурцов. – Ч. 2. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 133 с.

В сборник вошли материалы семинара, организованного кафедрой боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, которые освещают современное состояние профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, некоторые проблемы подготовки профессиональных кадров для силовых структур, вопросы совершенствования методики проведения занятий по огневой и тактико-специальной подготовке с сотрудниками ФСИН России, организацию взаимодействия ведомственных вузов с практическими органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам служебно-боевой подготовки сотрудников.

Материалы могут быть использованы в работе практических органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при организации занятий по огневой и тактико-специальной подготовке, в процессе обучения курсантов и слушателей высших учебных заведений ФСИН России, а также для подготовки научных исследований в данной области.

Воспитательный центр: поиск, проблемы, решения: Сборник материалов учебно-методических сборов начальников исправительных учреждений, планируемых к назначению на должности начальников воспитательных центров (г. Вологда, 20–23 сентября 2011 г.) / Отв. ред. П.В. Голодов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 259 с.

В книге представлены материалы учебно-методических сборов начальников исправительных учреждений, планируемых к назначению на должности начальников воспитательных центров, которые проводились на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России 20–23 сентября 2011 г.

Содержание сборника охватывает вопросы реализации отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в части преобразования воспитательных колоний в воспитательные центры, отражает проблемы организации основных направлений деятельности воспитательных колоний, связанные с реализацией положений модели воспитательного центра.

Право и демократия: региональные аспекты развития федерализма в России: Сборник материалов всероссийской конференции, посвященной 20-летию провозглашения государственного суверенитета России (г. Вологда, 25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. И.В. Груздева, С.В. Бабурин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 224 с. – ISBN 978-5-94991-189-1.

Актуальные проблемы производственного сектора УИС: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. М.М. Андропова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – Вып. 2, 3.

Сборники отражают актуальные проблемы организации труда осужденных, дают представление о научных интересах кафедр инженерно-экономического факультета института, содержат некоторые практические решения и рекомендации по пробле-

мам реформирования учреждений УИС. В работе семинаров приняли участие сотрудники территориальных органов ФСИН России, ученые вузов Украины, России, адъюнкты, аспиранты, курсанты и студенты вузов ФСИН России и гражданских вузов г. Вологды.

Сборники предназначены для профессорско-преподавательского состава родственных кафедр вузов, а также для практических работников учреждений УИС.

Бабкин А.А., Панфилова О.А., Шлыков С.А. Информационные технологии и системы их использование в сфере управления персоналом: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 159 с. – ISBN 978-5-94991-198-3.

В учебном пособии рассматривается применение информационных технологий и систем в сфере управления персоналом, в том числе специализированные программные средства подразделений Федеральной службы исполнения наказаний.

Пособие предназначено для курсантов и слушателей, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Управление персоналом» в высших профессиональных образовательных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, а также для научных сотрудников, адъюнктов и преподавателей. Оно может быть использовано практическими работниками кадровых аппаратов, секретариатов Федеральной службы исполнения наказаний и других правоохранительных органов для служебной подготовки сотрудников.

Филипова Е.Е. и др. Математика: теория вероятностей и математическая статистика: Учебное пособие для специальности «Психология» / Е.Е. Филипова, И.Н. Слободская, Д.В. Сергеева. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 91 с. – ISBN 978-5-94991-191-4.

В издании представлены теоретические положения основных разделов теории вероятностей и математической статистики, приведены все используемые в данной отрасли формулы и теоремы, даны примеры, иллюстрирующие методы решения задач, содержится большое количество упражнений по каждой из рассматриваемых тем.

Пособие предназначено для аудиторной и самостоятельной работы курсантов ведомственных вузов, обучающихся по специальности «Психология».

Спиридонова Ю.Н. Расследование уголовных дел в форме дознания: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 66 с. – ISBN 978-5-94991-193-8.

В учебном пособии на основе анализа действующего законодательства и подзаконных нормативных актов рассматривается широкий круг вопросов, касающихся расследования уголовных дел в форме дознания, таких как уголовно-процессуальный статус начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя; история дознания; порядок производства следственных действий в ходе расследования; особенности окончания дознания.

Издание адресовано курсантам и слушателям ведомственных образовательных учреждений, обучающимся по специальностям 03501 – Юриспруденция и 030505 – Правоохранительная деятельность, а также всем, кто интересуется проблемами процессуального права.

Потапов А.М. и др. Зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы: Учебное пособие / А.М. Потапов, А.С. Колосов,

А.В. Звонов, Р.В. Комбаров. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 63 с. – ISBN 978-5-94991-197-6.

Учебное пособие содержит описание процесса исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в государствах Западной Европы, США, странах СНГ.

Данное пособие предназначено для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов, а также для аспирантов (адъюнктов), преподавателей и научных сотрудников.

Учебное пособие может быть использовано при изучении курса «Уголовно-исполнительное право» и учебных дисциплин по специальности 030501 – Юриспруденция.

Потапов А.М. и др. Проблемы развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказаний: Учебно-практическое пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 105 с. – ISBN 978-5-94991-192-1.

В учебно-практическом пособии рассматриваются проблемы развития и совершенствования альтернативных лишению свободы видов наказания. Каждая глава содержит список рекомендуемой литературы, а также перечень тестовых либо контрольных вопросов и заданий.

Издание предназначено для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов, а также для аспирантов (адъюнктов), преподавателей и научных сотрудников.

Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Документы и материалы: В 2 ч. / Сост. А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – Ч. 2. – ISBN 978-5-94991-194-5.

Данная работа посвящена истории органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений Вологодской области в 1937–1953 гг. В книге впервые публикуются архивные документы, освещающие различные аспекты деятельности территориальных органов НКВД–МВД в предвоенные, военные и послевоенные годы.

Издание адресовано преподавателям, научным работникам, а также курсантам, студентам и слушателям, изучающим спецкурсы «История органов внутренних дел», «История уголовно-исполнительной системы», «Региональные аспекты пенитенциарной практики Европейского Севера России».

Книга подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 120100344а.

Дорошенко И.С., Панова О.Б., Фетисова Н.Е. Формирование эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 66 с. – ISBN 978-5-94991-188-4.

В работе содержатся сведения о теоретических аспектах формирования эмпатийного поведения у лиц, осужденных к лишению свободы за совершение насильственных преступлений; представлены практические рекомендации по проведению социально-психологического тренинга, апробация которого осуществлялась в исправительных учреждениях УФСИН России по Тульской области.

Практические рекомендации предназначены для сотрудников психологических служб уголовно-исполнительной системы, а также курсантов (слушателей),

студентов и преподавателей высших образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, могут представлять интерес для иных специалистов, занимающихся профилактикой пенитенциарной и постпенитенциарной преступности.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

27 апреля 2012 г. на базе института проводится международная научно-практическая конференция «Проблемы выбора средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России».

В ходе конференции предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем формирования и реализации социально-экономической, уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, особенностей их уголовной ответственности, предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних в современных условиях, вопросов создания и функционирования воспитательных центров для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

В работе конференции планируется участие ведущих ученых научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, сотрудников территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, представителей пенитенциарных служб и образовательных учреждений Беларуси, Казахстана, Украины и Чехии, общественных правозащитных организаций.

По итогам работы конференции будут изданы сборники материалов и практические рекомендации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абатуров А.И., старший преподаватель Кировского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: cfyznrf@yandex.ru

Беляева Л.И., профессор Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: beliaeva_055@mail.ru

Грязева Н.В., преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России. E-mail: g.nadezhd@mail.ru

Комбаров Р.В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: R.V.Kombarov@yandex.ru

Красоткин П.Н., преподаватель-методист учебного отдела Кузбасского института ФСИН России. E-mail: krasootkin@mail.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: istorial@mail.ru

Кутякин С.А., доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: aru-fsin@mail.ru

Лебедев В.Б., доцент кафедры философии и истории Псковского юридического института ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: alguasil@mail.ru

Лещенко В.Г., доцент кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии. E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Мишальченко Ю.В., генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор. E-mail: myv2008@mail.ru

Огрохина Е.А., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ogrochina@mail.ru

Панова О.Б., начальник кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Пиджаков А.Ю., заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: pidzhakov@list.ru

Ракитская О.Н., доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: rakitskaya_oxana@list.ru

Серебрякова Е.Е., преподаватель кафедры предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде). E-mail: dryanin@yandex.ru

Спасенников Б.А., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Стахов Я.Г., начальник кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: amvd@mail.ru

Степанова Е.В., курсант третьего курса Псковского юридического института ФСИН России. E-mail: alguasil@mail.ru

Шмид Мартин, руководитель службы проба́ции Кантона Золотурн (Швейцария). E-mail: martin.t.schmid@bluewin.ch

Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation. E-mail: beliaeva_055@mai.ru

Gryazeva N.V., teacher of Criminal Procedure and Criminalistics Department of Samara Law Institute of the Federal Service of Executing Punishments of Russia. E-mail: g.nadezhd@mail.ru

Kombarov R.V., the teacher of chair of civil-law disciplines the Vologda institute of the right and economy FAEP of Russia. E-mail: R.V.Kombarov@yandex.ru

Krasotkin P.N., lecturer of the chair «Penal law» the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: krasootkin@mail.ru

Kutyakin S.A., Candidate Science (Law), assistant professor, the Chair of Administrative and Financial Law, the Russian Federal Penal Service Academy of Law and Management, colonel of the Ministry of the Interior. E-mail: apufsin@mail.ru

Kuzminykh A.L., associate professor, the Philosophy and History Department, the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service, PhD in History. E-mail: istorial@mail.ru

Lebedev V.B., candidate of historical sciences associate professor of philosophy and history of the Pskov legal institute of Federal service of execution of punishments of Russia. E-mail: alguasil@mail.ru

Leshenko V.G., senior lecturer from criminal law department of The Ural state law academy. E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Mishalchenko Y.V., General Adviser of the CIS Economic Court, he professor of chair of the European researches of St.-Petersburg state university, Professor, Dr. of International Law, Dr. of International Economics. E-mail: myv2008@mail.ru

Ogrokhina E.A., a candidate of philological sciences, docent, a docent of the Russian and Foreign languages Chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia. E-mail: ogrochina@mail.ru

Panova O.B., the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics, candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and Economics. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Pidzhakov A.U., Chief of the International Law Department at St. Petersburg State University of Civil Aviation, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Higher Education Worker of the Russian Federation, Professor, Dr. of International Law, Dr. of Historical Science, Professor. E-mail: pidzhakov@list.ru

Rakitskaya O.N., teacher of the chair of general psychology, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Executive Service, PhD in Psychology. E-mail: rakitskaya_oxana@list.ru

Schmid Martin, the head of the probation service of the canton Solothurn (Switzerland). E-mail: martin.t.schmid@bluewin.ch

Serebryakova E.E., lecturer in Business law Branch of the MSAL after O. E. Kutafin in Vologda. E-mail: dryanin@yandex.ru

Spasennikov B.A., the doctor of jurisprudence, the doctor of medicine-skih of sciences, the professor, the professor of chair of criminal law and criminology of the Vologda institute of the right and economy of Federal Agency of an execution of the punishment of Russia. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Stahov Y.G., the head of the criminal and organization of crime prevention department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, doctor of law sciences, professor. E-mail: amvd@mail.ru

Stepanova E.V., cadet of a third year of the Pskov legal institute of Federal service of execution of punishments of Russia. E-mail: alguasil@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Abaturov A.I., senior lecturer, FPS of Russia Academy, Kirov branch, PhD in Law. E-mail: cfyznrf@yandex.ru

Belyaeva L.I., professor, Academy of Home Affairs Management Department of Russia, Doctor of Law,

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Серeda

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 30.03.2012
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 3622
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Наш журнал освещает актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, затрагивает дискуссионные вопросы по наиболее актуальным проблемам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждает практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.